

Централизованная религиозная организация
Духовное управление мусульман Российской Федерации
Частное учреждение — образовательная организация высшего образования
Московский исламский институт

Дамир Мухетдинов

ИСТОРИЯ ИСЛАМА В РОССИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ (1818–2018)
ШИХАБУТДИНА МАРДЖАНИ

МОСКВА

2019

УДК 28-9(47+57)(075.8)
ББК 86.38-3я73
М92

Научное издание было подготовлено в рамках программы обеспечения разработки и издания учебных пособий и хрестоматий по основным исламским наукам в целях реализации Плана мероприятий по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2017–2020 годах Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

*Книга издана при содействии
Фонда поддержки исламской культуры,
науки и образования*

Рецензенты:

д.и.н., проф., акад. РАН **В.В. Наумкин**
д.и.н., проф. **А. Ю. Хабутдинов**

Мухетдинов Д.В.

М92 История ислама в России: учебное пособие / Д.В. Мухетдинов; под общ. ред. В.В. Трепавлова. — М.: ООО «Садра»; ИД «Медина», 2019. — 296 с. — (Исламский и доисламский мир: история и политика).

ISBN 978-5-907041-10-3

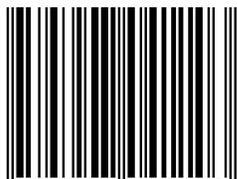
16+

В пособии предпринимаются попытки взглянуть на историю ислама как единую и неразрывную часть общего процесса складывания и развития государственности на территории Российской Федерации, приведшего в итоге к консолидации широких территорий, населенных представителями различных культур и народов, в составе Российского государства. Процесс распространения ислама на территории России вплетается в историю ряда политических образований, существование которых может рассматриваться в качестве этапов развития российской государственности. Пособие, подготовленное специально для студентов и специалистов, изучающих историю ислама в России, носит обзорный характер. Вместе с тем оно будет полезным для всех тех, кто интересуется историей ислама.

УДК 28-9(47+57)(075.8)

ББК 86.38-3я73

ISBN 978-5-907041-10-3

9 785907 041103 >

© ИД «Медина», 2019

© Мухетдинов Д.В., 2019

ВВЕДЕНИЕ

История ислама в России неразрывно связана с самой историей российской государственности, что подразумевает процесс не только формирования государственной территории, но и эволюции социально-политических институтов. Россия — многонациональное государство, и таким оно складывалось изначально. Занимаемая современной Россией территория населена множеством народов, обладающих своей уникальной культурой, и каждый из них имеет собственную историю, которая на каком-то этапе тесно переплелась с общей историей Российского государства. Ни один народ, ни одна культура, как известно, не развиваются изолированно, сами по себе. Социально-политические институты, характерные для обществ с более сложными формами социальной организации, чем *племя*, как правило, были продуктом взаимодействия с другими культурами. Поэтому нет причин сводить историю государства к истории какого-то одного народа, тем более государства многонационального, на различных исторических этапах формирования которого тот или иной этнос оставил свой след в эволюции социально-политических институтов.

Процесс распространения ислама на территории России вплетается в историю ряда политических образований, существование которых может рассматриваться в качестве этапов развития российской государственности. Несмотря на то, что собственно о России как полиэтничном и поликультурном государстве можно говорить не ранее чем со второй половины XVI в. (после завершения «собирания» московским царем Иваном Васильевичем Грозным ордынского наследия), многие социально-политические институты и механизмы взаимодействия власти и общества, которые были характерны для него в тот период, получили оформление в гораздо более ранние исторические времена, складываясь

при участии таких политических образований, как Хазарский каганат, Волжская Булгария и Золотая Орда, Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское ханства, и позже были унаследованы Московским княжеством, в конечном счете трансформировавшимся в Российское государство. Во всех перечисленных политических образованиях ислам играл очень важную роль. Речь идет, таким образом, не только об отказе от стереотипной, сложившейся в XVIII–XIX вв., этноцентричной схемы истории Российского государства «Русь — Московия — Россия»: в данной работе предпринята попытка взглянуть на историю ислама в России не с позиций внешнего наблюдателя, а именно емко свести воедино те исторические сведения, которые на сегодняшний момент находятся в нашем распоряжении, показав тем самым ее неразрывность с процессом формирования единого государства на территории современной Российской Федерации.

Поскольку все знания о минувших временах, которыми мы располагаем на сегодняшний день, черпаются из сохранившихся до нашего времени и доступных исследователям для работы источников, здесь видится необходимым иногда упоминать источники приводимых сведений, особенно малоизвестных широкой публике. Естественно, каждая эпоха или исторический период, связанный с тем или иным ареалом, донесли до нас различный по объему и информативности фонд материалов, поэтому многие эпохи приходится реконструировать буквально по крупинкам, и получившаяся картина, к сожалению, не всегда способна отразить всю сложность и многогранность происходивших в те времена процессов и имевших место явлений, и, соответственно, не всегда даже исследователь может получить внятный ответ на те или иные вопросы: увязать между собой сведения из источников, выявить причинно-следственные связи между различными событиями или явлениями, объяснить природу тех или иных процессов, встроить их в какую-то общую логику.

Кроме того, и в привлеченной для написания данной работы исследовательской литературе различные аспекты, связанные с историей бытования ислама на территории современной

Российской Федерации, также получили неравномерное освещение: какие-то события становились предметом специальных исследований, а что-то обсуждалось бегло и поверхностно, и, конечно же, нельзя не учитывать объективно наличие разносторонних оценок, обусловленных целеполаганием, теоретико-методологическим подходом или степенью компетентности того или иного автора, одних и тех же исторических фактов.

Поэтому разделы данной книги зачастую значительно диссоциируют друг с другом — прежде всего по объему и качеству приводимой информации. Ранние периоды истории ислама в России неравномерно освещены источниками в связи с тем, что его распространение на территориях современной Российской Федерации представляло собой совокупность нескольких, шедших фактически независимо друг от друга процессов, характерных для каждого конкретного географического района. Исторические периоды, последовавшие за объединением евразийского территориального пространства в единую политическую и экономическую систему под властью монгольских ханов, преподносят исследователям гораздо более четкую картину. По мере приближения к современности рассматриваемые эпохи находят достаточно широкое освещение в источниках ввиду их многочисленности. В результате и в научно-исследовательской литературе в более значительной мере нашло отражение рассмотрение ряда связанных с конкретной эпохой вопросов.

В данной работе были учтены все эти факторы, что отразилось на структуре книги. Разбивка книги на главы и разделы отражает представления автора об этапах истории ислама на территории Российской Федерации — как в контексте того или иного политического образования, так и в региональном аспекте. Во многих разделах мы посчитали нужным не останавливаться подробно на хорошо известных и приводимых в многочисленной литературе фактах, акцентируя внимание лишь на наиболее значимых эпизодах.

Книга не претендует на исчерпывающий глубинный анализ. В основе идеи ее создания лежит стремление обобщить

некоторые известные факты по истории ислама в России, осмыслить их и изложить это осмысление в максимально кратком объеме. Прежде всего — это попытка вписать историю ислама России в единую концепцию формирования Российского государства. И вместе с тем данная работа носит обзорный характер, поэтому было принято решение отказаться от применения справочного аппарата. Приложенный в конце работы библиографический список включает лишь ту литературу, которая, по мысли автора, может помочь студенту и любому читателю, начинающему постигать историю ислама в России, получить наиболее яркое и углубленное представление по общим вопросам. Из списка, соответственно, исключена литература, касающаяся частных деталей и не имеющая прямого отношения к истории ислама на территории России.

Книга в целом, возможно, производит впечатление разрозненных очерков, отличающихся по манере изложения, глубине и даже стилю, однако это было продиктовано как наличием определенного материала по каждой из отдельных эпох и касательно каждой темы, так и стремлением автора обратить внимание на те или иные исторические эпизоды, резче обозначить те или иные события, процессы, явления. Отчасти такой подход продиктован и некоторыми концептуальными соображениями, ведь, в сущности, до XVII в., пока Россия не сложилась как цельное государство *в близких к современным границам*, ее территория представляла собой конгломерат ряда государственных политических образований, созданных и населенных народами различного происхождения, языковой принадлежности, культурных и религиозных традиций. Тем не менее уже более чем тысячелетие назад на территории, входящей сегодня в состав России, возникло два основных очага распространения ислама: в Дагестане и в регионе слияния Волги и Камы (Волжская Булгария). В несколько меньшей степени ислам распространялся из других регионов Среднего и Нижнего Поволжья. После принятия ислама на государственном уровне в Золотой Орде семь веков назад можно говорить о начале расцвета исламской цивилизации на территории Крыма, Северного

Кавказа, современного Черноземья, Нижнего и Среднего Поволжья, Приуралья, Западной Сибири. «История ислама в России» в этот период представляет собой совокупность локальных историй ислама, часто отрывочных и поверхностных, ввиду недостатка материала при том, что для каждой из этих территорий ислам имеет разное значение. Но со второй половины XVI – XVII в., когда вся эта территория объединяется вокруг московского правительства, речь уже фактически идет об истории мусульманской *уммы* в составе образования имперского типа, со всеми присущими ему чертами в регулировании в том числе и религиозной политики. Это как бы два разных среза, две разные степени приближения обзора исторического процесса.

Таким образом, главная задача — показать поэтапно процесс распространения и трансформации ислама на территории современной Российской Федерации — имеет право считаться нами выполненной. Учитывая характер работы, она не претендует на безусловность и непогрешимость высказанных в ней мыслей.

Весь проект с самого начала осуществлялся с доброго благословения лидера российских мусульман — председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации и Совета муфтиев России муфтия шейха Равиля Гайнутдина. Хотелось бы искренне поблагодарить коллег, своими замечаниями и рекомендациями оказавших содействие в написании данной работы: к. и. н. И. Л. Алексеева (РГГУ), д. и. н., проф. И. В. Зайцева (ИНИОН РАН), д-ра, проф. М. Кемпера (Амстердамский университет), к. и. н. Т. В. Котюкову (ИВИ РАН), д. и. н., проф. Р. Г. Ланду (ИВ РАН), д. п. н., проф. А. В. Логинова (ИСАА МГУ), Д. В. Макарова (ДУМ РФ, МИИ), И. А. Нуриманова (ДУМ РФ), д. и. н., проф. О. Н. Сенюткину (НГЛУ), к. и. н. Д. Д. Тимохина (ИВ РАН), к. и. н. В. В. Тишина (ИМБТ СО РАН), д. и. н., проф. В. В. Трепавлова (ИРИ РАН), д. и. н., проф. А. Ю. Хабутдинова (КФУ), к. и. н. Д. З. Хайретдинова (ДУМ РФ, МИИ), М. З. Хайретдинова (МИИ), Р. А. Шарифуллина. Огромная благодарность нашим наставникам — академикам РАН д. и. н., проф. М. Б. Пиотровскому и д. и. н., проф. В. В. Наумкину, которые рецензировали эту книгу.

ГЛАВА I. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В VII–X ВВ. ХАЗАРСКИЙ ПЕРИОД

Распространение ислама в VII–VIII вв. связано непосредственно с ростом Арабского халифата, сначала под руководством четырех праведных халифов (632–661), с политическим центром в Медине (с 632 по 656 г.) и Куфе (с 656 по 661 г.), затем — халифов из династии Омейядов (661–750), чьей столицей был Дамаск. Одним из направлений военных кампаний арабов стало северное направление — в сторону Кавказа. Достаточно быстро получив контроль над землями Южного Кавказа¹, арабы устремились через горные проходы на север. Уже в 642/643 гг., при втором халифе, Умаре (634–644), первые отряды арабов появляются у стен Дербента. Командовал этой экспедицией Букайра б. Абдаллах аль-Лайси. Дербент был важным стратегическим пунктом, контролировавшим наряду с Дарьяльским ущельем один из двух горных проходов, которые являлись наиважнейшими артериями, способствовавшими сообщению Южного Кавказа с территорией Восточной Европы. Древний город когда-то был укреплен Сасанидским шахом Хосровом Ануширваном (531–579) и обнесен внушительными каменными стенами. Используемый как крепость, защищающая горный проход от северных кочевых соседей, тюркских племен, Баб аль-абваб (Дербент) оставался последним опорным пунктом Сасанидов на западе империи, еще не завоеванным арабами.

---

¹ В русскоязычной географической и исторической литературе принято обозначать этот регион как «Закавказье», но автору настоящей работы это не кажется логичным: учитывая существование понятия Северный Кавказ при отсутствии понятия «Предкавказье», здесь и далее по аналогии используется понятие «Южный Кавказ».

Халиф Умар поручил завоевание Дербента Сураке б. Амру, назначив его во главе отряда, отправленного на помощь Букайре. В авангарде выступил Абд ар-Рахман б. Рабиа аль-Бахили, к которому позже перешло все командование. В Дербенте сидел многочисленный сасанидский гарнизон. Абд ар-Рахману удалось договориться с наместником Дербента, который признал власть халифа в обмен на сохранение за ним его функций и освобождение от *джизьи*.

Сложная политическая обстановка в восточной части Южного Кавказа, по-видимому, заставила арабов на время оставить Дербент. Однако в 650/651 гг. арабские войска во главе с полководцем Абд ар-Рахманом б. Рабиа аль-Бахили заняли город. Несмотря на наличие большого гарнизона, пал город, судя по всему, без особого сопротивления, став теперь главным оплотом ислама в Кавказском регионе. Абд ар-Рахман значится в арабских источниках наместником этой крепости.

Серьезным противником арабов на Кавказе выступило политическое образование, известное в исторической литературе под названием Хазарский каганат, и арабо-хазарское противостояние в регионе затянулось на много лет.

После ряда легких военных успехов на Кавказе Абд ар-Рахман б. Рабиа аль-Бахили утратил осторожность и стал периодически нападать на земли хазар на территории Дагестана. Неясно, была ли это его личная инициатива, или такова была директива халифа, но известно, что в 652/653 гг. на помощь ему пришел с войском его брат Сальман. Отряд во главе с братьями вторгся в Дагестан, вглубь территории хазар, осадив город Баланджар (вероятно, где-то в междуречье Терека и Сулака). Однако встреча с превосходящими силами противника закончилась для арабов полным разгромом. В битве погиб и сам Абд ар-Рахман, и его брат Сальман. После этого хазары заняли Дербент, а многие правители кавказских княжеств, присягнувшие до этого арабам, вновь провозгласили самостоятельность.

Возможно, именно с этим эпизодом арабо-хазарских войн связано предание о гибели сорока *шахидов*. Место захоронения

легендарных сорока мучеников за веру (*Кырхляр*), погибших в жестокой битве, но своим рвением переломивших исход сражения в пользу мусульман, сегодня является одной из известнейших святынь города Дербента и всей Российской Федерации. Между тем академическая наука утверждает, что комплексное исследование могильника позволяет все же датировать его более поздним периодом — X–XII вв.

Дальнейшие попытки проникновения арабов на север натолкнулись на ожесточенное сопротивление хазар. Около ста лет, вплоть до 737 г., Дербент находился в эпицентре конфликта, длившегося с переменным успехом, и, судя по всему, несколько раз переходил из рук в руки, но в итоге все же остался за арабами, став их пограничным постом, так как за пределами Южного Дагестана в этот период закрепиться им не удалось. Именно в VIII в. в Дербенте строится Джума-мечеть, сохранившаяся и поныне. Из арабских источников известно, что, по крайней мере, в 735 г. город находился в руках арабов, и для упрочнения их позиций сюда было переселено 24 000 сирийцев — воинов с их семьями.

Дербент становится также узловым пунктом региональной торговли. Через него идут торговые пути, как сухопутные — из Восточной Европы на земли Южного Кавказа, Передней и Средней Азии, так и морские: Дербент был крупнейшим портом на Каспии, через него проходил волжско-каспийский торговый путь.

Дальнейшее распространение ислама на территории современной России во многом связано с историей Хазарского каганата. Несмотря на огромные размеры этой державы и ту роль, которую она играла в истории Восточной Европы в период VII–X вв., исторические сведения о самих хазарах очень скудны и разрозненны. Хазары управляли империей, население которой состояло из множества народностей различного происхождения, языковой и культурной принадлежности, но кем были сами хазары, для историков остается загадкой. Одна из наиболее обоснованных гипотез связывает их происхождение

с тюркоязычными племенами Центральной Азии, часть которых откочевала в результате межплеменных войн в степи Нижней Волги и Северного Дагестана.

О тюркской принадлежности хазар говорит, в частности, титулатура. Хазарский правитель именовался *каганом*, высшие военно-административные лица носили титулы *шад*, *ябгу*, *тудун*, *ильтевер*, *таркан*, *бек*, что свидетельствует о несомненной преемственности Хазарского государства с Тюркским каганатом — крупным политически образованием на территории Центральной Азии и современной азиатской России в VI–VIII вв.

Как значительная политическая сила в регионе Кавказа хазары появляются уже в первой половине VII в., выступая чаще как союзники византийцев в их противостоянии с персидской державой Сасанидов. Случилось так, что вскоре, уже в 70-е — 90-е годы VII в., в борьбе с другим образованием тюркоязычных племен — известным у историков под названием Великая Булгария, — располагавшимся на территории нижнего течения Днепра, нижнего Подонья и Приазовья², — хазарам удалось

---

² Это государственное объединение было основано ок. 635 г. ханом Кубратом (Кувратом), сумевшим объединить разрозненные болгарские племена, отстояв суверенитет образованной конфедерации в борьбе с мощным Аварским каганатом, и получить признание у Византийской империи. После смерти Кубрата ок. 665 г. пятеро его сыновей не нашли взаимного согласия, и, не сумев противостоять хазарам, держава Кубрата распалась. Судьба различных ветвей болгар сложилась по-разному.

Старший сын Кубрата, Батбаян, остался править в низовьях Днепра и вскоре вынужден был покориться хазарам. Эта часть болгар получила в источниках название *черные болгары*.

Второй сын, Котраг, имел владение за левым берегом Дона, и именно эта часть болгар, *серебряные болгары*, впоследствии начала миграции в Среднее Поволжье, став основой для будущего мусульманского государства, известного, как Волжская Булгария, о котором будет сказано ниже.

Третий сын, Аспарух, увел верных ему людей на Балканы, где в 679 г. основал собственное владение, покорив местное славянское население. Тюрки-болгары составили слой политической элиты в новом государстве, хотя, будучи в меньшинстве, через несколько поколений ассимилировались со славянским большинством, а в 864 г. хан Борис под влиянием Византии инициировал принятие ортодоксального христианства (православия). Однако они оставили свое имя местному населению и его стране. Сегодня она известна как Болгария. Кроме того, из болгарского языка в славянские проникла

распространить свою власть на значительное пространство. Пределы хазарских владений ограничивались на западе и северо-западе течением Днепра (при этом почти весь Крым также был во власти хазар), на севере — верховьями Волги, переходя за Среднее Поволжье вплоть до реки Урал, бывшей восточной границей каганата, южным рубежом был Кавказский хребет, хотя в периоды наивысшего расцвета Хазарии (70-е годы VII – VIII в.) западные границы государства доходили до Дуная, а территории западного Приаралья на востоке и Южного Кавказа на юге также входили в сферу влияния Хазарии. Иными словами, в состав Хазарии входили территории современных российских Северокавказского и Южного, большей части Приволжского и Центрального федеральных округов, а также территории Восточной и Центральной Украины и Северо-Западного Казахстана.

Сами хазары были меньшинством в этом государстве. Они населяли степные районы страны в низовьях Волги и районах Северного Дагестана, где вели полукочевой образ жизни, не вмешиваясь в уклад других, находящихся под их подданством народов. Кроме собственно хазар, здесь известны другие тюркоязычные группировки: *булгары* (*черные булгары* в Приазовье и *серебряные булгары* в Среднем Поволжье), *сабиры* (*сувары*), *берсилы* (*баланджары?*), *эскелы*, а также *буртасы* — народ, чье происхождение историками пока окончательно не установлено. Судя по всему, среди тюркоязычного населения болгарские элементы были преобладающими. Крупнейшее на Северном Кавказе объединение местных народов, известное под обобщающим

некоторая социально-политическая терминология. Например, старославянское слово *болярин* (совр. русск. *боярин*) произошло от древнебулгарского *бойлар*: словом *бойла* назывались особо приближенные ханские дружинники, а *-р* — суффикс множественного числа.

Четвертый сын, чье имя осталось неизвестным, также поселился на Балканах, но по другую сторону Дуная, где вскоре подчинился Византии.

Пятый сын двинулся в далекую Италию, где нанялся на службу королю лангобардов. Любопытно, что топонимика как Северной, так и Южной Италии и по сей день хранит память о булгарах.

названием *аланы*, также вошло в состав Хазарского каганата, как и адыги (касоги), и множественные этнонимы Дагестана, среди которых источники упоминают табасаранцев, лезгин, аварцев. Подданными хазарского правителя были также финно-угорские племена Верхнего и Среднего Поволжья (мари, мордва, мещера, меря, мурома, мадьяры), балтские племена Поочья, иранские Верхнего Подонья и появившиеся в Поднепровье с VIII в. славянские племена (поляне, северяне, радимичи, вятичи); они известны в арабских источниках под именем *сакалиба*, представлявшее собой транскрипцию греческого наименования славян (*склавос*), но использовавшегося арабскими географами также как обобщающее название народов, проживавших на территориях, располагавшихся между Днепром и Волгой. Крым населяли готы и греки; на Кавказе известны также поселения еврейских общин; за Волгой, в Приуралье, кочевали тюркские племена башкир, чуть южнее — печенегов, а в Приаралье — также тюркоязычные огузы; в Южном Дагестане и на временах подвластной территории Южного Кавказа, в современном Азербайджане, располагалось древнее царство — Кавказская Албания.

Крупнейшим городом Хазарии был Итиль, столица каганата с середины VIII в., располагавшаяся где-то на Нижней Волге (называвшейся тогда Итиль, по имени которого город и известен в источниках), подробно описанный арабскими путешественниками, но до сих пор не имеющий однозначной корреляции с археологическими памятниками, находившийся предположительно недалеко от современной Астрахани. На территории Дагестана крупными поселениями были Баланджар и Самандар. В источниках упоминаются и другие города, но идентифицировать их не представляется возможным.

Хазарский каганат принадлежал к тому типу кочевых империй, где кочевое и оседло-земледельческое население, составляя один социально-политический организм, сохраняло собственный экономический уклад, общественное устройство, традиции, обычаи и верования, а также автономию в политическом управлении.

Государством управлял *каган*, резиденция которого находилась в Итиле, он отвечал за законодательную и судебную власть, а также отправлял сакральные функции, выступая в роли первосвященника. Вторым человеком в государстве был *шад*, или, как называют его более поздние источники, *бек* (*пех*), *каган-бек*, или царь (*малик*), он отвечал за исполнительную власть, а также был вторым главнокомандующим. Власть кагана была наследственной. Каган чаще жил в своей резиденции, находившейся на острове посреди реки Итиль, период с весны до осени проводил в летних ставках, располагавшихся в окружающих степях. Каган принимал посланцев иноземных держав и в экстренных случаях брал на себя руководство войсками, чаще всего поручая его беку или отдельным полководцам. Некоторые историки считают кагана чисто символической фигурой, полагая, что основная полнота власти сосредоточивалась именно в руках бека, однако, думается, к этому мнению их приводит некритичное и прямолинейное восприятие информации источников. Действительно, примерно с начала IX в. власть бека также становится наследственной. Согласно придворному церемониалу, связанному с большей сакрализацией каганской власти, только бек мог напрямую обращаться к кагану. История почти не донесла до нас каких-либо достоверных подробных сведений о хазарских правителях, не сохранила даже их имен в том объеме, чтобы мы могли представить себе целостную картину истории этого государства.

Собственно хазарское общество было условно разделено на два сословия — *ак хазар*, т. е. «белых хазар», и *кара хазар* — «черных хазар», однако, как для многих кочевников, для них была характерна высокая вертикальная социальная мобильность, а слово *кара*, «черный», в данном случае подразумевает известное из тюркских языков значение «большой», «весь» — то есть без пренебрежительного оттенка типа «чернь». Власть хазарских каганов ограничивалась фискальными сборами с подвластных территорий и обязанностью участия местных правителей в военных мероприятиях, для обеспечения защиты их власти

и неприкосновенности границ их владений. За крупными владениями, фактически — административными единицами каганата, присматривал осуществлявший связь местного правителя и центра чиновник, именовавшийся *тудун*.

Вероятно, этот факт — борьба за сферу влияния на Кавказе — был одной из причин постоянных арабо-хазарских войн. Несмотря на видимую продолжительность почти в столетие, в действительности это была череда отдельных столкновений, но крупнейшими были противостояния 642–653 гг., т. е. в период правления халифов Умара (634–644) и Усмана (644–656), и 722–737 гг., то есть уже в эпоху омейядских халифов. Именно в период второй войны, длившейся с переменным успехом и оказавшейся особо жестокой, имели место наиболее значимые события для истории ислама на Кавказе. Так, после долгих, длившихся с переменным успехом боевых действий на территории Азербайджана в 730 г. хазарами был совершен удачный рейд вглубь территории Халифата — они дошли до Ардебилля (совр. Иран) и Мосула (совр. Ирак), разбили арабское войско, взяли город и разграбили его округу. Только с большим трудом арабам удалось оттеснить их обратно на север. Арабы ответили удачным походом 732/733 гг., когда полководец Маслама б. Абд аль-Малик, принадлежавший к династии Омейядов, занял Дербент и совершил несколько рейдов вглубь Дагестана. Несмотря на то, что эти рейды, судя по всему, большого успеха не имели, Маслама предпринял попытки укрепить мусульманское присутствие в Дербенте: он разделил город на четыре сектора, в каждом из них разместил отряды из разных областей Халифата (эти кварталы — магалы, а также окрестные села, заселенные арабами, сохранились и поныне), а также перестроил местную крепость. Позже Масламу в должности наместника Кавказа сменил его ближайший помощник, другой представитель рода Омейядов — Марван б. Мухаммад (688–750), впоследствии ставший последним халифом из династии Омейядов (744–750). Для укрепления позиций ислама в регионе, помимо Джума-мечети в Дербенте, строится несколько меньшая мечеть в Кумухе — центре

лакцев. Со временем Кумух становится вторым после Дербента центром распространения ислама в регионе и получает название Газикумух (от слова *гази* «борец за веру»).

В 737 г. Марвану во главе огромного войска, перейдя через Кавказский хребет в районе Дербента и Дарьяла одновременно, удалось совершить дальнюю экспедицию на территорию северокавказских владений хазар, разгромив войска кагана и разорив множество хазарских городов. Войска арабов дошли до самой «реки *сакалиба*» (*нахр ас-сакалиба*), как называют ее арабские авторы, видимо, речь идет о Доне (лесистые районы Подонья, примерно район Воронежа) или о Волге (в районе от Саратова до Самарской луки). В результате похода арабами было захвачено множество пленников.

Марван, судя по всему, прекрасно понимал, что он не располагал достаточными силами, чтобы завоевать эти территории, поскольку у хазар оставалось достаточно сил для сопротивления. К тому же, их союзником выступала Византия, а народы горного Кавказа подняли восстание в тылу арабов. Поэтому, добившись формального успеха, Марван поспешно отступил на контролируемую арабами территорию Южного Кавказа.

Тем не менее одним из условий заключения мирного договора с хазарами, по данным аль-Куфи (ум. в 926 г.), стало согласие кагана принять ислам. Арабский автор повествует, что к хазарам даже было отправлено два *факиха*, но источники не содержат информации о последствиях этого мероприятия. При этом распространение ислама в городах Хазарии начинается, судя по всему, именно со второй половины VIII в., что, возможно, свидетельствует о включении в договор пункта о беспрепятственном распространении ислама.

Крупнейшим событием в истории Хазарии стало, однако, принятие правящей верхушкой иудаизма. Это парадоксальный случай в мировой истории, поскольку сам по себе иудаизм, будучи исключительно этнической религией еврейского народа, не подразумевает ни прозелитизма, ни возможности обращения в эту религию извне. Кочевые же народы, принимая ту или иную

религию в основном адаптировали таким образом свои традиционные верования. Известно, что иудаизм имел место среди хазар уже в 740 г., но окончательно утвердился среди правящей верхушки лишь после 800 г. Противоречивые сведения об этом событии не дают оснований четко вплести их в исторический контекст — арабские, еврейские и греческие источники и описывают, и датируют его по-разному. Причины же этого события остается видеть в стремлении правителя хазар противопоставить себя правителям соперничавших с Хазарией крупнейших держав той эпохи — мусульманскому Халифату и христианской Византии.

Так или иначе, важен тот факт, что принятие иудаизма было характерно только для правящего слоя, арабо-персидские источники — сведения которых относятся самое раннее ко второй половине IX в., — среди носителей иудаизма называют кагана, его окружение и его «род» (*джинс*), «вождей» (*куввад*, *сархаган*) и «знать» (*узама*, *бузурган*), о распространении иудаизма среди населения не говорят ни исторические авторы, ни данные археологических раскопок — однозначно иудейские погребения известны только на территории Крыма и Тамани, в местах наиболее плотного расселения торговых иудейских общин более раннего происхождения.

Важно то, что сведения арабских авторов, в частности начиная с ученых X в., таких как Абу-ль-Хасан аль-Масуди (ок. 896–956) и Абу Исхак аль-Истахри (ок. 850–934), свидетельствуют о значительной доле мусульманского населения в городах Хазарии. Абу Убайд аль-Бакри (1014–1094) даже сохранил предание о послании к хазарам арабского проповедника, убитого, однако, иудеями. Тем не менее арабские авторы описывают полную гармонию в столице каганата, городе Итиль, где сосуществовали мусульмане, христиане, иудеи и разного рода язычники. Хотя правитель был иудеем, при нем было семь судей (*хаким*, *кади*) из иудеев, христиан, мусульман и «идолопоклонников», вершивших суд над повинными в преступлениях людьми согласно их обычаям. У мусульман в крупнейших городах Хазарии имелись мечети.

Из археологических данных, известно о существовании на западе Хазарии целых городов с преобладанием мусульманского населения, по-видимому состоявшего из болгар (как, например, Сидоровское городище в Донецкой области). Известны раннемусульманские захоронения на Машаикском некрополе (Астраханская область) и преимущественное распространение мусульманской культуры на Самосдельском городище (Астраханская обл., побережье Каспия).

Аль-Масуди сообщает о существовании у хазарского кагана 12-тысячной гвардии (*аль-ларисийа*), состоявшей из мусульман-хорезмийцев. С какого времени она существовала, сказать сложно, хотя историки давно обращали внимание на тот факт, что после 800 г. хазары не воевали с мусульманами. Известно, что по крайней мере в начале X в. эти гвардейцы имели собственного предводителя, своих судей и достаточно широкую автономию в действиях, даже сам каган не всегда мог повлиять на них.

В конце второго десятилетия IX в. хазары столкнулись с проблемой нашествия из-за Волги *мадьяр*, то есть венгров. В 30-е годы IX в. для защиты от них в междуречье Волги и Дона приглашенными византийскими мастерами строится крепость Саркел. Но уже в 839 г. мадьяры хозяйничали в районе Днепра, получив возможность держать под контролем идущий по реке торговый путь с северных территорий в Византию. Хазарский правитель попытался привлечь мадьяр на свою сторону, выдав знатную хазарку замуж за одного из их влиятельных предводителей, и в дальнейшем мадьяры стали верными союзниками хазар, принимая участие в организуемых ими военных походах.

Другой проблемой для хазар стала возросшая активность в IX в. в Восточной Европе скандинавов-викингов, набегавших с севера. Особо упорной в своем стремлении пробиться к торговым путям, соединяющим Балтийское море с Черным и Каспийским, была происходившая с территории южных берегов Балтики группа викингов, именовавшаяся *русь*, вероятно, включавшая также выходцев из балтских и славянских племен. Видимо, для обороны от них хазарами был построен город Киев

(предположительно, от тюркского *кый ова* — «пограничный городок», «крайний городок»), изначально занятый, как показывают данные археологии, населением, связанным с донскими степями. Позже там появляются иудеи, скандинавы, славяне; что характерно, и среди славян также были иудеи, как показывает ономастика письма киевской иудейской общины, датированного X в. Отдельные группы русов служили в качестве наемников в войске хазарского кагана, также сохраняя внутреннюю автономию, но чаще всего они пускались в самовольные экспедиции, нацеленные на захват добычи.

Уже во второй половине IX в. власть хазарского кагана в регионах начинает слабеть. Постепенно укрепляются позиции византийцев в Крыму (в 840 г. здесь создана Херсонесская фема, т. е. военно-административный округ). Судя по всему, где-то в этот период предводители русов (т. е. принадлежавших к племенам, именовавшимся *русь*) захватывают власть в Киеве, поскольку уже в 860 г. они совершают самостоятельный поход на Константинополь. Примерно в это же время они появляются на Каспийском море. По-видимому, с претензией этих предводителей русов на хазарское наследие связано упоминание с этих времен, прежде всего в арабских источниках, титула «хакан (т. е. каган) русов», хотя древнерусские летописи именуют их славянским словом *князь*.

В 869 г. в Дербенте образуется собственная правящая династия: в том году наместник Аббасидов (750–1258) Хашим б. Сурака ас-Сулами, потомок арабского рода, откуда произошли многие местные *раисы*, объявил себя независимым правителем и принял титул *эмира*. Эмиры Дербента проводили свою автономную политику и даже начали открыто воевать с хазарами за влияние в Дагестане. Основанная Хашимом ас-Сулами династия правила в Дербенте вплоть до 1075 г.

Захват Киева в 882 г. другим предводителем русов — Олегом (Хельги), пришедшим из Новгорода, усиливает их позиции в регионе — из подданства хазар начинают выходить славянские племена: в 884 г. Олегу подчинились северяне, в 885 г. — радимичи.

В этот же период все более сложной становится обстановка на восточной границе, где из-за Волги, совершают набеги печенеги. Хазары заключают союз с племенами огузов, но их активность приводит к обратному от ожидаемого эффекту: в 889 г. племена печенегов прорываются из-за Волги на запад, а в 894 г. они разоряют земли мадьяр, бывших в это время в походе на дунайскую Болгарию, вскоре мадьяры покинули территорию Поднепровья, уйдя за Карпатские горы, а все степные территории от Урала до Дуная стали контролироваться печенегами. В это же время правитель алан делает попытку отделиться от Хазарии.

В таких условиях хазарские правители предпринимают активные меры по сохранению своей власти хотя бы в ближайших регионах. Лишившись важного союзника в степях — мадьяр, они привлекают на службу отдельные группировки печенегов, стремясь обезопасить северные владения.

В 912/913 г. русы снаряжают значительную экспедицию на Каспий, попросив у хазарского кагана предоставить возможность переправиться по Волге и обещав отдать ему часть добычи. Однако то, что они учинили, напав на ряд городов южного побережья Каспия, где жило мусульманское население, возмутило мусульманскую гвардию правителя хазар. Каган не смог помешать стремлению этих своих воинов отомстить за кровь мусульман, но послал предупреждение возвращавшимся из похода русам. Мусульманская гвардия напала на русов и перебила многих из них, те, кто спасся, бежали в степи, но там их добила буртасы и, как свидетельствуют арабские авторы, болгары, которые уже причисляются в источниках того времени к мусульманам.

Если эти русы как-то были связаны с Киевом, то здесь имеет значение заключение в 914 г. правителями Киева мирного договора с печенегами, хотя уже в 920 г. их князь Игорь (Ингвар) совершает на печенегов поход. Вероятно, русы достаточно быстро окрепли, в том числе и за счет притока новой волны скандинавов с севера, и за счет пополнения дружин из местного населения. В 922 г. киевские правители ставят в зависимость

от себя входивший в хазарское подданство восточнославянский союз племен уличей в низовьях Днепра, пробиваясь таким образом к выходу в Черное море.

В отношении других народов хазарский каган начинает проводить более жесткую политику, в частности известно о захвате в плен и содержании в заложниках детей правителей побежденных и подвластных народов.

В этих условиях правитель Волжской Булгарии по имени Алмуш — сын Шилки, носившего титул *эльтебер*, — именовавший себя *малик ас-сакалиба*, что отражало его власть над целым рядом финно-угорских племен Среднего Поволжья, обращается в Багдад, к халифу из династии Аббасидов аль-Муктадиру (908–932) с просьбой прислать людей, знающих законы ислама, а также оказать помощь в строительстве мечети и крепости. Сам он уже принял ислам через одного из мусульман из Итилия и носил имя аль-Хасан. Интересно, что этот болгарский правитель уже достаточно рано начал чеканить собственные монеты, где было упомянуто имя халифа аль-Муктафи (902–908). В 921 г. халифом Муктадиром было снаряжено посольство во главе с Сусаном ар-Расси, среди спутников которого был Ахмад б. Фадлан, более известный как Ибн Фадлан, о котором мы ничего не знаем, кроме того, что он оставил подробное описание путешествия посольства. Интересно, что в посольстве приняли участие люди, раньше жившие в Булгарии, — тюрко-огуз Текин (тюркское *тегин* — «принц») и славянин (?) Борис. В мае 922 г. арабское посольство, пройдя через земли огузов, печенегов и башкир, прибыло ко двору правителя болгар.

Правитель болгар Алмуш принял новое имя — Джафар б. Абдаллах, внеся его в *хутбу*, а также новый титул — *эмир*. Принятие булгарами ислама произошло на *курултае* — съезде народов Волжской Булгарии. В целом особенностью принятия ислама у тюркских народов было их добровольное согласие, а не завоевание извне. Последующие историки тюркского государства и права отождествляют институт курултая с кораническим принципом *аш-шура* («совет», «консультация»). Поскольку болгарская конфедерация состояла из пяти племен, не все

из подчиненных вождей сразу согласились обратиться в ислам. Так, массовый характер принятия ислама имело среди представителей племени *баранджар* — для них даже построили деревянную мечеть. Ибн Фадлан отмечает наличие мечети и влияние мусульман Хорезма, которые уже тогда принадлежали к *ханафитскому мазхабу*. Вместе с тем не спешил согласиться с принятием ислама предводитель племени *эскел*, однако влияние Алмуша оказалось достаточно сильным, чтобы убедить того и его соратников.

Любопытно, что Ибн Фадлан зафиксировал у болгар некоторые особенности ритуальной обрядности, в частности, двукратное повторение *муэдзином* слов *икамата* перед молитвой, что характерно именно для *ханафитского мазхаба*, но при этом вызвало раздражение у самого Ибн Фадлана, сказавшего болгарскому правителю, что при багдадском халифе *муэдзин* произносит *икамат* один раз. Булгарский правитель внимательно выслушал арабского посланца, но в дискуссии они согласились в том, что повторение *икамата* не противоречит общему мнению мусульманских правоведов. Для араба, не привыкшего к значительному изменению продолжительности дня и ночи, было необычным то, что болгарские *муэдзины* в летний сезон не объявляли *азан* к ночному намазу (*иша*), поскольку здесь читали ночной намаз вместе с намазом при заходе солнца (*магриб*). Характерно, что в последствии автор XIII в. Ибн Саид аль-Магриби отмечал, уже в связи с проблемой краткости светового дня в Волжской Булгарии в зимнее время, тот аспект, что местные мусульмане вынуждены совершать фактически одну молитву за другой. Этот вопрос был улажен позже (см. далее).

Так или иначе, в данном случае халиф не смог помочь болгарам средствами на строительство мечети и крепости. Однако другой арабский автор, живший в конце IX — первой половине X в., перс по происхождению, Ибн Русте, предшественник Ибн Фадлана, уже описывал наличие в селениях болгар мечетей и медресе с имамами и муэдзинами. Писавший чуть позже аль-Истахри, говорит о существовании соборных мечетей в городах Булгаре и Суваре, по-видимому получивших название

по соответствующим наименованиям племенных группировок. Судя по тому, что еще Ибн Фадлан описывал мусульман в болгарских поселениях, отмечая при этом, что там соблюдалась вся необходимая обрядность в случаях их смерти, и именовал их выходцами из Хорезма, есть все основания считать, что именно хорезмийцы оказывали первостепенное влияние на развитие исламской культуры в Волжской Булгарии и в последующем. Судя по всему, также с исламизацией связано развитие градостроительства у болгар. Кроме того, Ибн Фадлан утверждает, что он сумел убедить болгарского правителя изменить порядок наследования престола — вместо древней тюркской традиции наследования от старшего родственника к более младшему в рамках одного поколения (отец — старший брат — младший брат — старший племянник, см. ниже) был принят порядок наследования от отца к сыну. По крайней мере благодаря находкам монет историкам известно, что правитель Булгара в первой половине X в. носил имя Микаил б. Джафар. В дальнейшем, хотя болгары и приняли ислам, они, видимо, не смогли создать централизованное политическое объединение. По нумизматическим материалам известны имена ряда *амиров*, связанных с конкретными центрами: в Булгаре правили Абдаллах б. Микаил (конец 50-х годов X в.), Мумин б. аль-Хасан (70-е — 80-е годы X в.), в Суваре — Талиб б. Ахмад (50-е годы X в.), Мумин б. Ахмад (70-е годы X в.). Вероятно, здесь следует видеть традиционное для тюркских народов разделение территории Булгарского эмирата на два удела-крыла, каждое из которых управлялось собственной ветвью династии.

Так или иначе, в начале X в. Булгария не была достаточно сильна, чтобы полностью порвать с хазарами, при дворе которых в качестве аманата (заложника) находился сын болгарского правителя, а халиф Аббасидов, на помощь которого тот рассчитывал, был слишком далеко и, судя по всему, сам не особо верил в успех мусульманской миссии в северных землях.

У аль-Масуди есть сведения, что сын болгарского царя много позже отправился в *хадж*, по пути посетив двор халифа.

Тем не менее арабский автор XII в. аль-Гарнати (1080–1170) доносит рассказ о вторжении хазар, узнавших о принятии булгарами ислама, о сражении, закончившемся поражением хазар и о принятии ислама в последующем их правителем. Судя по всему, здесь отражены события, имевшие место несколько позже, поскольку вплоть до 60-х годов X в. хазарская верхушка оставалась приверженцами иудаизма, а ее армии вели победные войны с восставшими местными правителями (аланами, русами и др.).

Около 930 г. хазары разгромили и принудили к дальнейшей покорности алан. В 939 г. киевский правитель, также из русов, Игорь (Ингвар) предпринял попытку захватить одну из хазарских крепостей, но в ответ последовал поход хазарского полководца с титулом *болушчи*, носившего еврейское имя Песах, который разгромил русов. По условиям мира русы обязались совершить поход на Константинополь, император которого и спровоцировал их нападение на хазар. В 941 г. их флот был сожжен византийцами, а предводитель похода, Хельгу (Олег?), по суше отправился в набег на территории Южного Кавказа, где вскоре погиб. Известно, однако, что в 943/944 гг. русы в союзе с печенегами совершают еще один поход на Византию, по суше. Он завершился тем, что византийский император просто откупился дарами.

В 40-е годы X в. племена черных булгар, кочевавших на ключевых территориях между Днестром и Доном, выходят из-под власти Хазарии и начинают открытые военные действия. Хазары постепенно утрачивают стратегически важные территории.

К 60-м годам X в. натиск русов, стремившихся завладеть выходом из Волги в Каспий, усиливается. Хазарские правители вели с ними упорную борьбу. Однако киевские князья начинают обладать достаточной мощностью для объединения под своей властью многочисленных славянских, финно-угорских и балтских племен, сами, ввиду своей немногочисленности, неизбежно ассимилируясь в их культурной среде. Постепенно образуется объединение, условно именуемое историками Древней Русью.

При этом сами князья четко разграничивали себя и своих соратников с остальным населением — летопись приводит формулу: «русь и словене», т. е. правящая группа и подвластное население (славяне).

Киевскому князю Святославу, сыну Игоря, носившему, как видно, уже славянское имя, принадлежит попытка в 964 г. распространить свою власть на вятичей, бывших подданными хазар.

К этому времени Хазария уже не имела достаточных сил, поскольку с востока усиливается натиск огузов из Приаралья, начавших теснить подвластные хазарам группировки печенегов.

Во второй половине 60-х годов X в. киевские князья и огузы одновременно вторгаются на территории Хазарии. В 965 г. Святослав Киевский нападает на Саркел и захватывает его. Город был переименован в Белую Вежу, став на некоторое время важным форпостом Древней Руси в степи. После этого Святослав воюет с донскими аланами (ясы) и прикубанскими адыгами (касоги). В 966 г. им были побеждены вятичи, на которых была наложена обязанность выплаты дани. Тогда же огузы напали на Итиль, но, видимо, их набег носил исключительно грабительский характер, и они не имели задач закрепиться здесь. Хазары обратились за помощью к хорезмийцам, но одним из поставленных той стороной условий был отказ от иудаизма и принятие хазарами ислама. После некоторых колебаний, в особенности после похода хорезмийского полководца против огузов, хазарский каган согласился на это, однако источники не содержат каких-либо данных о последствиях этого события. Известно лишь, что в 968/969 гг. последовал еще один поход войск киевского князя, в результате чего было разграблено несколько городов Хазарии, а многочисленное полирелигиозное население бежало в Дербент. Тем не менее в источниках есть упоминания о прибытии некоторых вольных подразделений русов в Дербент в 987 г., где они оказывали помощь местному эмиру в укреплении его власти. В 988 г. Дербент захватил правитель Ширвана Мухаммад б. Ахмад (981–991), затем он оказал помощь жителям Итиля по возвращении в родной город.

В борьбу за хазарское наследство вступают новые политические образования. Уже в 985 г. огузы являлись союзниками киевского князя Владимира Святославича в войнах с булгарами и хазарами. До 1016 г. хазары еще продолжают упоминаться в различных источниках, но, по-видимому, в значении разрозненных остатков могущественного прежде государства.

Так или иначе, за упадком Хазарии следует период расцвета образовавшихся в результате ее распада двух политических объединений — Волжской Булгарии и Древней Руси.

Вопросы по пройденному материалу:

1. Когда и при каких обстоятельствах происходит первое появление мусульман на территории будущей Российской Федерации?

2. Какие древнейшие мусульманские святыни города Дербента Вы можете назвать?

3. Расскажите о Хазарском государстве. Каково его значение в истории российской государственности?

4. Что Вы знаете об арабо-хазарских войнах? Каково, по Вашему мнению, их историческое значение?

5. Расскажите, что Вы знаете о жизни мусульман в Хазарском каганате? Кто такие аль-ларисийа?

6. Кто такие булгары? Откуда появилось их государство на Волге?

7. Что удивило Ибн Фадлана, прибывшего с посольством к волжским булгарам в 922 г.?

8. Что Вы знаете о процессе распространения ислама в Волжской Булгарии? Какой регион оказывал наибольшее влияние на этот процесс?

9. Чем, по Вашему мнению, обусловлено недостаточное внимание Поволжскому региону со стороны аббасидских халифов?

10. К какому времени относится первое упоминание хаджа мусульман с территории Волжской Булгарии (как части будущей Российской Федерации)?

ГЛАВА II. ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ, ДРЕВНЯЯ РУСЬ И СТЕПНЫЕ НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. XI — 30-Е ГОДЫ XIII В. ИСЛАМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В результате упадка Хазарии в конце X в. на территории Восточной Европы от Дуная до Волги образуются четыре доминирующие силы: Волжская Булгария в Среднем Поволжье; Русь, контролировавшая узкую полосу среднего и верхнего течения Днепра, верховий Волги и далее к северу, до оз. Ильмень; степные территории от нижнего Дуная до среднего Дона контролировали печенег, а на нижней Волге закрепились огузы.

Волжская Булгария значительно усиливает свое влияние в Поволжье после разгрома Хазарии огузами и киевскими князьями. Союзный поход киевского князя и огузов на Булгарию 985 г. принес им победу, однако летопись содержит эпизод, где в уста Добрыни, дяди по матери и одного из влиятельнейших советников князя Владимира Святославича, вложена фраза о нецелесообразности продолжения каких-либо попыток противостояния с Булгарией ввиду наличия у нее огромных материальных ресурсов. Между сторонами был заключен мир. К 1006 г. относится заключение договора о свободной торговле. Каких-либо сведений о дальнейшем периоде внутренней истории болгар имеющиеся источники не содержат.

Зато есть интересные данные о внешней политике Булгарии и, что наиболее значимо, с мусульманскими странами. Персидский историк Бейхаки (995–1077) сообщает о событии, современником которого он был. Это отправка в 1024–1025 гг. эмиром Булгара Абу Исхаком Ибрахимом б. Мухаммадом б. Б.л.т.варом (Эльтебером?) денег в Бейхак (область Нишапура) для строительства двух мечетей — в Себзеваре и Хосровджерде.

Интересным является сообщение арабского историка XII в. Ибн аль-Джаузи (1116–1201), относящееся к событиям 1041/1042 гг., когда один из знатных выходцев из Волжской Булгарии со свитой в 50 человек, направляясь в *хадж*, посетил двор аббасидского халифа аль-Каима (1031–1075). Интересно, что в свите хаджи был человек по имени Йала б. Исхак, имевший *нисбу* аль-Хорезми и прозвище «судья» (*кади*) — именно он вел переговоры с чиновниками халифа. Это еще два очень важных свидетельства прочных контактов Волжской Булгарии с Хорезмом и значительной роли хорезмийцев в религиозной жизни болгар. Кроме того, даже эти немногочисленные данные явно говорят о том, что Волжская Булгария была полноценной частью мусульманского мира.

Древняя Русь и ислам. Политическое образование, созданное киевскими князьями, происходившими из русов, имело в основе славянское и финно-угорское население. До определенных пор некоторые племенные группировки сохраняли своих династийных правителей. Но уже при Святославе, а затем его сыне Владимире они начинают уничтожаться, и в земельных центрах садятся княжеские наместники. Князь Владимир, победив при помощи скандинавских дружин в междоусобной войне, предпринимает меры по централизации власти и укреплению авторитета на международной арене. Важнейшее значение для внутреннего фактора имели сакрализация власти правителя и создание для многочисленного и разнородного населения общей идеологии, выходящей за рамки племенного формата и концентрировавшейся на одном правителе.

Уже в 980 г. Владимир установил на холме близ княжеского терема в Киеве ряд идолов, из которых наиболее был выделен идол Перуна, то же самое сделал в Новгороде верный ему назначенный туда посадником (то есть наместником) его дядя Добрыня. Перуну приносились масштабные жертвы, в том числе и человеческие. Как говорится в летописи Нестора: «постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога и Симарьгла,

и Мокошь. Жряху имъ, наричюще я богы, приво жаху сыны своя и дъщери, и жряху бесомъ, оскверняху землю тебемаи своими. И осквернися кровьми земля Руска и холмъ отъ».

Эти мероприятия должны были продемонстрировать утверждение новой иерархии известных населению богов и продемонстрировать сакральные функции князя как единственного посредника между небесными и земными силами. Однако, хотя разноплеменное население и имело общий пантеон, каждое племя придавало разный статус входившим в него богам, и эта попытка князя не встретила понимания населения.

Древнерусские летописи донесли различные полулегендарные версии о принятии в 988 г. Владимиром христианства и подробный рассказ о последующем насильственном крещении населения различных регионов.

Дело в том, что еще в 986 г. к Владимиру прибыли послы от волжских булгар с предложением обратиться в ислам. Выслушав разъяснение о том, в чем состоит суть религии, он отказался, отметив среди главных аргументов следующий: «Руси есть веселие пити и не можем без того быти». Хотя из собственно древнерусских летописей известно, что этот князь, по крайней мере до крещения, отличался склонностью к пьянству и разврату, нет причины трактовать источник буквально и искать здесь оправдание какого-то порочного свойства. По-видимому, речь идет о традиции устраивать застолья для княжеской дружины, бывшей основой административного аппарата и фактически представлявшей реальную исполнительную власть. Необходимая перестройка общества требовала бы значительных изменений в психологии народа. Согласно древнерусским летописям, отказано было под разными предлогами католическим монахам и еврейским проповедникам из хазарских земель. Прибывший же греческий монах, именуемый древнерусской летописью Философом, был более осторожен в своих речах, когда говорил о сравнении ортодоксального (православного) христианства с другими религиями. Умело расставив акценты на тех сторонах других вероисповеданий, которые могли вызвать негативные

эмоции у непосвященного человека, он сумел посеять сомнения в голове Владимира и более заинтересовать его именно греческим христианством.

Сюжет о религиозном диспуте довольно популярен и, вероятно, проник в летописи из каких-то памятников греческой литературы. Тем не менее у арабского автора XII в. аль-Марвази (1056–1124) есть сведения о прибытии в Хорезм послов от некоего князя русов Владимира (вероятно, именно Владимира Святославича, хотя личное имя рассматривается у арабского автора как титул) с просьбой послать им людей, благодаря которым они смогли бы принять ислам, объясняя, что это будет подвигать их на активные действия, воинственность и походы, и спасет их от бедности, в которую они впали, приняв христианство в 912/913 гг. Правитель Хорезма отправил к ним имама, и, согласно арабскому автору, все они обратились в ислам. Однако эти, безусловно интересные, сведения не только не могут быть как-то датированы, но и не находят подтверждения в других источниках.

Среди историков существуют различные трактовки обоснования выбора веры, сделанного князем Владимиром, однако, по-видимому, основным фактором, обусловившим принятие восточного (ортодоксального) христианства, или православия, стали культурные, социально-политические и геополитические факторы. Во-первых, это относительная простота обрядовой стороны, не требующая введения новых языков, поскольку богослужение могло осуществляться на славянском языке и уже существовала определенная богословская литература, написанная азбукой, разработанной когда-то болгарами Константином (Кириллом) и Мефодием; во-вторых, восточное христианство не предполагало даже номинальной зависимости светского правителя определенного политического образования от какого-либо другого правителя, будь то аббасидский халиф или римский папа, а все священнослужители не составляли сильной оппозиции для правительственной власти, что демонстрировал пример Византии; в-третьих, ислам был давно принят волжскими

булгарами, являвшимися политическими соперниками киевских князей, заинтересованных в отсутствии возможности подпасть под какое-либо влияние соседа, христианская же Византия была достаточно далеко.

Тем не менее в сфере социально-политической жизни правители Древней Руси унаследовали политические амбиции Хазарского каганата. Созданный в середине XI в. трактат киевского митрополита Иллариона «Слово о законе и благодати» именуется Владимира (980–1015) и его сына Ярослава Мудрого (1019–1054) *каганами*.

Ярославу принадлежит введение так называемой удельно-лествичной системы, суть которой заключается в том, что вся подвластная территория является общим владением правящего рода, а главенствующим из них признается самый старший с точки зрения первородства (что до каких-то пор совпадало и с возрастным старшинством), при этом земельные владения также делятся по принципу более или менее престижных — старший рода правит в своеобразной столице, идущие следом члены рода получают во владения менее престижные земли, но со смертью старшего следующий претендент переезжает в его владение. Такой принцип наследования *старший брат — младший брат — старший племянник* характерен для тюркской традиции (ср. в предыдущей главе о волжских булгарах), а подобная смена уделов и вовсе известна в государстве Саманидов.

Такая система более или менее эффективно действовала в пределах не более двух поколений, позже наступало явление, именуемое историками *перепроизводством политической элиты*. Многочисленность потомков, каждый из которых имел права на правление, нехватка земельных владений для раздачи уделов, нарушение системы наследования вследствие несоответствия генеалогического и возрастного старшинства членов рода, а также наличие князей, умерших, не побывав на великокняжеском престоле, что автоматически лишало этого права и их потомков, — все это предопределило очередной политический кризис. Уже сыновья Ярослава столкнулись с амбициями

обойденных племянников, а после смерти последнего из сыновей Ярослава, князя Всеволода, в 1093 г. Русь погружается в усобицы, хотя формальное старшинство за отдельными князьями признается. Любечский съезд 1097 г. закрепляет за каждым из князей и его потомками те территории, которыми он правил на тот момент, переводя, таким образом, удельно-лествичный принцип передачи власти в масштаб отдельных княжеств. Фактически же единая прежде Русь распадается на ряд отдельных владений со своими династиями, лишь формально признававшими какого-нибудь из правителей старшим, но в действительности ведущими свою автономную внутреннюю и внешнюю политику.

Ислам у кочевников степей Северного Причерноморья: печенегов, торков, половцев. Конфедерация печенежских племен являла собой грозную силу. В первой половине 90-х годов X в. князю Владимиру Святославичу с переменным успехом приходится противостоять набегам печенегов на территории Руси. В 996 г. он возводит ряд крепостей на пограничье леса и степи.

Арабский автор XI в. аль-Бакри сообщает о принятии частью печенегов ислама под влиянием попавшего к ним в плен мусульманина. Это событие относится примерно к 1009/1010 гг. В дальнейшем арабский автор повествует о развязавшейся усобице среди племен печенегов между сторонниками и противниками ислама. Согласно его сведениям, победу одержали первые, которых было изначально 12 тысяч человек. Побежденная сторона также начала принимать ислам, но часть племен откочевала в византийские владения. В настоящий для самого аль-Бакри момент (вторая половина XI в.) говорится о существовании у печенегов ученых, законовевов и чтецов Корана.

Во время междоусобной войны, развязавшейся на Руси после смерти Владимира в 1015 г. печенеги поддержали и оказали военную помощь старшему представителю династии князю Святополку в борьбе с восставшим против него братом Ярославом, опиравшимся на помощь скандинавских дружин. Однако Святополк, несмотря на поддержку поляков и печенегов, проиграл, уступив

киевский престол младшему брату. В 1019 г. Святополк бежал к печенегам, и больше о нем ничего неизвестно.

В 1036 г. печенеги предприняли неудачную попытку осады Киева, но были отброшены войсками Ярослава. В дальнейшем начинается вытеснение печенегов на Балканы огузами, которые сами были теснимы идущей с востока группировкой кыпчакских племен.

Появившиеся вскоре на месте печенегов огузы (древнерусские летописи именуют их словом *торки*) изначально жили на территории Приаралья, где появились, видимо, уже в середине IX в., ведя кочевой и полукочевой образ жизни. Уже Ибн Фадлан (922 г.) сообщает о принятии ислама отдельными выходцами из этой племенной группировки, об их интересе к исламу. В X в. огузские племена были объединены в крупную конфедерацию во главе с *ябгу* (диалектн. *джабгу*), вторым по значению был титул *кюль-эркин*, были также титулы *таркан* и *йынал*. В начале X в. огузские предводители состояли в родстве с правителями Волжской Булгарии.

В первой половине XI в. в степях Евразии происходит очередная перегруппировка племенных конфедераций, вызванная миграцией племен с Дальнего Востока, которые начали теснить более западных соседей, что создало цепную реакцию переселений тюркских племен. В степях Восточного Казахстана образуются несколько объединений кыпчакских племен, начавших движение на юг и на запад, где они начали теснить огузов, часть из которых в свою очередь также уходит южнее (следствием этой миграции стало движение сельджуков), а часть — западнее, за Волгу. Постепенно кыпчакские племена также начинают проникать за Волгу. В середине XI в. огузы подходят к границам Руси, но, теснимые кыпчаками, в 1060 г. терпят поражение от объединенных сил князей. Частью они переходят на службу киевским князьям, заселяя буферные территории между степью и лесом, частью уходят на Балканы вслед за печенегами, частью входят в состав кыпчакских обществ. Осевшие под Киевом племена основывают город Торческ, в дальнейшем сюда вливаются

представители других племенных союзов — печенеги, берендеи (тюркск. *баяндыр*) и др.; древнерусские летописи именуют их *черные клобуки* (что не надо путать с *кара-калпаками* «черными колпаками», поскольку это разные виды головных уборов), они образуют отдельное пограничное земельное владение и становятся неотъемлемыми участниками политической жизни русских княжеств и верными союзниками киевских и черниговских князей в последующем.

Кыпчаки, или, как именуют их западные источники, *куманы*, а древнерусские летописи — *половцы*, не представляли собой, равно как и печенеги или огузы, политически цельного объединения. Существовали отдельные группы, кочевавшие в пределах тех или иных территорий и имевшие собственных предводителей. Уже с 60-х годов XI в. летописи упоминают о столкновениях правителей русских княжеств и половцев, а с 70-х годов отдельные половецкие группировки уже принимают участие в усобицах князей. В частности, в 1077–1078 гг. они оказывают военную помощь ушедшему в Тмутаракань князю Олегу, сыну Святослава Ярославича, умершему до вокняжения в Киеве, после чего старшие и младшие братья решили не выдавать его сыновьям владений. Этот князь Олег имел очень тесные отношения с половцами — в 1094 г. они оказывали ему помощь в возвращении захваченного другими князьями удела его отца, города Чернигова.

Усиление отдельных половецких группировок приводит к тому, что их предводители (ханы) становятся такими же участниками политической жизни русских княжеств, как князья. Между ними заключаются союзы и династические браки, они участвуют в совместных походах. Тем не менее тогда эти группировки были слишком разрозненны и не смогли создать централизованной политической структуры.

Наиболее крупными из них были следующие. Во-первых, это конфедерация, имевшая двукрылую структуру, чьи владения были на территориях правобережья Днестра, ее возглавлял клан Бурчоуглы, из которого наиболее известен хан Бёнэк (Боняк древнерусских летописей, праобраз Буняки Шелудивого

древнерусских былин). С этими же правобережными территориями связана активность Тогор-хана (Тугоркан древнерусских летописей, ставший прообразом былинного Тугарина-змея). Донские половцы звались киевским летописцем «дикими». Это те самые группировки, которые были связаны с Олегом Святославичем, и хорошие отношения с ними унаследовали его потомки, род Ольговичей (древнерусская форма от «Олеговичи»), но к их же помощи прибегал и Владимир Всеволодович Мономах, и его потомки. Если Ольговичи и участвовали в объединенных с ними походах, то в основном только против приднепровских половцев и очень редко против донских, «диких». Здесь сильнейшими были клан Тухсоба (Токуз-оба), кочевавший между Доном и Волгой, возглавлявшийся в конце XI в. Шаругханом (Шарукан древнерусских летописей, прообраз Шарк-великана древнерусских былин), и позже, с середины XII в. появляются Ольберли, контролировавшие земли Нижнего Поволжья, примерно до р. Урал на восток. Известны здесь также и другие объединения

С вокняжением в Киеве Святополка Изяславича (1093–1113), находившегося под влиянием своего двоюродного брата, умелого политика и стратега, переяславского князя Владимира Всеволодовича, известного убийством в 1095 г. двух заманенных в гости половецких ханов, политика Руси становится более агрессивной в отношении степных соседей. Несмотря на заключение мирного договора в 1101 г., по инициативе Владимира в 1103 г. организуется общекняжеский поход против половцев. Это была хорошо продуманная операция, ставшая внезапностью для половцев: после тяжелой зимы, когда табуны и стада половцев не успели окрепнуть, объединенные силы князей вторглись в степь и разграбили ряд половецких стоянок, уведя в плен множество людей. В 1107 г. следует новое столкновение, закончившееся заключением династийных браков — дочери двух ханов вышли замуж за сына Владимира Всеволодовича и сына Олега Святославича, князя Новгород-Северского. Но уже в 1111 г. князь снова нарушил мирный договор и неожиданно напали

на половцев. Особенно частыми и масштабными походы становятся после вокняжения в Киеве (1113–1125 гг.) Владимира Всеволодовича, прозванного в честь деда по матери, византийского императора, Мономахом.

Уже приход Владимира к власти в Киеве сопровождался большим кровопролитием. Массовый характер закабаления и продажи в рабство славянского населения вызвал народное восстание, перешедшее в разграбление дворов верхов и значительный погром, в ходе которого особенно пострадало иудейское население.

Для Владимира жизненно важно было установить контроль над черноземными землями к югу от Киева. Агрессивные и расчетливые действия князя Владимира вынуждают часть половецких группировок откочевать на Северный Кавказ и даже в Грузию, в том числе часть группировки Тухсоба, где они перешли на службу к местному царю. Часть группировок, находившаяся в союзных отношениях с кланом Владимира, получает больше возможностей для усиления, поскольку привлекалась ими для решения как внутренних, так и внешних проблем военным путем.

Тем не менее уже со второй половины 20-х годов XII в. половецкие союзники черниговских князей, потомков Олега Святославича, вновь появляются на политической арене. Вероятно, за это время произошла определенная перегруппировка половецких племен. В 40-е годы XII в. в прикаспийских и причерноморских степях начинают складываться несколько крупных половецких группировок, оформившихся к началу 70-х годов. В частности, это левобережная поднепровская (лукоморская) группировка хана Кёпека (Кобяк древнерусских летописей), сына Карлы; еще одна левобережная группировка во главе с Беглюком, затем его сыновьями Изаем и Кёзэ (Коза древнерусских летописей, Гзак «Слова о полку Игореве»?) из клана Бурчоглы; донская группировка во главе с Кёнчэком (Кончак древнерусских летописей) из клана Тухсоба.

Клан Бурчоглы, судя по всему, имел во владениях и Крым, о чем свидетельствуют сходства каменных изваяний Лукоморья

и Крыма. Половцы контролировали сухопутные торговые пути, судя по всему беря под протекторат и прибрежные торговые города, не вмешиваясь в их политическую жизнь в целом. Отсюда большой интерес вызывает гипотеза о существовании уже в половецкие времена института фискальных наместников ханов в поселениях оседлых народов, подчиненных им. Речь идет о тюркском слове *баскак*, упоминаемым позже в древнерусских летописях в качестве синонима монгольского *даруга*. Это примерно соответствовало должности *тудуна* у хазар (см. выше).

Ибн аль-Асир (1160–1234) описывает крымский город Судак 1223 г. как «город кыпчаков, из которого они получают свои товары, потому что он лежит на берегу Хазарского моря³ и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся на земле их». Интересен приводимый сельджукским историком Ибн Биби (ум. в 1272 г.) факт, что нападение в Судаке на мусульманских купцов спровоцировало вторжение в Крым армии сельджукского султана в 1222 г., где он нанес поражение половецко-русскому войску. Однако остается неясным, о какой половецкой группировке и войсках каких русских земель может идти речь. Это сообщение интересно также потому, что хотя мы не имеем точных данных о формах связей территорий Крыма с Сельджукским (Румским) султанатом в Малой Азии, но очевидным фактом является сельджукское влияние на архитектуру Крыма, в том числе на архитектуру мечетей, а также на искусство, ремесло местного населения. По данным археологии, оно начинается именно в период XIII в., что также позволяет предполагать существование в Крыму анатолийской диаспоры. При этом, судя по всему, имело место несколько волн переселений, хотя не ясно, начались ли эти переселения до событий 1222 г. или позже. Важно, что эти переселенцы определенно приносили с собой исламскую традицию суфийского толка. Характерно, что существование

---

³ Подразумевается Черное море.

сельджукских традиций в культуре населения Крыма продолжилось здесь в эпоху Золотой Орды (см. след. главу).

О связях половцев с мусульманами есть также сообщение, относящееся к еще более раннему времени. Согласно древнерусским летописям, в походе, организованном в 1184 г. ханом Кёнчком (Кончаком), принимали участие мусульманские инженеры, обслуживавшие огнемётные и стреломётные орудия. В летописи они названы «бесоурмени» — термином, употреблявшимся в то время, как правило, по отношению к хорезмийцам.

Вообще для древнерусских летописей иногда характерно было называть как половцев, так и других степных кочевников, словом «измаильтяне», применявшимся, как правило, к мусульманским народам. Вероятно, здесь можно предполагать какой-то намек на значительное распространение среди западной части половцев ислама, хотя ни прямые данные письменных источников, ни материалы археологических раскопок не позволяют обоснованно судить об этом. Скорее всего, речь должна идти об особенностях мировоззрения летописцев, принадлежавших к той христианской традиции, где образ потомства Исмаила был наделен негативными свойствами и был обыгран в различных мифах.

Любопытен тот факт, что в родословной арских князей, упоминается имя некоего Бачман-султана, при этом его отец и дед носят арабские мусульманские имена. Если он идентичен Бачману, предводителю племени Ольберли, жившему в период монгольских завоеваний (см. след. главу), то это может свидетельствовать о распространении ислама среди части кыпчакской элиты, по крайней мере, в середине — второй половине XII в., но, с другой стороны, нет никакой уверенности ни в этой идентификации, ни в том, что эти поздние, созданные уже в мусульманской среде источники носят достоверный характер и к тому же не перенесли реалии своей эпохи на более ранние времена.

Волжская Булгария. Известно, что экспансия славянских племен приводила к вытеснению и ассимиляции ряда финно-угорских племен. Одним из конечных пунктов продолжавшейся

экспансии на восточные лесные районы был в XI в. город Муром, хотя он еще в 1015 г. известен как подвластный киевскому князю город. По данным археологии, самобытная культура финно-угорского племени *мурома* начинает исчезать уже в этот период. Ряд финно-угорских племен входил, тем не менее, в сферу влияния Волжской Булгарии, и, чтобы не допустить дальнейшего расширения владений Руси, занятой в этот период больше делами на западном направлении, уже в 1088 г. болгары заняли Муром, однако, судя по всему, были вскоре выбиты оттуда. Булгарские правители понимали возможность дальнейшей экспансии князей, ставшей очевидным фактом уже в начале XII в., когда она разворачивается во всех направлениях. Не желая допустить дальнейшего расширения влияния Руси, в том числе захвата волжского торгового пути, болгарские правители предпринимают превентивные меры, сами переходя в наступление. Известно, что в 1107 г. один из подвластных им мордовских князей осадил и взял Суздаль.

В дальнейшем ростово-суздальские князья концентрируют свое внимание на восточном направлении, вступая в вековое противоборство с булгарами за контроль над верховьями Волги и политическое влияние над местными финно-угорскими племенами, такими как *мари* (черемисы) и *мордва*.

В 1117 г. половецкий хан Айоба (Аепа древнерусских летописей), тесть Юрия Ростово-Суздальского, сына Владимира Мономаха, вторгается в пределы Волжской Булгарии. Однако болгарский правитель вынужден был пойти на хитрость — он послал половцам отравленные пищу и питье, употребив которые, ничего не подозревающие половецкие предводители во многом числе умерли. В 1120 г. Юрий снаряжает против болгар собственный поход, также привлекая половецкие отряды союзных родов. В результате похода было захвачено множество добычи и пленных, после чего был заключен мирный договор, стабилизировавший общую границу.

О состоянии Волжской Булгарии с середины XII в. позволяют судить богатые данные археологических раскопок и записки

арабского автора аль-Гарнати (1080–1169/1170), дважды побывавшего на территории Нижнего и Среднего Поволжья. По археологическим данным, в XI–XII вв. пределы этого политического образования простирались от р. Суры на западе до р. Шешмы на востоке, от Самарской Луки на юге, до района Елабуги на севере. Население этих территорий не было однородным в этно-лингвистическом и культурном отношении. Значительное распространение элементов мусульманской культуры в погребальной обрядности, характеризующейся достаточным единообразием, позволяет отчасти увязывать носителей этих признаков с доминирующей общностью, принадлежавшей к племенам тюркского круга. Арабский путешественник описывает город Булгар как окруженный деревянными стенами, люди жили в деревянных домах, но часть населения вокруг города жила в шатрах. Речь, несомненно, идет о кыпчаках и других тюркских племенах, селившихся в низовьях Камы, по данным археологии с конца XI в. болгарский правитель совершал зимние походы со своей закаленной армией на окружающие народы и накладывал на них *джизью*. Финно-угорское племя *весь* платило *харадж*. Те, кого арабский автор именует *славянами* (*сакалиба*), говоря о населении верховий Волги (хотя, возможно, речь идет о других финно-угорских племенах), также платили *харадж* болгарам. Поскольку *харадж* представлял собой поземельный налог, можно утверждать, что эти территории входили в прямое подчинение болгарского правителя, в отличие от земель других народов, власть над которыми ограничивалась сбором выплат в центральную казну. По-видимому, болгарские правители также сохраняли за рядом народов права на внутреннюю автономию.

Волжская Булгария имела торговые контакты с Хорезмом и Хорасаном, а с севера приходили торговцы из племен *весь* и *югра*, также известны давние торговые связи с русскими княжествами, которые болгары в голодные годы обеспечивали хлебом.

Наиболее стабильной во второй половине XII в. была политическая ситуация в Нижнем Поволжье. Здесь аль-Гарнати

описывает город Саксин, население которого в основном состояло из неких тюрков, вероятно огузов, которые были мусульманами, здесь же в отдельных кварталах жили хазары, выходцы из городов Булгар, Сувар, а также множество иноземных купцов, в основном из мусульманских стран. У каждой народности была соборная мечеть, где они молились, свои *кадии*, *факихи* и *хатибы*. Большинство жителей придерживалось ханафитского мазхаба, но среди купцов и путешественников встречались *маликиты* и *шафииты*, проживавшие в собственных кварталах со своими мечетями.

Судя по всему, Саксин представлял собой отдельное политическое образование. Он находился где-то в низовьях Волги, вероятно, там же, где прежде Итиль, но, так или иначе, он до сих пор не обнаружен археологами, хотя в последнее время все большее количество специалистов склоняется в пользу отождествления его с Самосдельским городищем. Степные территории по обоим берегам нижнего течения Волги, как уже отмечалось, контролировала кыпчакская группировка во главе с кланом Ольберли. Один из персидских современников аль-Гарнати описывает необходимость обороны Саксина от племен *кыпчаков* и *йемеков*, как именовалась тогда одна из группировок кыпчакских племен. Но в других источниках мы находим также указание на то, что булгары, саксины (т. е. жители Саксина) и кыпчаки совершали набеги на Хорезм, но неизвестно, совместные это были мероприятия или совершенно самостоятельные. Судя по всему, отношения булгар с Саксином были достаточно теплые и даже партнерские, а о масштабных конфликтах булгар с кыпчаками источники сведений не содержат.

О постоянных контактах Поволжья со Средней Азией косвенно свидетельствует тот факт, что из источников известно о некоем шейхе Ахмаде Булгари, который был учителем султана Махмуда Газневи (998–1030). Иногда его сопоставляют с неким Ахмадом Булгари, написавшим труды по фикху «Аль-Джами» («Всеобъемлющий») и «Аль-Фаваид» («Полезные наставления»), а также «Тарикат» («Путь»).

Вместе с тем о традиционных тесных культурных связях Волжской Булгарии, Саксина и Средней Азии говорит то, что в Бухаре и Нишапуре совершенствовал свои знания ученый рубежа XI–XII вв. Абу-ль-Аля Хамид б. Идрис аль-Булгари, основавший после возвращения в Волжскую Булгарию свою научно-богословскую школу. Одним из его учеников был Сулейман б. Дауд ас-Саксини ас-Сувари, развивавший в своих сочинениях этическую тематику в русле традиции своего наставника и его учителей. В мусульманском мире был широко известен его труд «Бахджат аль-анвар мин хакикат аль-асрар» («Блеск лучей от истины тайн»), переведенный затем им же на персидский под названием «Зухрат ар-Рийад ва нузхат аль-кулуб аль-марад» («Красота цветников и отрада для больных сердец»). Именно ас-Саксини сообщает, что его учитель был кади Булгара и придерживался суфийского *тариката* йасавийя.

Любопытно, что именно в Бухару около XIII в. болгары обращались за *фетвой* об отмене ночного намаза (*иша*) в период *рамадана*, т. к. из-за краткости ночи в этой географической широте в летнее время мусульмане не успевали бы совершить *ифтар* между вечерней (*магриб*) и ночной молитвой (*иша*).

Волжская Булгария поддерживала также связи с другими регионами мусульманского мира. Так, согласно Ш. Марджани, в арабо-персидских источниках содержатся данные о следующих богословах XII–XIII вв., имевших *нисбу* аль-Булгари.

Во-первых, это братья Тадж ад-Дин и Хасан б. Йунус, получившие образование в Ираке и писавшие труды по медицине. В частности, Тадж ад-Дину б. Йунусу принадлежат сочинения «Ат-тирйак аль-кабир» («Лучшее противоядие») и «Фи-ль-адвийат аль-мафридат» («Возможности лекарственных трав»). Последнее было продиктовано ученым в 1219 г. Любопытно, что сохранилось произведение арабского врача Абу Мансура Рашид ад-Дина б. Али ас-Сури (1174–1241), который дискутировал с ним, написав даже специальное сочинение «Ар-рад аля китаб ат-Тадж аль-Булгари фи-ль-адвийат аль-мафридат» («Против книги Таджа аль-Булгари „Возможности

лекарственных трав“»), где именует Тадж ад-Дина самым выдающимся ученым эпохи. Этот труд Тадж ад-Дина, переписанный в 1222 г. врачом-автором по имени Абу Йахья Закарийа ибн аш-шейх ас-сайид Биляль б. Йусуф аль-Мараги Амири аль-Мутатаббид под названием «Мухтасар фи-марифат аль-адвийа» («Собрание полезных свойств лекарственных трав»), где истинным автором назван Тадж ад-Дин Абу Мухаммад Али б. аль-Хусайн аль-Булгари и охарактеризован как «любимец царей и султанов».

Во-вторых, Бурхан ад-Дин Ибрахим б. Йусуф (ум. 1204 г.), обучавшийся в Нишапуре и Несефе, оставивший ряд философско-богословских трудов, в частности «Рисале-и Бурханийа» («Записки Бурхана»), комментария к сочинению Шамс ад-Дина Мухаммада б. Ашрафа аль-Хасани (ум. 1200 г.) «Рисалат фи-адаб аль-бахс» («Записка об этике ведения спора») под названием «Хашийат-и Адаб аль-муназарат» («Толкование противоречий в „Адаб“»), «Фусуль ан-Насави фи-ильми-ль-джадал» («Достижения ан-Насави в науке диалектике»), и др.

Из труда вышеупомянутого аль-Гарнати известно имя некоего кади города Булгара, который был учеником Абу-ль-Маали аль-Джувайни (1028–1085), выдающегося факиха, представителя шафиитской школы, руководителя медресе ан-Низамийа в Нишапуре, одним из учеников которого был, кстати, и сам Абу Хамид аль-Газали (1058–1111). Упомянутый кади отождествляется Марджани с Йакубом б. Нуманом (1058/1059 — ?). Он написал (или переписал) некую «Историю Булгар», с которой ознакомился аль-Гарнати, не сохранившуюся до наших дней.

До нашего времени дошла поэма социально-философского содержания «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе»), написанная примерно в 1236 г. болгарским поэтом Кул Али (в татарской традиции: Кул Гали). Подражая караханидскому придворному поэту второй половины XI в. Йусуфу Хас-Хаджибу Баласагуни, Кул Али стремился показать идеальный образ справедливого правителя, заботящегося о государстве и поданных, разбирал принципы отношений между различными социальными группами,

рассуждая также о таких категориях, как *добро*, *зло*, *счастье*, *любовь*, он обращался к проблеме роли разума и знания в постижении истины. Любопытно, что в поэме ощущается значительное влияние *тасаввуфа* (суфизма).

Основным противником Волжской Булгарии являлся западный сосед — с 20-х годов XII в. уже не единая Русь, как было сказано выше, давно к этому времени политически распавшаяся, а Ростово-Суздальское княжество, обособившееся и усилившееся при Юрии Владимировиче, который унаследовал все черты отца, и за активную политику был прозван Долгоруким. Особенно наступательную политику суздальцы стали вести при сыне Юрия от половецкой княжны, дочери отравленного булгарами хана Айобы (Аепы), Андрее Боголюбском, перенесшим в 1155 г. столицу своих владений во Владимир и начавшим именовать себя титулом *великий князь*. Это был жесткий и принципиальный политик, которого боялись и ненавидели даже собственные подданные. Например, в 1162 г. он совершает совместно с рязанскими и муромскими князьями поход на донских половцев, окончившийся победой, но принесший тяжелые потери для княжеских дружин. Захватив и разграбив вместе с половецкими союзниками в 1169 г. Киев, номинально все еще считавшийся столицей Руси, Андрей демонстративно ушел оттуда, оставив там в качестве наместника своего брата. Этот факт говорит об утрате реальной значимости киевского престола. С того времени можно говорить о существовании Владимиро-Суздальского княжества, как нового центра русских земель.

В 1164 г. Андрей с объединенными силами муромского князя организует крупный поход на Волжскую Булгарию, в результате которого было разграблено несколько городов на правом берегу Волги, в том числе некий Бряхимов, как именуют его древнерусские летописи, т. е. Ибрахимов. Где-то после этого на Волге основывается город Городец, ставший оплотом для дальнейшей экспансии владими́ро-суздальских князей. В связи с этими событиями булгары переносят свою столицу из города Булгар на берегу Волги (современный город Болгар,

административного центра Спасского района Республики Татарстан) восточнее, в город Биляр.

Новый поход совместными силами владими́ро-суздальского, му́ромского и рязанского князей имел место зимой 1171/1172 гг., но суздальские бояре не привели свои войска, из-за чего князья, имея в распоряжении только собственные дружины, ограничились грабежами нескольких поселений, но не стали рисковать и вступать в битву с подошедшим болгарским войском, уйдя обратно в свои владения.

Жестокость князя Андрея даже по отношению к своим подданным привела к его гибели в 1174 г. в результате заговора бояр и людей из собственной свиты. Его убили прямо в княжеской резиденции, которая затем подверглась разграблению, а тело было выброшено на улицу, и никто из людей даже не подумал похоронить его или хотя бы прикрыть.

В течение следующих лет следует период затишья, связанный с началом борьбы за владимирский престол. Дальнейшее развитие экспансия суздальцев получает при брате Андрея — Всеволоде Юрьевиче (1176–1212). Более осторожный и гибкий политик, за свое длительное правление он сумел сделать так, что фактически все остальные князья признали его власть, что выразилось в его титуле — «*великий князь*», а после его смерти расширившееся Владимиро-Суздальское княжество распалось на ряд уделов, где сидели его многочисленные сыновья — за это он остался в истории под именем «Большое Гнездо».

В 1183/1184 гг. Всеволод организует масштабный поход на Волжскую Булгарию объединенными силами владими́ро-суздальских, черниговских, низовских князей. При этом, судя по древнерусским летописям, в его войске были и болгарские перебежчики, один из которых привел с собой отряд половцев из племени *йемек*, основная территория кочевания которого находилась вовсе к востоку от Волги. Войска дошли до самого Биляра.

В 1186 г. еще один поход на болгарские владения был совершен из Городца. Натиск со стороны владими́ро-суздальских

князей вынудил болгар подписать новый договор, обеспечивавший благоприятные условия для продвижения суздальской колонизации на восток.

Известен также поход на судах, датированный 1205 г. Его результатом стал захват множества пленных из болгар, мари (черемис), мордвы и, судя по всему, половцев.

Смерть Всеволода и начавшиеся усобицы между его сыновьями, дестабилизировавшие ситуацию во владими́ро-суздальских владениях, создали благоприятную обстановку для контрнаступления болгар. Но их операции были направлены на северные районы, пока еще не в достаточной степени укрепленные за суздальцами. В 1219 г. болгары заняли Устюг и предприняли попытку захватить Унжу. Однако в 1220 г. князь Юрий Всеволодович направил на Волжскую Булгарию значительное войско, шедшее на судах, а сухопутным сопровождением выступили союзники из половцев. Летом 1220 г. ими был взят город Ошель, расположенный на западном берегу Волги, а зимой болгары отправили предложение о перемирии. Юрий принял предложение только после присылки третьего посольства, сам находясь в Городце, служившем командным пунктом для всех операций. Было заключено перемирие сроком на шесть лет, гораздо более выгодное для суздальцев, поскольку уже в 1221 г. Юрий строит новый опорный пункт на месте впадения Оки в Волгу — Нижний Новгород. Вместе с тем имеются некоторые сведения о существовании на этом месте поселения, основанного прежде булгарами, что пока невозможно подтвердить или опровергнуть археологически.

Под угрозой экспансии со стороны Владимиро-Суздальского княжества в 20-е годы XIII в. среди мордовских племен в Среднем Поволжье формируются политические образования, складывавшиеся вокруг авторитетных вождей. Группировку мордовских племен *мокша* возглавляет князь Пуреш, а группировку *эрзя* — Пургас. Первый ориентировался на суздальцев, второй — на болгар.

В 1228 г. Юрий из Нижнего Новгорода организует поход на земли союзного булгарам Пургаса, в ответ на это болгары

нападают на Пуреша. Сам Пургас в ответ на агрессию суздальцев атаковал Нижний Новгород, где им был сожжен княжеский монастырь. Юрий собрал войско, в которое привлек сына Пуреша и половецких союзников, напав на Пургаса и оттеснив его обратно в его владения.

1229 год ознаменован заключением окончательного мирного договора между булгарами и суздальцами. Стороны договорились об освобождении пленных, урегулировании границ и заключили торговое соглашение.

Вероятно, это было связано с тем, что с востока появился новый опасный противник (см. след. главу).

Ислам на Северном Кавказе. Прежде всего необходимо сказать также о дальнейшей судьбе ислама на Северном Кавказе, что прежде всего связано с Дербентом. Как упоминалось выше (см. главу I), со второй половины IX в., в период кризиса Аббасидского халифата, здесь правила самостоятельная местная династия. Характерно, что в течение всего этого периода состав населения города характеризовался необычайной пестротой. Здесь уживались представители самых разных культур и религий.

Отдельного внимания в этом контексте заслуживает деятельность тмутараканского князя Мстислава, сына Владимира Святославича. В 1022 г. ему удалось объединить под своей властью проживавших в Приазовье хазар, алан и адыгов (касоги). В 1024 г., разгромив своего брата, правившего в Киеве Ярослава, он навязывает ему мирный договор, согласно которому за Мстиславом остаются все земли по левую сторону Днепра. Судя по всему, с этим князем связана экспедиция 1031 г. русов и алан в восточный Прикаспий, где они напали на владения ширваншаха и вмешались в усобицу сыновей умершего эмира Дербента. Второе их появление в регионе, в 1032 г., подвигло правителей Ширвана, Аррана и Дербента организовать коалицию, к которой также присоединились дагестанские племена. Русы были разгромлены, и лишь небольшая их часть бежала. В следующем году русы и аланы совершают безуспешную попытку овладеть Дербентом. После смерти Мстислава в 1036 г. его

владения переходят к Ярославу, а набеги русов на Каспийское побережье прекращаются.

Однако новое объединение под властью киевского князя земель, бывших подвластными при Владимире, и уход печенегов ознаменовали лишь короткий период возвышения Древней Руси (см. выше).

О том, что одним из важнейших центров ислама был Дербент, свидетельствует упоминание в арабских источниках ряда имен мусульманских ученых, происходивших оттуда. Так, например, это Хасан б. Ибрахим ад-Дарбанди (VIII в.) — ученый, в совершенстве владевший арабским языком; Мухаммад б. Хишам б. аль-Валид Абу-ль-Хасан ад-Дарбанди, известный также как Абу Имран аль-Баби (IX в.) — известный ученый Дербента своего времени; Хабиб б. Фихр ад-Дарбанди (IX — 1-я пол. X в.) известен как ученый, в совершенстве владевший арабским языком; Ибрахим б. Джафар ад-Дарбанди (X–XI вв.) — о нем известно, что он преподавал в Египте; Хиляль б. Аля аль-Баби (XI в.), т. е. из Баб аль-абваба, — знаток *хадисов*; и др.

Важно отметить, что в процессе распространения ислама в Дагестане в XI–XII вв. очень значительна роль тюркской культуры. Начавшееся в XI в. в Средней Азии движение огузско-туркменских племен под предводительством сельджуков вскоре отозвалось и на истории Дербента. В 1067 г. Сельджукский султан Алп-Арслан (1063–1072), занятый тяжелой войной с армянами и византийцами, снарядил в Дербент отряд под предводительством Сау-тегина. После захвата города Сау-тегин оставил там наместником Аглаба б. Али, а сам вернулся к султану. В декабре 1075 г. новый султан, Мелик-шах (1072–1098), пожаловал Дербент Сау-тегину под управление. С этого времени в Дербенте возрастает влияние тюркской культуры.

Сами сельджуки изначально были тесно связаны с суфийскими братствами, оказывая им всяческую поддержку и покровительство. Оказавшись вскоре властителями огромных территорий с мусульманским населением и войдя после занятия Багдада в 1055 г. в тесный союз с аббасидским халифом, они

стали проводниками ислама суннитского толка. При сельджуках, особенно с периода правления султана Мелик-шаха, начинается новый период расцвета мусульманской культуры на Ближнем Востоке. В это время начинаются тесные контакты Дагестана с остальным мусульманским миром. В медресе ан-Низамийя, построенном в Иране великим вазиром Мелик-шаха Низам аль-Мульком (Абу Али ат-Туси, убит в 1092 г.), получили подготовку многие дербентские богословы и правоведы, в том числе представители *тасаввуфа*.

Арабские источники сохранили имена многих ученых этой эпохи, носящих *нисбу* ад-Дарбанди или аль-Баби: Маммус б. аль-Хасан аль-Лакзи ад-Дарбанди (1040–1110) — знаток *хадисов*, автор хроники «Тарих Баб аль-абваб ва Ширван» («История Дербента и Ширвана»); Абу Йакуб Йусуф б. аль-Хусайн аль-Лакзи аль-Баби (ум. ок. 1089–1090) — знаток *хадисов*, духовный глава шафиитской общины в Дербенте; Хаким б. Ибрахим аль-Лакзи аль-Хиналуки (ум. 1143) — обучавший в Багдаде у самого аль-Газали (1058–1111), а затем в Мерве, после чего поселился в Бухаре, где и провел всю оставшуюся жизнь; Йусуф б. аль-Хусайн аль-Лакзи ад-Дарбанди, известный также как Хасан ад-Дарбанди (1-я пол. XI — 2-я пол. XII в.) — был славен своим благим нравом; Абу-ль-Касим Маймун б. Умар б. Мухаммад аль-Баби (XII в.) — дербентский ученый, известный даже в Сирии и Египте. Особо должен быть упомянут Абу Бакр Мухаммад б. Муса б. аль-Фарадж (ум. не ранее 1099) — богослов, автор крупного труда по теории *тасаввуфа* «Райхан аль-хакаик ва бустан ад-дакаик» («Базилик истин и сад тонкостей»), самого раннего из известных в Дагестане сочинений подобного плана; и др. Как раз последнее сочинение, написанное, где-то на рубеже XI–XII вв., но дошедшее до нас в копии 1342/1343 г., демонстрирует тот факт, что *тасаввуф* был давно известен в Дагестане.

О распространении *тасаввуфа* в последующие времена свидетельствует мусульманская эпиграфика — надписи на могильных камнях, содержащие имена ряда деятелей-шейхов. Традиция создания мусульманских эпитафий, повествующих о благих

деяниях умерших, фиксируется с XII в. и продолжалась вплоть до XIX в. Характерным свидетельством непрерывности линии развития *тасаввуфа* в Дагестане является также зафиксированная традиция переписывания сочинений по суфизму, и прежде всего — трудов аль-Газали. В частности, самая ранняя копия рукописи его известного труда «Ихйа улум ад-дин» («Возрождение религиозных наук»), относится к 1191 г., будучи сделанной в Багдаде, а самые поздние списки относятся даже к XVII в.

Все это ярко свидетельствует о том, что суфизм начал свое проникновение в Дагестан уже в конце XI – XII в., и этот процесс непосредственно связан с периодом господства на Ближнем Востоке Сельджукидов.

После смерти в 1098 г. султана Мелик-шаха и начавшейся смуты в Дербенте вновь приходит к власти самостоятельная династия. Однако она вынуждена считаться с соседним сильным государством Ширван. С образованием в 1136 г. государства атабеков, Азербайджана, во главе с кыпчаком Ильдегизом появляется новая сила. Распад сельджукского государства на отдельные султанаты в третьей четверти XII в. вновь погрузил мусульманские государства в усобицы. Впоследствии дербентские эмиры вынуждены были лавировать между постепенно угасающей державой сельджукских султанов, поднимающейся христианской Иверией, и двумя крупными соседними мусульманскими государствами — Ширваном и Азербайджаном⁴.

Важно указать, что отмеченные тенденции касались прежде всего предгорных районов. Давние связи Дербента с Ширваном и Азербайджаном фактически позволяют в какой-то период времени рассматривать эти территории как единый историко-культурный регион. Во второй половине XIII в., под влиянием миграций вытесненных монголами из Средней Азии кочевых тюркских племен, в Азербайджане начинается новый подъем

---

⁴ Ширван располагался на территории современного государства Азербайджан. Азербайджаном в широком смысле именуется регион, объединявший территорию этого государства и современный так называемый Южный, или иранский, Азербайджан (с центром в Тебризе).

суфизма. Это не могло не затронуть и Дагестан. Любопытно, что фактически с этого времени речь идет о начале нового этапа миссионерской деятельности мусульман в регионе. Продолжается распространение ислама среди горского населения Дагестана. Так, в с. Кубачи, судя по эпитафическим находкам, в 1305/1306 г. был убит шейх тариката сухравардийа Хасан ас-Садик аш-Ширвани. Местные народы долго еще оставались в центре внимания видных мусульманских религиозных и политических деятелей, стремившихся обратить их в ислам и включить их земли в свои владения. А много позже дагестанские народы стали участниками еще одной политической драмы, разыгравшейся на стыке Дагестана и Ширвана. В 1460 г. у с. Гапцах в битве с правителем Ширвана, считавшим эти территории сферой своего влияния, погиб намеревавшийся распространить здесь ислам в его шиитской версии шейх Джунейд, глава тариката ас-сафавийа, дед Шаха Исмаила Хатаи, основателя Сефевидской династии в Иране. В Дагестане же погиб и его сын шейх Хайдар.

Несмотря на неудачные попытки, стремления отдельных деятелей, тем не менее, увенчались успехом уже в период Золотой Орды, когда в XIV–XV вв. ислам начинает более глубоко проникать в культурную жизнь населения Дагестана и всего Северного Кавказа.

Возможно, в конце XIV в. во время нашествия эмира Тимура (см. след. главу) в регион проникает учение тариката накшбандийа — через шейхов из Бухары и Самарканда, сопровождавших среднеазиатского завоевателя в походах. По крайней мере, османский путешественник Эвлия Челеби (1611–1682/1683), побывав в Дагестане в 1666 г., фиксирует в селении Эндери мавзолеи святых аль-хаджи Джама, хаджи Йасави-Султана, хаджи Абдаллаха Ташкенди, т. е. людей, носивших тюркские имена и, очевидно, совершивших *хадж*. В селении Койсу им упомянуты две *текке* (обители дервишей) тариката накшбандийа. Это упоминание, по-видимому, является первым достоверным свидетельством о бытовании этого тариката на территории Дагестана.

Вопросы по пройденному материалу:

1. Опишите картину межрелигиозных отношений в Волжской Булгарии и Среднем Поволжье в XII в. Какие еще мусульманские центры, существовавшие в регионе, Вам известны?

2. Расскажите о мусульманской культуре Волжской Булгарии.

3. Какая проблема, связанная с соблюдением поста в месяце рамадан в летний период времени стояла перед мусульманским населением Среднего Поволжья? Как она была решена?

4. Расскажите о внешнеполитических связях Волжской Булгарии. Охарактеризуйте положение государства на международной арене.

5. Расскажите об обстоятельствах выбора официальной религии киевского князя Владимира Святославича. Какие факторы оказали влияние на невозможность сделать выбор в пользу ислама?

6. Что Вы можете сказать о взаимоотношениях Руси с мусульманским миром в период IX — начала XII в.

7. Что известно об исламе в среде кочевых народов степей Северного Причерноморья: огузов, печенегов и кыпчаков (половцев)?

8. Каким образом появление сельджуков на Кавказе сказалось на развитии ислама в регионе?

9. Расскажите о мусульманских ученых — выходцах из Дербента.

10. Каково значение сельджукского фактора для развития исламской традиции в Крыму?

ГЛАВА III. ИСЛАМ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В XIII–XV ВВ. ЭПОХА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Образование Монгольской империи. В последние два десятилетия XII — начале XIII в. в степях Монголии и Забайкалья происходит процесс объединения монголоязычных и тюркоязычных степных племен. После череды кровавых усобиц на съезде племенных вождей, *хурилтае*, состоявшемся в 1206 г. в долине реки Орхон человек по имени Тэмучжин из клана Борджигин племени *монгол* провозглашен *хаганом* с титулом Чингисхан, что, по-видимому, связано с тюркским словом *тэнгиз* «море, океан». Не признавшие его власть племенные вожди бежали на запад — в Восточный Туркестан и степи современного Восточного Казахстана.

Чингисхану было уже за пятьдесят лет, больше половины из которых он провел в объединительных войнах. Дальнейшие его действия были направлены на войну с империей Цзинь (буквально по-китайски «золотая»), основанной тунгусо-маньчжурским народом — *чжурчжэнями* — в Северном Китае. Их предводители, следуя древней китайской имперской традиции, длительное время проводили политику, направленную на ослабление степных соседей, провоцируя среди них междоусобные войны и время от времени совершая походы в Степь с целью захвата пленных. В течение 1211–1218 гг. подданные Чингисхана, именовавшиеся обобщающим названием *монгол* по имени главенствующего племени, вели победоносную войну с «Золотой» империей, но, когда исход войны стал более или менее ясен, Чингисхан обратил внимание на западное направление, где еще оставались откочевавшие когда-то его противники.

Важно учитывать, что китайцы, следуя сложившейся традиции, именовали возникшее в Степи политическое объединение

словом *татар*, служившим тогда обобщающим названием по имени одной из крупных племенных группировок, известных здесь прежде. Хотя основная часть собственно племени *татар* была истреблена Чингисханом, кроме женщин и подростков, они сохраняли свою идентичность внутри племен, входивших в состав объединения, созданного Чингисханом. Чингисхан и его потомки приняли известное имя *татар* как экзоэтноним, представляя как *татары* перед представителями иностранных держав, собственно же себя и свое политическое объединение именуя *монгольским*.

В 1216 г. Чингисхан отправляет своего сына Джучи против племени *меркитов*, нашедших убежище в землях восточнокыпчакской группировки *канглы*. Одновременно полководец Джэбэ был отправлен против Кучлука, хана племени *найманов*. Тот нашел свое убежище у правителя державы *кара-китаев*, располагавшейся на территории Кашгарии. Несмотря на то, что сами кара-китаи были буддистами и несторианами, значительная часть населения их империи была мусульманами. Кучлук в свое время женился на дочери правителя кара-китаев, носившего титул *гурхан*, Елюй Чжуху, но уже в конце его правления начал предпринимать попытки по захвату власти, а после смерти тестя в 1213 г. вовсе стал полновластным правителем. Поддавшись влиянию жены-несторианки, он начал резню среди мусульман. Поэтому вторжение Джэбэ в 1218 г. было встречено населением как спасение. Кучлук бежал, но был схвачен и убит.

Однако в это же время правитель Хорезма султан Ала ад-Дин Мухаммад, именовавшийся хорезмшахом, прослышав про деяния и бегство Кучлука в западном направлении, собрал сильное войско и устремился на прежние территории кара-китаев. Подвластные ему племена *канглы* сообщили о появлении в их землях неизвестного войска. Мухаммад полагал, что это бежавший Кучлук, но это были меркиты, уходившие от монголов. Монгольский отряд, возглавляемый Джучи, разгромил меркитов и начал отход на восток, что было неведомо правителю Хорезма. Перейдя реку Сырдарью, султан двинулся к северо-востоку от города

Дженда, но, дойдя до древнего русла реки Ирғиз, обнаружил лишь поле боя. Тем не менее он решил продолжить свой путь, настигнув монгольский отряд. Несмотря на заверения монголов об отсутствии каких-либо претензий к хорезмийцам, султан решил вступить в битву. После трехдневного сражения, исход которого так и не был решен, монголы в одностороннем порядке снялись с ночного лагеря и ушли в степь. По сведениям источников, хотя Ала ад-Дин Мухаммад и провозгласил себя победителем, долго оставался под впечатлением от минувшего сражения, поскольку доселе не встречал столь упорного противника.

По возвращении в Хорезм султана ожидала неожиданная весть. В период его отсутствия в город Отрар прибыл монгольский караван, который, однако, подвергся разграблению по приказу наместника города — Иналджыка Кайыр-хана, заподозрившего купцов в шпионаже. Он был предводителем группировки *канглы* и двоюродным братом влиятельной матери султана, Теркен-хатун. Выходцы из племен *канглы* давно приняли ислам, прибыв ко двору правителей Хорезма, от которых получили ряд важных военных и административных должностей, но они продолжали вести себя соответственно степнякам, больше склонным к активным и решительным действиям, нежели длительным размышлениям.

Источники сообщают о существовании контактов хорезмийцев и монголов уже в 1216 г., когда состоялось первое посольство от султана к Чингисхану. В ответ с богатым караваном, везшим подарки, во главе с хорезмийцем по имени Махмуд Йалавач, было отправлено письмо мирного характера с предложением о разделе сфер влияния. Однако в письме султан был назван Чингисханом «сыном», что означало обращение к нему как к подданному или правителю более низкого ранга. Это оскорбило и разозлило Мухаммада, и султан предпринял попытку выведать какие-либо данные о войске Чингисхана.

Вероятно, монголы готовились к войне на западе. Чингисхан умело использовал агентурную сеть, налаженную с помощью мусульманских и уйгурских купцов, державших в руках

торговые пути из Средней Азии в Китай, в то время как хорезмийская агентура действовала крайне неудачно.

Так или иначе, после инцидента в Отраре Чингисханом было отправлено посольство во главе с мусульманином Ибн Кафраджем Бугра с требованием разъяснения обстоятельств случившегося или выдачи Иналджыка, чего султан сделать никак не мог. Хотя источники содержат данные об ответном письме хорезмийцев, где вина за содеянное возлагалась только на Иналджыка, но монгольский посол ко двору султана, т. е. Ибн Кафрадж, был убит, что фактически означало начало войны.

Слабость центральной власти в Хорезме, вражда придворных клик и племенных группировок, невозможность эффективной координации военных сил государства и, в противовес этому, стремительные и расчетливые действия монголов, спаянных дисциплиной и объединенных центральным командованием, способствовали тому, что достаточно быстро, в период с осени 1219 до конца зимы 1220 г., основная хорезмийская территория была захвачена. Сам хорезмшах Мухаммад, видя гибель своей империи и убедившись в невозможности сплотить своих подданных, чтобы остановить противника, принял решение сложить с себя регалии правителя и бежать. Захватывавший один за другим крупные города Хорезма Чингисхан, узнав об этом, отправил в погоню за ним военный корпус примерно в 20 тыс. человек под командованием полководцев Джэбэ и Субэдэя. Они вскоре узнали, что султан где-то погиб, но в их задачи также входила разведка — получение информации о территориях, лежащих к западу от Каспийского моря.

Пока основные монгольские войска были заняты подавлением сопротивления хорезмийцев в Туркестане, Афганистане и Иране, этот отряд с тяжелыми боями пробился в Азербайджан, а затем — в Грузию и далее — на Северный Кавказ в районе Дербента. В итоге, сражаясь прежде с грузинами, лезгинами, аланами, в 1222 г. монголы столкнулись с половецкими отрядами, по-видимому, выходцами из группировки Тухсоба. После первых поражений половцы обратились за помощью к своим

родственникам — правителям отдельных русских княжеств. На призыв откликнулись киевские, черниговские и галицко-во-лынские князья. Однако в битве на Калке в 1223 г. объединенное войско половцев и русских было разгромлено монголами.

После этого монгольский корпус совершил рейд на Крым и повернул обратно на восток — к Волге. Однако где-то в районе Самарской луки, где монголы переходили реку, они подверглись нападению волжских болгар. Согласно Ибн аль-Асиру (1160–1233/1234), монголы понесли огромные потери, немногочисленному отряду удалось уцелеть и, спустившись вниз по Волге, через Саксин переправиться на другой берег и вернуться к Чингисхану.

Западные походы монголов. Образование Улуса Джучи. После смерти Чингисхана в 1227 г. созданная им империя была разделена, согласно его завещанию, на четыре части, или улуса, — по количеству его старших сыновей от первой жены. Еще в 1225 г. его сыновья и родственники получили свою долю, и им была определена граница будущих владений, а также высказано намерение передать власть третьему сыну — Угэдэю. Земли к западу от реки Иртыш, в основном степная территория, включавшая также хорезмийские города в низовьях Амударьи, вошли в состав улуса старшего сына — Джучи. Персидский историк Рашид ад-Дин (ок. 1247–1318) сообщает, что уже Джучи в 1221 г. Чингисхан поручил вести войну с булгарами, башкирами, русскими, черкесами, кыпчаками и другими народами, проживающими в западной стороне. Сам Джучи погиб незадолго до смерти своего отца, поэтому ему наследовали два его старших сына — Орду и Бату. Орду, прозывавшийся Ичэн (Эджэн, монг. «хозяин, господин»), хотя и считался старшим среди сыновей Джучи по праву первородства, тем не менее позже добровольно уступил этот статус Бату, сам удовлетворившись наследованием основных земель кочевания Джучи — в Восточном Казахстане.

В 1229 г. в Монголии, в новой столице империи, городе Каракоруме, состоялся очередной *хурилтай*, утвердивший Угэдэя, третьего сына Чингисхана, *великим хаганом*. Известно,

что уже в это время, в 1229 г., монгольские войска фиксируются у границ Волжской Булгарии. На *хурилтае* 1235 г., состоявшемся на следующий год после разгрома империи Цзинь, монгольскими вождями было принято решение о продолжении боевых действий против народов, с которыми империя имела конфликты при Чингисхане, а также о начале боевых действий против новых противников. Речь идет о четырех направлениях: война с южно-китайской империей Сун, война с Кореей, войны в Западном Иране и на Южном Кавказе, а также — западное направление: против болгар, кыпчаков, русских и др. Здесь основной задачей было покорение кыпчаков, то есть половцев — наиболее многочисленной группы кочевых племен, все еще остававшихся не под властью одной степной династии.

Снаряженная на запад армия, по-видимому, не превышала по своей численности 70 тыс. человек. Эти войска присоединились к собственным силам Улуса Джучи, численность которых составляла 4 тыс. человек из монгольских племен, но, судя по всему, значительные отряды были набраны из народов занятых территорий. Согласно персидскому историку XIII в. Джувейни (1226–1283), кроме представителей степных монгольских и тюркских племен в состав армии были набраны ополченцы с мусульманских территорий. В походе приняли участие 11 принцев-Чингисидов под общим руководством Бату, советником которого был опытный полководец Субэдэй.

Первый удар монголов пришелся по Волжской Булгарии. Булгары уже длительное время сдерживали натиск монголов, судя по всему, еще с 1229 г., постепенно отступая со своих позиций на Нижней Волге. При этом булгары отправили на Русь послов, по-видимому с предложением создания военной коалиции, но миссия не имела успеха. Известно, что монголы даже зимовали на территории Булгарии в 1232 г., не будучи, однако, в состоянии подойти к ее столице. Судя по всему, уже в том же 1229 г. монголами были осаждены города, располагавшиеся в низовьях Волги: Саксин и Суммеркент, населенные, как сообщают источники тех времен, мусульманами. Они отчаянно

сопротивлялись до 1236 г. Длительной также была война монголов с башкирами и кыпчаками клана Ольберли, сплотившимися в 1234 г. вокруг вождя по имени Бачман.

Ранней весной 1236 г., когда подошли основные силы под командованием Субэдэя, войска монголов обрушились сначала на территории половецкого клана Ольберли, а затем, когда они были разгромлены и перестали быть серьезным противником, на город Биляр, который после отчаянного сопротивления был взят и разрушен. Тем временем силы под руководством самого Бату направились на юг для боев с половцами, мордвой и черкесами. Здесь, на широкой территории, войска монголов действовали хотя и распыленно, но довольно централизованно. На левом фланге, шедшем по каспийскому побережью, монголами были добиты половцы клана Ольберли под командованием хана Бачмана и его союзники — аланские войска князя Качира; оба предводителя попали в плен и были зарублены. Остальные силы воевали с финно-угорскими племенами, прежде всего с мордвой, один из князей которых принял монгольскую сторону, другой продолжал воевать против них, уйдя в леса. После завершения основных боевых действий к осени 1237 г. монголы соединили все силы, чтобы идти на русские княжества⁵.

Как отмечалось выше, первые попытки покорения монголами народов Волго-Уральского региона начались в 1221 г., когда войска Джучи участвовали в экспедициях против местных кыпчакских племен. Однако, если это были спорадические рейды, уже в 1229 г. стало ясно, что противник настроен серьезно.

---

⁵ Как обнаружили археологи, в тот же период масштабное сражение произошло на месте Золотаревского городища в Пензенской области, где проживали буртасы — вероятно, сыгравшие значительную роль в этногенезе нынешних татар-мишар. Здесь на площади более 60 тыс. квадратных метров было обнаружено большое количество оружия и множество тел погибших воинов и жителей города, которые остались незахороненными. Как считает руководитель раскопок, доктор исторических наук профессор Г.Н. Белорыбкин, эта битва была одной из самых грандиозных во всей монгольской военной кампании в Восточной Европе, хотя в русских летописях про нее нет ни слова.

Упорное сопротивление кыпчаков, болгар и других народов Волго-Уральского региона давало огромный запас времени на подготовку к войне правителям русских княжеств, которые были информированы о новом противнике, но они не сумели этим воспользоваться. В итоге в ходе двух кампаний, 1237–1238 и 1239–1241 гг., русские княжества были разгромлены без особых трудностей, причем со стороны монголов не было попыток напасть на Новгород, Смоленск и Полоцк, не проявлявшие к ним враждебности, хотя несколько пограничных поселений Новгородской земли пострадали от боевых действий. Далее монголы двинулись в Европу, преследуя отступавшие отряды кыпчаков, прежде всего в Венгрию, королю которой монгольские правители писали уже в 1237 г. с требованием не принимать у себя кыпчаков, откочевывавших из прикаспийских и причерноморских степей. В 1241 г. были разгромлены основные силы выступивших против монголов европейских правителей — Венгрии, Польши, Тевтонского ордена, а заодно завершено покорение кыпчаков, укрывавшихся в Венгрии, среди населения которой против них самих возникли волнения. В 1242 г. до Бату дошла новость, что в Монголии умер *великий хаган* Угэдэй. Многие принцы из рода Чингисидов с подвластными им войсками устремились в Монголию, чтобы принять участие в выборах нового верховного правителя. Бату также окончательно принял решение повернуть войска и остановился в низовьях Волги.

Если первой столицей Улуса Джучи после возвращения Бату из западного похода был восстановленный Булгар, то с 50-х годов XIII в. фактическая столица возникает на месте одной из постоянных ставок будущих ханов, на правом берегу р. Итиль, где затем появится город Сарай (от персидского слова со значением «дворец»). Сам Бату ханского титула не носил и никогда не был в Монголии для утверждения на каких-либо должностях: и до, и после *хурилтая* 1246 г., где *великим хаганом* был избран его личный враг Гуюк, сын умершего Угэдэя, Бату оставался в номинальном подчинении у верховных правителей империи. Уже при нем складываются в общих очертаниях

те отношения местных степных правителей с покоренными соседними народами, которые позже более отчетливо представлены в период расцвета политического объединения, известного в истории под именем «Золотая Орда».

Само понятие «Золотая Орда» использовалось прежде для названия ставок монгольских ханов, в частности роскошных золотых шатров. Еще в 1246 г. один из европейских миссионеров зафиксировал название *сыра орда* для ставки монгольского правителя. Использование этого названия для обозначения политического образования потомков Джучи в русских источниках начинается только с XVI в., хотя в китайских хрониках оно именовалось «Ханство Золотая юрта» (*Цзинь чжан хань*) еще в XIII в. Судя по всему, сочетание «Золотая Орда» является синонимом понятия *Ак Орда*, то есть «Белая Орда», которой противопоставлялась *Кёк Орда* — «Синяя Орда». Эти цветовые обозначения издавна служили для определения соответственно Запада и Востока, а ставка (*орду*) кочевого правителя всегда являлась центром территориальной единицы, и потому название ставки олицетворяло и территорию. Слово *сары(г)*, обозначающее желтый, бледный цвет, также ассоциировалось у тюркских народов с западом.

Бытовавшая у монголов улусная система продолжала традиции кочевой государственности. Весь подвластный народ и вся занимаемая им территория рассматривались как общее достояние правящего рода, каждый член которого претендовал на получение своей доли — людей (монгольск. *иргэн*, тюркск. *иль*), а также пространства для кочевания (монгольск. *нутуг*, тюркск. *йурт*), в более поздние времена каждый из принцев мог претендовать на получение некоторого числа ремесленников и определенного земледельческого района (монгольск. *инджу*), обеспечивавших необходимой продукцией и товарами кочевое население.

В Улусе Джучи выделялись различные подразделения, связанные с тем или иным принцем, но наиболее крупными были административно-территориальные подразделения на два

крыла — как самого Улуса на Белую и Синюю Орду, так и подобное дуальное разделение внутри них. Старшими в западной части владений считались потомки Бату, восточной — потомки Орду-Ичэна. Во времена наивысшего расцвета территории Улуса Джучи простирались от верховий Иртыша на востоке до нижнего Дуная на западе, на юге ограничиваясь нижним и средним течением Сырдарьи, на севере доходя до Ледовитого океана. Формальная граница между крыльями проходила по течению реки Урал.

Территории Волжской Булгарии и русских княжеств вошли, таким образом, в состав нового политического образования, номинально остававшегося частью единой Монгольской империи, вплоть до смут 60-х годов XIII в. Однако если болгары, оказавшие жестокое сопротивление монголам, после нескольких походов утратили свою государственность, став одним из рядовых территориальных подразделений, контролировавшихся непосредственно монгольскими военачальниками, — что, по-видимому, следует объяснять выгодным стратегическим положением Булгарии, — то русским княжествам, окруженным лесами, не вызывавшим интереса у кочевников, было позволено сохранить свой внутренний экономический уклад и политическую структуру. Изначально Бату, не имея времени для полного подчинения Булгарии, сохранил здесь власть местным правителям, некоторые из них в 1239 г. подняли восстание, для подавления которого был послан с войском Субэдэй, к началу 1240 г. завершивший свою миссию. Имена двух таких правителей, Байан и Джикю, упомянуты персидскими хронистами. Вследствие покорения монголами в ряде болгарских городов были снесены стены, и, что характерно, в последующие периоды города здесь, а также в Нижнем Поволжье, возводились уже без стен. Булгарские же отряды пополнили монгольскую армию для дальнейших походов. Ремесленники Булгарии сыграли очень важную роль в формировании облика материальной культуры Улуса Джучи, а болгарские торговцы — не менее важную роль в повышении экономического состояния региона.

Расцвет Золотой Орды. Уже с середины 1240-х гг. ряд русских князей добровольно приезжают в монгольскую ставку на Нижней Волге, где признают над собой власть правителя Орды. Иные же предпочитали искать помощи у правителей католического мира. Известно, что в 1246 г. к владими́ро-суздальскому князю Ярославу Всеволодовичу прибыло посольство от римского папы, а в это время на Лионском соборе присутствовало посольство другого князя, Михаила Черниговского, просившего у римского папы провозглашения Крестового похода против монголов, который, надо сказать, коснулся бы русских княжеств в гораздо большей степени. Позже этот князь был казнен монголами, лишенный даже права на почетную смерть.

Позиция католической Европы была ясна. Это показывает пример с посольством от *исмаилитов* к королю Англии, которое было направлено из Западного Ирана с просьбой помощи против монголов. Однако последовало такое заявление епископа Уинчестерского, высшего духовного сановника Англии: «Предоставим собакам этим грызться между собой и полностью уничтожить друг друга. Когда же мы пойдем на оставшихся [в живых] врагов Христовых, [то] уничтожим их и сметем с лица земли. Да подчинится весь мир единой католической церкви, и да будет един пастырь и едино стадо!»

Тем не менее князь Ярослав Всеволодович, видимо понимая всю ситуацию, одним из первых посетил Бату еще в 1243 г., и, заручившись его поддержкой, официально принял титул великого князя Владимирского. Вероятно, с его интригами связана и гибель Михаила Черниговского, который, будучи давним врагом монголов, к тому же достаточно высокомерно и вызывающе вел себя в ставке Бату. Ярославу же выпала честь представлять русских данников (среди прочих покорившихся Бату князей) Бату на великом *хурилтае* в далекой Монголии, где он, однако, умер. Существует версия об отравлении, но даже если и было так, в любом случае, сообщение первой Софийской летописи позволяет думать, что это случилось по доносу одного из его бояр. На этом *хурилтае* Гуюк, политический противник Бату, был

избран *великим хаганом*. Так начинался раскол между центром в Каракоруме и удельным владением — Улусом Джучи.

После смерти Ярослава владимирский престол по старой традиции был занят его братом Святославом. Однако последовало обращение к Бату двух сыновей Ярослава, Александра и Андрея. Каждый из них пытался убедить Бату в том, что именно он, сын Ярослава, наиболее достоин титула великого князя Владимирского, чем дядя. Это демонстрирует факт ломки старой системы наследования на Руси. Теперь право быть великим князем давалось не по праву первородства, а исходя из решения монгольского правителя. Северными землями русских княжеств ввиду их удаленности от ставки управлять было гораздо сложнее, нежели землями южных княжеств, где у власти стали верные Бату князья, которые могли контролироваться фактически напрямую. Вероятно, именно поэтому Бату назначал на территории северных княжеств фискальных наместников (монгольск. *даруга*, тюркск. *баскак*), которые не вмешивались в управление напрямую, но контролировали денежные отчисления в центральную казну.

Тем не менее и ряд других русских князей последовал примеру Ярослава. Князья охотно пользовались поддержкой монголов в борьбе со своими политическими конкурентами. Одним из таких князей был упомянутый выше Александр Ярославич, прозванный «Невским», которому удалось установить достаточно прочные отношения с Бату и за счет этого получить Киевское княжение, военную помощь в борьбе с крестоносцами или восставшими новгородцами, а также использовать военную силу монголов для противостояния с князьями-соперниками. Александр часто ездил в ставку к Бату и усердно осуществлял фискальные сборы для Орды в подвластных ему городах, в случае неповиновения приводя туда монгольские войска. В 1259 г. после жестокого подавления восстания в Новгороде против монгольских сборщиков выплаты, которой город прежде не платил, Александр добился права самостоятельного сбора податей, чем способствовал не только укреплению уверенности правителей Орды в его лояльности, но в первую очередь

в усилении собственного экономического и политического положения: используя монгольский военный ресурс, он имел возможность собирать с населения гораздо более, нежели требовалось в ордынскую казну, и остаток откладывать себе. Дело в том, что именно этим позже прославился московский князь Иван Данилович, прозванный «Калита», что в древнерусском языке означало «большую денежную сумку».

Вместе с тем, вероятно, князь Александр понимал также и невозможность самостоятельно противостоять другим князьям и крестоносцам в стремлении объединить под своей властью земли русских княжеств. По-видимому, это понимали и отдельные представители западно-христианского мира. Вот, что писал проезжавший через русские земли в 1253 г. французский монах Гильом Рубрук: «...братья Тевтонского ордена... разумеется... легко покорили бы Руссию, если бы принялись за это».

Дольше всех сопротивлялся новой централизующей власти правителей Орды галицко-волынский князь Даниил Романович, активно искавший поддержки в Риме. В 1245 г. он прибыл в ставку Бату и признал его власть. Он был щедро одарен и вернулся назад. Признание монголами подняло его авторитет среди европейских правителей. Позже, в 1254 г., он принял титул короля от папы римского.

Таким образом, правители русских княжеств признали подчинение правителям Орды, войдя, следовательно, в состав Улуса Джучи. Отношения между политическим центром и периферией строились на основе даннических отношений и централизации военной системы. Правители русских княжеств, сохраняя все традиции прежней властной системы, становились частью сложного политического аппарата Монгольской империи, встраиваясь также в общую многоуровневую военно-административную иерархию. Историками уже отмечался тот факт, что Золотая Орда (если говорить только о ней, а не обо всем Улусе Джучи в целом, поскольку Синяя Орда фактически представляла собой самостоятельное политическое образование) в своих территориальных очертаниях, геополитических интересах, по характеру населения

и облику социально-экономической системы во многом повторяла Хазарский каганат. Речь идет о самом механизме взаимодействия кочевого политического центра и оседло-земледельческой периферии и, соответственно, о симбиотическом характере связей двух типов обществ. Кочевые правители, не заинтересованные в полном занятии негодных для кочевания земель своих оседлых подданных, но руководствующиеся необходимостью сохранить их экономический потенциал (это касается прежде всего производства оседло-земледельческой и высококачественной ремесленной продукции) не разрушили механизмов функционирования тех или иных обществ, полностью позволяя им сохранить свое внутреннее устройство и существующие порядки. Территории этих обществ с соответствующими правами автономий, но обязанностью выплачивать налог в центральную казну (неверно трактуемый как «дань») и поставлять войско по призыву верховного правителя включались в состав нового политического образования. Правители, получавшие власть на основе обычаев и порядков, характерных для их культур, должны были прибыть в ставку верховного правителя и согласовать свою кандидатуру, получив *ярлык* (своеобразную санкцию), так же как должны были согласовывать кандидатуру своих преемников. Верховный правитель также выполнял судебные функции, председательствуя на разбирательствах, касавшихся разногласий между его подданными. Разумеется, что любые отказы выполнить ту или иную директиву из центра рассматривались как попытки неповиновения и выхода из состава государства, правительство которого неизбежно принимало меры по недопущению подобных явлений. Именно такими экспедициями были монгольские «рати», сообщениями о которых пестрят древнерусские летописи, часто сравнивая их по мощности разрушений с вторжением Бату (например, «Неврюева рать» 1252 г., «Дюденева рать» 1292–1293 гг.).

Монгольская власть способствовала стабилизации политической обстановки на огромном пространстве от Желтого моря на востоке до Балтийского моря на западе, а также

укреплению экономических связей между ними и развитию торговли в целом. Недаром один летописец говорит, что по территории империи любой путешественник мог проехать с золотым подносом на голове, не опасаясь быть ограбленным. Между различными регионами и народами происходил тесный обмен культурными ценностями и технологическими достижениями. Мусульманская культура, доминирующая в городах, закрепляется в эти годы не только на территории Восточной Европы, но даже проникает в Южную Сибирь, где мусульманские торговцы основывают свои колонии.

Улус Джучи (соответственно, и Золотая Орда) был одной из частей Монгольской империи, и его затронули все эти же процессы, имевшие свою специфику в том культурном контексте, в котором существовало это политическое образование. Следует отметить, что собственно политическая элита улуса, состоявшая из Чингисидов и представителей монгольских племен, была сравнительно немногочисленной. В тюркоязычной среде, прежде всего кыпчакской, монгольская знать начинает ассимилироваться и фактически уже через два поколения теряет свою монгольскую идентичность. Потомки монгольских родов начинают говорить по-тюркски, хотя монгольский язык продолжает использоваться в официальных ханских документах вплоть до XV в. Потомки пришедших в Волго-Уральский регион воинов Монгольской империи, представители как монголоязычных, так и тюркоязычных племенных группировок, постепенно принимают в качестве собственного наименования экзоэтноним *татар*. Именно под этим названием тюркоязычное население Улуса Джучи начинает быть известно как в восточных, так и в западных источниках. Это то, почему в дальнейшем мы считаем возможным употреблять в отношении населения Золотой Орды дефиницию «тюрко-татары» или просто «татары».

Определенные процессы происходят и на подвластных монголам территориях. Булгарские города Биляр и Сувар, имевшие прежде важнейшее значение, приходят в упадок, зато процветает расположенный у Волги Булгар. В последующий период

вдоль реки, в среднем и нижнем течении Волги, основывается еще ряд городов. Процветание волжского торгового пути способствует их обогащению. Население этих городов увеличивается за счет миграции мусульманского населения из различных регионов Улуса Джучи, прежде всего из Среднего Поволжья и с территории Хорезма. Мусульманским купцам принадлежит не только важнейшая роль в реализации торговых коммуникаций, но и в интенсификации культурного обмена.

О значительной роли мусульман в экономической и политической жизни Золотой Орды говорит принятие ислама братом Бату, Берке, еще до того как он стал правителем. Одним из известных и замечательных фактов его биографии является то, что, обеспечивая по указанию Бату организацию *хурилтая* в Монголии 1251 г., когда был возведен новый *великий хаган* Мункэ, Берке вынудил его поклясться на Коране, что тот будет покровительствовать мусульманам в Монгольской империи. Получив верховную власть в империи при поддержке Бату, Мункэ, чтобы ослабить другие претендовавшие на власть группировки Чингисидов, отдал под власть потомков Джучи часть территории Мавераннахра (междуречье Сырдарьи и Амударьи), населенного преимущественно мусульманами.

Имея удел на Кавказе, Берке вел самостоятельную переписку и обменивался дарами с правителями мусульманских государств, в том числе — с аббасидским халифом. Столь широкая активность брата, бравшего на себя функции, которые полагались правителю, вынудила Бату отозвать Берке с Кавказа на Нижнюю Волгу. История не сохранила подробностей, позволивших бы нам выявить особенности многих сторон внутренней жизни политической элиты Улуса Джучи, однако известно, что Берке имел конфликт со своим племянником по имени Сартах, сыном Бату, который, по некоторым сведениям, был несторианином. Правление Сартаха, утвержденного Мункэ, было недолгим — он умер уже на следующий год после Бату, в 1256 г., будучи отравлен. В следующем году умер его сын Улагчи, также утвержденный до этого Мункэ. Усилившийся Берке провозгласил себя

правителем Улуса сам, не дожидаясь утверждения от враждебного к нему Мункэ. При этом его поддержала знать и большинство населения Золотой Орды.

По некоторым данным, Берке был сыном Джучи от Хан-Султан, старшей дочери хорезмийского султана Мухаммада. С детства воспитанный в мусульманской традиции, Берке носил имя Джамаль ад-Дин Ибрахим и, вероятно, являлся мюридом шейха суфийского тариката кубравийа Сайф ад-Дина Бахарзи (1180/1181–1259/1260 или 1261). Вместе с тем в своей приверженности исламу сам Берке ограничивался лишь соблюдением некоторых обрядов и покровительством мусульманскому духовенству и купцам. По-видимому, суфийские формы ислама привлекали его, как и других выходцев из кочевой среды, не сущностью учений, а именно религиозными практиками, находившими параллели с элементами традиционных верований кочевников, в частности, культ святых, обладавших необычными способностями, сила которых сохранялась даже после их смерти, наполняя места их гробниц.

Впрочем, среднеазиатский автор сирийского происхождения Ибн Арабшах, живший в первой половине XV в., говорит, что в основе богословских и правовых толков ученых Золотой Орды при Берке лежал ханафитский мазхаб. В то же время Берке не предпринимал попыток распространения ислама среди всего населения государства и не требовал повсеместного исполнения мусульманской обрядности. Вместе с тем именно основы, заложенные школой ханафитского направления, продолжали развиваться здесь и в дальнейшем, большим авторитетом пользовался также шафиитский мазхаб.

Однако именно с деятельностью Берке связана полная замена административного аппарата с уйгуров и киданей, возможно, чжурчженей, на местных мусульман — болгар, хорезмийцев, жителей Нижнего Поволжья, а также приглашенных из других улусов и даже из далекого Египта.

После гибели великого хагана Мункэ во время похода в Южный Китай в 1259 г. уже в следующем году Монгольская

империя погрузилась в череду усобиц. Берке, самовольно пришедший к власти, предпринимает попытки по ее укреплению, хотя и не принимает ханского титула. Так, в 1262 г. он попустительствует изгнанию и частичной расправе в ходе восстания в русских княжествах над присланными из Монголии сборщиками выплат, которых между прочим возглавлял «бесерменин», то есть мусульманин.

Воле Берке приписывают резню несториан в подвластном тогда потомкам Джучи Самарканде — событие, о котором так или иначе сообщают несколько источников, но оно не может быть датировано точно, как и точно интерпретировано, по крайней мере, связано с инициативой правителя. Однако другие данные позволяют предполагать, что, напротив, соперниками Берке были истреблены его подданные, как, например, это случилось в Бухаре. Именно в начале 60-х годов XIII в. вновь усилившиеся потомки Чагатая, владевшие ранее этими землями, начали борьбу за возвращение отторгнутых прежде земель, сопровождая свои действия резней всех тех, кто был заподозрен в лояльности к соперничавшей группировке Чингисидов, т. е. потомкам Джучи.

Так или иначе, Берке сумел фактически превратить Улус Джучи в самостоятельное государство, характеризовавшееся лишь формальной зависимостью от правителей Каракорума. Берке активно переписывался с мусульманскими правителями Египта из династии мамлюков-бахритов, с которыми он выступил в союзе против завоевавшей Иран и Ирак монгольской армии брата великого хагана Мункэ, Хулагу, питавшего симпатии к христианам. Этот конфликт положил начало череде войн между потомками Джучи и Толуя за территории Южного Кавказа. Важную роль здесь продолжал играть Дербент. Город миновал монгольский поход 1222 г., однако посланный в 1239 г. против него корпус под командованием Чормагана, монгольского командующего в Западном Иране, все-таки захватил Дербент. После очередного передела земель в государстве Чингисидов Дербент входит в состав Улуса Джучи. Он становится

пограничной крепостью между Улусом Джучи и империей ильханов, монгольских правителей Азербайджана и Ирана.

Как известно, после взятия монголами под командованием Хулагу в 1258 г. Багдада, бывшего столицей халифата, возглавляемого династией Аббасидов, и казни халифа аль-Мустасима (1242–1258) некий аль-Мустансир, якобы дядя последнего, нашел пристанище в Египте, где в то время пришла к власти группа мамлюков — бывших невольников, составлявших отдельное закрытое служилое сословие, вербовавшееся из купленных на невольничьих рынках иноземцев. Было два подразделения: *бахриты* (от арабск. *аль-бахр* — «море»), — чей лагерь находился на острове в дельте Нила, — вербовавшиеся из преимущественно степных народов (кыпчаков, туркмен, мордвы и др.), и *бурджиты* (от французского заимствования *бурдж* — «замок», проникшего в арабский язык в значении «башня»), базировавшиеся в цитадели Каира и вербовавшиеся преимущественно из горских народов (черкесов, чеченцев, лезгин, а также курдов, армян и греков). Для мамлюкских султанов, только свергших слабых потомков блистательного Салах ад-Дина, неспособных противостоять угрозе западных крестоносцев, это было очень важное обстоятельство, и впоследствии они могли использовать его в своих интересах — в 1261 г. они, торжественно провозгласив беглого Аббасида халифом, не только легитимизировали свою власть, но и получили идеологическое основание для поддержки своих действий в противостоянии с другими мусульманскими правителями. Конечно, на самом деле новоиспеченный халиф, как и все получавшие этот пост в последующем (после стремительной гибели аль-Мустансира на это место нашелся считавшийся также дальним родственником убитого в 1258 г. аль-Мустасима аль-Хаким), были лишь марионеточными фигурами, имевшими лишь символическое значение — в сущности, тешившими самолюбие амбициозных мамлюкских султанов, в известной степени санкционируя их действия.

Так или иначе, мамлюкам удалось остановить натиск монголов. Смерть Мункэ в 1259 г., как когда-то смерть Угэдэя в 1241 г., вынудила монголов повернуть свои войска, чтобы принять

участие в выборах в Монголии, оставив на Ближнем Востоке небольшой отряд, составлявший по разным сведениям от 10 до 20 тыс. человек. Подкрепленный ополчениями армян и ближневосточных несториан он, тем не менее, был разбит 60-тысячной армией мамлюков при Айн-Джалуте в сентябре 1260 г. Вернувшийся вскоре Хулагу не смог переломить ход борьбы и потерпел еще несколько поражений, однако до конца своих дней не оставлял мысли о захвате Египта. Именно противостояние с амбициями Хулагу толкнуло Берке и султанов Египта на заключение союза, оформленного как вассалитет мамлюков по отношению к Улусу Джучи. Такого рода отношения позволили отдать приказ воинским контингентам джучидов, воюющих у Хулагу, перейти на сторону мамлюков, а также открыть военные действия в Азербайджане. При таком раскладе нарушителем закона Тэмучжина — Ясы — становился не Берке, а Хулагу. Берке даже выдал свою дочь замуж за султана Бейбарса (1260–1277). Любопытно, что одним из проявлений этих отношений стал тот факт, что на деньги, выделенные мамлюкским султаном Бейбарсом, в 1287–1288 гг. в крымском городе Солхат (совр. Старый Крым), была сооружена мечеть. Ныне она пребывает в руинах, но является старейшей мечетью на территории полуострова за исключением сведений о построенной сельджуками в Судаке. Главным источником монетного золота в Золотой Орде также был Египет, а точнее, те дары, которые регулярно привозились ко двору хана.

Союз Золотой Орды с Египтом просуществовал затем длительное время. Он иссяк после того, как потомки Хулагу, оставшиеся править в Восточном Иране и Южном Азербайджане под именем ильханов, в лице внука Хулагу, Газан-хана (1295–1304), приняли ислам и пошли на урегулирование отношений с Египтом.

Аналогичным образом вассалитет сельджукских султанов по отношению к Улусу Джучи (Гийас ад-Дина Кей-Хосрова II, а впоследствии и Изз ад-Дина Кей-Кавуса II) помог сохраниться этому государству. В 1265 г. Кылыч-Арслан IV обратился с просьбой освободить своего брата-соперника из византийского плена

не к своему новому сюзеру Хулагу, а к его сопернику Берке, что и было сделано.

Земли русских княжеств довольно быстро восстановились от недавних боевых действий. Многие пострадавшие в ходе монгольских походов города северных княжеств почти сразу были отстроены, в южных княжествах, входивших в сферу фактически прямого управления монголов, напротив, начинается упадок городов, поскольку они теряют стратегическое значение, больше не являясь городами пограничных областей. За счет включения княжеств в единое экономическое пространство происходит интенсификация внутренних коммуникаций, за счет чего возрастает роль незначительных прежде городов, в частности построенных прежде на Волге.

Большие изменения происходят и в обществе русских княжеств. Гибель многочисленной старой родовой знати в боях 1237–1241 гг. способствовала созданию условий для новой перестройки иерархии социальной структуры. В последующие периоды возвышаются выходцы из слоев, не связанных с княжеским родом или старым боярством и получавших свои привилегии за личные заслуги. Это те, кого позже будут называть служилой знатью, или дворянством. Именно при монгольских правителях происходит значительное усиление русской церкви. Характерно, что при Берке, правителе-мусульманине, в 1261 г. в Сарае было позволено учредить русскую православную епархию, подчиненную Киевской митрополии, но фактически заложившей основы для будущей автокефалии Русской православной церкви от Византии. Восточнохристианское духовенство в 1267 г. при преемнике Берке, внуке Бату, Менгу-Тимуре, вовсе было освобождено от каких-либо выплат. В 1270 г. Менгу-Тимур отправил отряд баскака для обороны Новгорода, что заставило шедших на город тевтонских рыцарей отступить, даже не приняв боя. Кроме того, он привлекал русских князей для походов на Кавказ (1277–1278), а также организовывал их оборонительные набеги на Литву (1274–1275). Любопытно, что в 1278 г. сарайский епископ Феогност даже возглавлял посольство от хана в Византию.

При этом хане Золотая Орда, видимо, получила фактическую официальную независимость от столицы, о чем говорит чеканка собственных монет с титулом *хан*, при этом древнерусские летописцы начинают именовать его «великий цесарь», что прежде было характерно в отношении византийских императоров.

В 1282 г. Менгу-Тимур умер при неудачной попытке вскрытия нарыва на горле, его сменил избранный *хурилтаем* младший брат Туда-Менгу (1282–1287), который, как и Берке, был мусульманином. Туда-Менгу активно переписывался с египетским мамлюкским султаном Калауном (1279–1290) и хотел также дружить с ильханом-мусульманином Тегудером (братом Хулагу, узурпировавшим власть в 1282–1284 гг. и принявшим ислам под именем Ахмед). Всеми исламскими авторами он, кроме того, восхваляется как благочестивый последователь предписаний Корана. При жизни же многие отмечали, что хан много времени проводил в обществе шейхов, дервишей, богомольцев, фактически и сам превратившись из правителя в суфийского дервиша. Туда-Менгу был примерным мусульманином, но слабым правителем и поэтому быстро потерял власть.

В дальнейшем, после двадцатилетних смут, во многом связанных с именем влиятельного полководца Нохоя (Ногая), погибшего в 1299 г., на ханском престоле укрепился хан Токта. Под влиянием усиления поддержки ханами владими́ро-суздальских князей в 1299 г. русский митрополит Максим перенес свою резиденцию из Киева во Владимир. В 1308 г. Токта выдал митрополиту Петру ярлык, подтверждающий дарованное при Менгу-Тимуре освобождение от налогов и различных сборов. При этом хане в русских княжествах среди потомков владимирских князей началась затянувшаяся на четверть века борьба между двумя сильными ветвями: князьями тверскими, потомками Ярослава Ярославича, брата Александра Невского, и князьями московскими, внуками Александра. На совете у хана в 1304 г. все присутствовавшие князья и митрополит Кирилл, единогласно провозгласившие великим князем владимирским Михаила Ярославича, князя тверского, поклялись в верности хану.

Погибший в 1312 г. Токта оставил крепкое и процветающее государство: с внутренними смутами было покончено, а внешние враги усмирены. Захвативший власть хан Узбек, сын Тогрула, сына Менгу-Тимура, как и отец, был мусульманином. Он с детства воспитывался в мусульманских традициях и имел поддержку среди мусульманского духовенства и купечества Орды. В зрелых годах он пользовался поддержкой наместника Хорезма Кутлуга Тимура, его родственника по материнской линии, а также *шейх-уль-ислама* Имад ад-Дина аль-Маскири. Перед вступлением на престол он обещал своим сторонникам сделать из Золотой Орды мусульманское государство.

С именем Узбека связано строительство большой мечети в честь Пророка в г. Солхате в Крыму. Сегодня, как уже говорилось выше, это город Старый Крым, а мечеть стоит там и по сей день. Однако датировка ее основания является предметом дискуссий в науке — это было сделано либо в самом начале правления Узбека, в 1314 г., либо когда он уже более уверенно ощущал себя у власти — в начале 20-х годов XIV в. Особо примечателен тот факт, что медресе, примыкающее к мечети, гораздо больше ее самой по площади. Именно это является важнейшей чертой механизма распространения ислама при Узбеке и его сыне Джанибеке — через просвещение тех групп населения, из которых рекрутировалась кавалерия — главная сила войска.

Достаточной силой для выполнения своего обещания Узбек стал обладать в 1320 г., когда он потребовал принятия ислама от всех представителей знати. В ответ, как передает летописец, они заявили о своей верности хану на основе законов и Ясы Чингисхана, отметив, однако, что он не властен распоряжаться, какую веру должен исповедовать каждый из них. После этого Узбек начал карательные акции: за короткий срок было убито около 120 Чингисидов и огромное число представителей других родов, а также множество последователей различных религий. Однако, по-видимому, Узбек руководствовался политическими, а не религиозными интересами, сводя счеты с соперниками. После их уничтожения он перестал преследовать «иноверцев»,

позволив им не только спокойно исповедовать свою религию, но и также занимать важные посты в военно-административном аппарате Орды, а, например, буддийские праздники и обряды известны в Орде даже в первой половине XV в. Тем не менее если в последующем Узбек отстаивал права своих подданных мусульман в конфликтах с представителями других религий, как, например, с христианами в Судаке в 1322 г., то также известно о выдаче в 1314 г. монахам-францисканцам ярлыка на основании в Сарае их представительства.

Посчитав задачу установления ислама в качестве государственной религии выполненной, Узбек принял тронное имя «султан Гийас ад-Дин Мухаммад Узбек-хан». Кроме того, он провел две реформы. Первая была связана с созданием соответствующего административно-судебного аппарата — в иерархии чинов появились мусульманские должности: муфтии, кадии и др. Появился специальный орган управления — *диван*. Монгольская знать начинает именоваться арабским термином *эмир*. Вторая реформа носила административно-территориальный характер. Хан попытался уничтожить улусную систему и лишить многих Чингисидов ряда привилегий, чтобы ослабить их как потенциальных соперников. Так, территория государства была поделена на 4 большие провинции-улуса и 70 тюменов, подведомственных соответствующим эмирам. Иначе говоря, улусы как административно-территориальные единицы могут быть сопоставлены с современными федеральными округами, а тюмены — с собственно субъектами Федерации или губерниями XVIII–XIX вв. Связующим звеном между ними и ханом были четыре улус-бека.

Все предприятия Узбека были направлены на централизацию государства и закрепление власти за представителями своего рода, о чем говорит и введение порядка передачи власти от отца к сыну.

Узбеку удалось заставить Синюю Орду войти под протекторат ханов Золотой Орды — местный хан был изгнан, а на его место был назначен наместник Узбека. Кроме того, Узбек начал

действия по преобразованию управления в подвластных землях русских княжеств. Выдав за одного из московских князей, Юрия Даниловича, свою сестру, в 1317 г. он впервые нарушил существовавший в русских княжествах порядок наследия и выдал ярлык на великое княжение ему. Сумев сблизиться с ханским двором, Юрий, а после гибели последнего его брат — Иван Калита, используя эти связи, при помощи интриг сумели настроить хана против своих соперников за великое княжение владимирское, князей Тверского дома и, фактически задействовав ресурс Орды, смогли вывести их из политической игры. Усиление позиций московских князей приводит к переносу в 1326 г. кафедры митрополита Петра из стольного Владимира в небольшую тогда Москву.

В отношении других князей Узбек также был довольно жестким — за годы его правления (1313–1341) в ханской ставке были казнены многие из них, заподозренные в невыполнении обязательств перед центром.

После смерти Узбека осенью 1341 г. последовал захват власти его средним сыном Джанибеком. Правление этого хана (1342–1357) связано с большим покровительством исламу. Хан развернул бурную строительную деятельность, возводя мечети, покровительствовал медресе, приветствовал в Сарае ученых-богословов. По свидетельству арабских авторов, сам он первым из ханов Орды начал носить мусульманское одеяние — чалму и *фараджийат*.

При Узбеке и Джанибеке мусульманская культура Поволжья переживает действительный расцвет. К этому времени относится деятельность литераторов и поэтов. На базе кыпчакских элементов формируется литературный язык Золотой Орды, на который активно переводятся с арабского и фарси сочинения авторов из Средней Азии и Южного Кавказа: например, перевод с фарси и обработка поэмы «Хосров ва Ширин» («Хосров и Ширин») азербайджанского поэта XIII в. Низами Гянджеви (ок. 1141 — ок. 1209), выполненные Кутбом (1383), или поэма «Джумджума Султан» («Царь-череп») Хусамы Кятиба (1369),

являющейся обработанной переделкой персидской поэмы XII в. «Джумджума намэ» («Книга черепа») Фарид ад-Дина Аттара. На этом поволжско-тюркском языке создаются произведения религиозного характера, как, например, «Кысас аль-анбийа» («Сказание о пророках») Рабгузи (1310). Создаются прекрасные памятники собственной литературы, отразившие не только преемственность традиций, пришедших из Средней Азии, но характеризующиеся отражением социально-философских, нравственно-этических и естественно-научных взглядов мусульманских интеллектуалов Поволжья. Таковы поэмы «Мухаббатнаме» («Книга любви») Хорезми (1353), «Нахдж аль-фарадис» («Открытый путь в райские сады») Махмуда Булгари (1358), «Гулистан бит-тюрки» («Гулистан по-тюркски») Сайфа Сарайи (1391) и др. Характерно, что во многом мысли авторов этих произведений обращены к идее познания мироздания человеком через самопознание, что напрямую отражает влияние идей тасаввуфа на общественно-религиозную мысль мусульманской интеллектуальной элиты Поволжья. Интересным выглядит смешение и фольклорных традиций в сочинении «Кисек баш китабы» («Книга об отсеченной голове»), прообразом одного из героев которого, Али-батыра (в татарской традиции — Гали-батыра), совершающего подвиги во славу ислама, выступает четвертый праведный халиф Али.

Как говорилось выше, самаркандско-сарайский историк Ибн Арабшах (1392–1450) говорит о господстве *ханафитской* и *шафиитской* традиций при ханах Узбеке и Джанибеке. В эпоху Золотой Орды традиции ханафитского мазхаба развивали выдающиеся *факихи* Саад ад-Дин Масуд б. Умар ат-Тафтазани (1322–1390) и Мухаммад Хафиз ад-Дин б. Мухаммад Шихаб ад-Дин б. Йусуф, известный как Ибн Баззас (ум. 1424). В городах Золотой Орды действовали медресе.

Суфийские братства (*тарикаты*) йасавийа и кубравийа приняли самое активное участие в распространении ислама в Улусе Джучи, или Золотой Орде, столичным регионом которой было Нижнее Поволжье. Насколько влиятельны были суфии

в государстве Джучидов с самого начала его существования, можно судить по многочисленным источникам. Так, ряд арабских и персидских авторов сообщают, что золотоордынский хан Берке принял ислам под руководством известного шейха тариката кубравийа Сайф ад-Дина аль-Бахарзи (ум. 1260/1261 г.) — ученика Наджм ад-Дина аль-Кубра (1145–1221) — основателя тариката кубравийа. Анонимное сочинение XV в. *Шаджарат аль-атрак* («Родословное древо тюрков») утверждает, что хан Узбек, при котором произошло принятие ислама в качестве государственной религии, также перешел в ислам под руководством шейха тариката йасавийа Сайид-ата, или Сейид-ата (ум. 1291/1292 или 1310/1311 г.), который был учеником йасавийского шейха Занги-ата (начало XII в. — 1258). Источники упоминают и других суфийских шейхов при дворе Узбека, в частности Нуман ад-Дина аль-Хорезми. Эти духовные авторитеты имели большое влияние на правителей Золотой Орды.

Уже в XIV в. значительное место в социальной структуре Золотой Орды начинают занимать представители двух новых категорий: *сеййиды* и *ходжи*. Сеййиды (от арабск. *саййид* — «вождь», «господин», «глава», синоним — *шариф* — «благородный», «знатный») считались потомками четвертого праведного халифа Али и дочери пророка Мухаммада, Фатимы. Как и во всем мусульманском мире, соответственно в созданных монголах государствах, где позже ислам стал официальной религией, т. е. и в Золотой Орде, сеййиды пользовались огромным почетом и уважением, они составляли особую социальную группу, обладавшую рядом привилегий. Часто отождествляясь в сознании мусульман со святыми (*аулийа*), они занимали почетные места на различных общественных мероприятиях, они могли открыто излагать свои мысли государям, в любой форме, не боясь никакого наказания, они не подлежали смертной казни. Будучи замкнутым сословием, сеййиды дорожили своей генеалогией и очень строго относились к бракам представителей своей группы, стремясь родниться с равными, хотя потомки сеййидов по мужской линии также относились к этой группе. Родниться

с сеййидами считали за честь даже потомки Чингисхана. *Ходжа* (букв. «хозяин», «господин») в Казахстане и Средней Азии было почетным прозвищем людей, считавшихся, по одной версии, потомками первых трех праведных халифов, по другой — потомками первых арабских воинов, пришедших на эти территории в VIII в. Ходжи также имели ряд привилегий и были освобождены от телесных наказаний. Позже, в ханствах, образовавшихся после распада Золотой Орды, сеййиды и ходжи заняли очень прочные позиции в структуре общества, соперничая за авторитет с самими Чингисидами. Из этих групп происходили многие ученые, служители религии, государственные чиновники.

В отношении подвластных земель Джанибек продолжал проводить политику централизации. Так, он разрешил русским князьям обращаться с тяжбами напрямую к себе, минуя великого князя, которых еще со времени Узбека часто было два (официально, хотя с этого времени многие князья стали добавлять к своему титулу приставку «великий», что в итоге девальвировало понятие *великий князь* в целом). Во внутреннюю жизнь различных религий этот хан вмешивался активно. Нуждаясь в средствах для многочисленных войн, в 1342 г. Джанибек первым и единственным из ханов лишил русское духовенство привилегий по освобождению от различных выплат. Мать Джанибека, ханша Тайдула, в 1347 г. дала грамоту сарайскому епископу Иоанну, согласно которой светским правителям запрещалось вмешиваться в церковные судебные дела.

Бытует также христианское предание о том, что митрополиту Алексию в 1357 г. удалось вылечить потерявшую зрение Тайдулу, а в знак признательности ей удалось убедить Джанибека не только выдать ему разрешение построить храм в Московском Кремле, где в 1365 г. был основан Чудов монастырь, но, кроме того, она способствовала в дальнейшем закреплению великокняжеского ярлыка за московскими князьями. Известно, что в свите митрополита были двое крещеных татар Илья и Сергей Озаковы, первый из которых выкупил у другого крещеного татарина, Чингисида Серкиза, основанное им с. Черкизово

и даже построил там церковь Ильи Пророка, не сохранившуюся до наших дней.

Так или иначе, со смертью хана Джанибека в 1357 г. завершается период блистательной истории Золотоордынского государства, которое вступает в череду смут. Вступивший на престол после убийства отца и братьев хан Бердибек восстановил все привилегии православной церкви, но чего-то значительно он сделать не успел. Он был убит в 1359 г., а с ним оборвалась непрерывная череда правления потомков Бату. На престол Золотой Орды начинают претендовать также и представители других ветвей Дома Джучи, в том числе ханы Синей Орды.

Период смут. Смуты в Золотой Орде совпали с усилением сравнительного молодого политического образования, начавшего подниматься в Прибалтике и Беларуси еще в середине XIII в. — Великого княжества Литовского, теперь под властью сильных правителей начавшего расширять свои владения на восток. Пока ордынские ханы были заняты улаживанием положения в северо-восточных русских княжествах, южные земли бывшей Древней Руси стали мишенью Литвы. Уже в 20-е годы XIV в. литовцы захватывают Киев и Волынь, а к началу 40-х годов XIV в. в их руках был Смоленск и все территории бывшего Галицко-Волынского княжества. Кроме того, неудачные войны, которые вели ханы Узбек и Джанибек — против Литвы и ильханов, — в значительной степени разорили казну. Огромный ущерб городской цивилизации Улуса Джучи, международной торговле и ремеслам нанесла также Великая чума 1348–1349 гг.

Очень важное значение в этот период имеет деятельность человека по имени Мамай, или Кичиг-Мухаммад. Этот не принадлежавший к Чингисидам военачальник был близок к правящему роду, являясь *кюрегеном*, то есть ханским зятем. Он был зятем хана Бердибека и в 1359 г. получил пост *беклери-бека* — управляющего администрацией, то есть второго человека в государстве, и, хотя последующим ханом он был отстранен, в дальнейшем, с 1362 г., он фактически сосредоточил в своих руках реальную власть в Орде при быстро сменяющихся ханах.

В то же время подняли головы подданные ханов — правители русских княжеств. Суздальские князья самовольно занимают великокняжеский престол. В этих условиях в 1363 г. Мамай пошел на союз с московскими князьями, выдав им ярлык от имени хана Абдаллаха (1367–1368, 1369–1370) и согласившись уменьшить размер взимаемых в пользу центральной казны выплат. Московским князьям удалось заставить суздальского князя отказаться от великого княжения, но позже Мамай, понимавший опасность усиления московских князей, поддержал претензии суздальской династии также на нижегородское княжение.

Не имея возможности на длительное время занять Сарай и посадить там поддерживаемого им кандидата на ханство, Мамай укреплял позиции в Крыму и Приазовье. Несмотря на несколько попыток овладения Сараем в 1369, 1371–1372, 1374 гг., Мамай в итоге все-таки сумел добиться стабилизации общей обстановки и в 1375 г. провозгласил ханом малолетнего Мухаммад-Булака, но уже тогда же тот был изгнан из Сарая ханом Синей Орды Мухаммадом Урус-ханом. Хотя Мамаю удалось вернуть Сарай, город вскоре был захвачен Каганбегом (1375–1377).

Несмотря на появление на востоке Урус-хана, усиление на западе литовцев, нанесших несколько поражений подчиненным Мамаю эмирам, уже в этот период Мамай был серьезно обеспокоен также и усилением московских князей. Наличие многочисленных претендентов на золотоордынский престол, именовавших себя ханами и требовавших выплат в центральную (т. е. свою) казну, дискредитировало ханскую власть в глазах населения и князей, которые постепенно начинают проявлять все больше самостоятельности в своих действиях: например, горожане могли просто не впустить ханских послов, а князь — просто не признать ярлык, выданный кому-то из его соперников одним из многочисленных ханов. Слабость центральной власти усиливала сепаратизм на местах. Так, несколько поражений, нанесенных Урус-ханом подвластным Мамаю эмирам, привели к 1374 г. к тому,

что и суздальско-нижегородские и московские князья отказались выплачивать налог поддерживаемому им хану.

В 1375 г. Мамай был вынужден отказаться от попыток овладения Сараем и сосредоточиться на сохранении имеющихся владений: в следующем году он совершил несколько походов на земли суздальско-нижегородских князей. Значительные сложности вызвало расширение влияния генуэзцев в Крыму, которые начали теснить собственно татарские владения. В ответ Мамай конфисковал часть их земель. В этот же период Мамай начал обносить свои располагавшиеся в Крыму города стенами, что вообще не было характерно для городов Золотой Орды.

Несмотря на воцарение в 1375 г. в Хаджи-тархане (Астрахань) эмира, лояльного хану-ставленнику Мамаю, в это же время московский князь Дмитрий Иванович побеждает поддерживаемого Мамаем тверского князя, которого вынуждает отказаться от ярлыка на великое княжение. Московские и суздальско-нижегородские князья напрямую признали власть сарайских ставленников Урус-хана, который, хотя и сам вернулся в Синюю Орду, тем не менее продолжал оказывать политическое влияние на территорию Восточной Европы. Так, по требованию поддерживаемого им сарайского хана Каганбега московские и суздальско-нижегородские князья совершили поход в Булгарию, заставив местного эмира признать власть сарайского хана.

Тем не менее самовольство русских князей при выполнении этой операции, когда они произвольно взяли у болгарского эмира большую контрибуцию в свою пользу, заставило Каганбега направить против них в 1377 г. войско под командованием своего двоюродного брата Арабшаха. Московские и суздальско-нижегородские войска укрепились на р. Пьяне, но поскольку Арабшах действовал достаточно медленно, московские полки решили покинуть своих союзников. Этим воспользовался энергичный Мамай, атаковавший позиции суздальско-нижегородских дружин, предавшихся за долгим ожиданием противника пьянству и гуляньям. За полным разгромом этих войск последовало взятие и сожжение Мамаем Нижнего Новгорода.

Выступивший затем Арабшах смог лишь нанести удары по окраинам Нижегородского и Рязанского княжеств. Однако попытка Мамаю совершить в следующем (1378) году показательный карательный рейд против рязанских князей, встретив сопротивление московских князей, в результате чего удачный в целом поход под предводительством мурзы Бегича закончился поражением от московских войск на р. Воже. В то же время более успешно действовал Арабшах, политический соперник Мамаю, занявший теперь, к тому же, сарайский престол (1377–1380). Его успешные походы привели под его подданство мордовских князей и заставили подчиняться суздальско-нижегородских.

Как потеря волжских владений, так и выход из-под власти московских князей значительно подрывали финансовые возможности Мамаю. Все попытки решить вопрос мирным путем оставались неудачными — несмотря на то, что Мамай также выдал русскому митрополиту от имени хана Мухаммада ярлык, подтверждающий привилегии, закрепленные при хане Бердибеке, требования Мамаю о выплате налога в прежнем размере, как это было при хане Джанибеке, оставались без ответа. Мамай приходил к мнению, что вопрос о военной операции остается единственно возможным выходом.

Большие трудности для него возникли и на восточном направлении. Его давний соперник Урус-хан умер в 1377 или 1378 г., после некоторой смуты в 1379 г. новым ханом Синей Орды становится Токтамыш. Это был талантливый и энергичный правитель, поддерживаемый, к тому же, эмиром Тимуром (1370–1405), фактически правителем улуса потомков Чагатая, второго сына Чингисхана, и создателем могущественной державы в Средней Азии. Не ожидая, таким образом, нападения с южного направления, постоянно отвлекавшего Урус-хана, Токтамыш мог сконцентрировать свое внимание на западном направлении. Он сразу же двинулся на Волгу, чтобы овладеть Сараем, что смогло бы легитимизировать его власть как верховного и единственного хана.

Мамай должен был спешить — внешняя ситуация создавала благоприятные возможности для похода, поскольку восточные соперники, сарайские ханы, были заняты войной с Токтамышем, а западные, коими были литовские князья, погрязли в очередной смуте, однако Мамай действовал крайне неудачно. Он не успел вовремя собрать свои войска, а кроме того, допустил, что русские князья узнали о готовящемся походе и также начали сбор войска, который проходил более интенсивно и организованно.

Вышло так, что Мамай сам узнал о выступлении объединенных под началом московского князя Дмитрия Ивановича войск против него, при этом они даже успели вторгнуться в его владения. Это был стратегический просчет — Мамай был вынужден принять бой в навязанных ему условиях с наспех набранной армией, состоящей из ополчений северокавказских князей, а также армянских и, по некоторым данным, генуэзских наемников. Собственно ордынские войска не были собраны и не успели прибыть в стан Мамаю, а наспех собранные наемники были разбиты на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. войском русских княжеств, выступивших под единым командованием. Не спешил к месту битвы и союзник Мамаю литовский князь Ягайло (1377–1392). Его своеобразный вклад в битву состоял лишь в том, что его войска атаковали шедший позади возвращавшегося с поля боя обоз с русскими ранеными.

Битва не имела большого значения в стратегическом плане, однако здесь погиб молодой хан Мухаммад-Булак, от имени которого Мамай управлял подвластными ему территориями. Теперь он потерял последнюю опору на политической арене. Однако это не сломило его, и он стал готовить новый поход на русские княжества, готовясь собрать теперь уже войско из профессионалов, а не наспех сколоченное воинство. Но он уже не имел на это времени.

В это время двигавшийся с востока Токтамыш без особого труда занял Сарай и направлялся к владениям Мамаю, чтобы покончить с последним оплотом раздробления Улуса Джучи. В состоявшейся в ноябре 1380 г. встрече войск на берегах

р. Калки значительная часть войск Мамаю отказалась сражаться против природного хана и прямо на поле боя принесла ему присягу в верности. Решив не проливать бессмысленную кровь, Мамай с верными ему людьми оставил поле предполагаемой битвы и отступил в Крым. Однако и там многие города не приняли его, поддержав законного хана, отправившего за Мамаем свои отряды. В конце 1380 или начале 1381 г. бывший беклярибек был настигнут погоней и убит. Токтамыш приказал похоронить его с почестями.

Токтамыш происходил из одной из младших ветвей потомков Джучи, точнее, его сына — Туга-Тимура. Представителям этих родов удалось в 1361 г. восстановить ханскую власть в Синей Орде, при Узбеке и Джанибеке управлявшейся наместниками Золотой (Белой) Орды. Из этих же родов происходил и могущественный Урус-хан, против которого в свое время выступил Токтамыш, заручившись поддержкой эмира Тимура. Несмотря на ряд перипетий и нелегких поворотов судьбы, именно Токтамышу в итоге удалось покончить со смутой в Улусе Джучи, хотя и на время.

Токтамыш вел грамотную политику, уважительно обращаясь с полководцами и племенными вождями, а также вернув привилегии генуэзцам в Крыму, что способствовало развитию торговых отношений. Хан направил ко всем подвластным правителю Улуса Джучи владетелям послания с напоминанием о своих обязанностях. Однако, в отличие от, например, рязанских и нижегородских князей, московский князь, очевидно, почувствовал себя достаточно сильным и уклонился от выполнения подданических обязательств — он, хотя и поздравил Токтамыша с воцарением, однако выплат, прекращенных в 1374 г., не возобновил. В 1380 г., после победы Токтамыша над Мамаем, московский князь Дмитрий Иванович с почестями принял ханское посольство, однако не изъявил желания предстать перед новым ханом для получения ярлыка. В 1382 г. хан направил против Москвы войско, при этом князь Дмитрий Иванович под предлогом сбора войск удалился в свои северные владения, а город 26 августа

1382 г. был взят и сожжен. При этом включенная в состав летописей «Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву» сообщает, что защитники столицы, воспользовавшись отсутствием в городе князя и знатных людей, вскрыли их винные погреба и перепились, похваляясь перед ордынцами удалью, а когда все закончилось, сами открыли ворота, надеясь на помилование.

Так или иначе, в результате порядок в государстве был восстановлен, а непокорный князь Дмитрий вновь стал выплачивать налог и прислал в качестве гарантии своей верности ко двору Токтамыша своего сына Василия. Токтамыш сохранил великокняжеский титул за Дмитрием, а после его смерти в 1389 г. ханский посол возвел в это положение и Василия Дмитриевича. Вместе с тем ряд успешных военных предприятий в первой половине 80-х годов XIV в. отвлек хана от внутренней жизни государства, в ставке которого опять начались брожения. Недовольных Токтамышем поддерживал эмир Тимур, теперь уже опасавшийся усиления своего бывшего союзника.

Вторая половина 80-х годов XIV в. прошла в борьбе хана с этим могущественным властителем из Средней Азии. Это была череда военных столкновений на территории Южного Кавказа или Средней Азии, но в конце 1390 г. Тимур, собрав все силы, вторгся в пределы Синей Орды. После очередного поражения в 1391 г. положение Токтамыша ухудшилось: он утратил значительную часть восточных владений, где теперь начали появляться различные претенденты на ханское звание, также поддерживаемые Тимуром. Однако, отчасти разгромив, отчасти замилив различных недовольных, Токтамыш все-таки сумел сохранить единство государства. Характерно, что в 1392/1393 гг. он отправил послание литовскому князю Ягайло, бывшему теперь также и польским королем, с требованием выплачивать налог за владение захваченными литовцами еще при Узбеке бывшими ордынскими территориями. Ягайло принял это требование и, таким образом, выплаты ханам Золотой Орды и ее крымским приемникам со стороны польских королей продолжались вплоть до середины XVII в.

После этого Токтамыш начал собирать коалицию против эмира Тимура, пытаясь объединить султанов мамлюкского Египта, султанов османской Турции и даже грузинских царей. В 1394 г. Тимур предпринял ответные меры и разорил Грузию, а в 1395–1396 гг. он совершил второй крупный поход на Улус Джучи, на этот раз через территории Южного Кавказа. Разгромив армию Токтамыша на Тереке, войска Тимура совершили рейд по крупным городам Поволжья и разорили Крым. Это нанесло смертельный удар по мусульманской городской цивилизации Золотой Орды, когда ханы потеряли источники финансовых ресурсов, а в ходе начавшихся впоследствии распрей воины-кочевники начали грабить оседлое население. Кроме того, что Токтамыш был полностью разгромлен, а войска Тимура захватили множество пленных и огромную добычу, важным политическим результатом похода стало то, что в Сарае Тимур провозгласил нового хана — Кююрчака, а московские князья вновь осмелились выступить против законной власти.

В Сарае вновь начался период смены ханов, а Токтамыш вынужден был собирать силы, скрываясь то в Крыму, то в Литве⁶. Сарайский трон занял хан Тимур-Кутлуг (1395–1399), поддерживаемый старым соратником Тимура, эмиром Идигу (Эдигеем). В августе 1399 г. на р. Ворскле они разбили объединенные войска Токтамыша и литовского князя Витовта. Ордынские войска победным маршем прошли по отторгнутым когда-то Литвой землям.

Дальнейшие попытки найти сторонников и вернуть сарайский трон Токтамыш продолжил уже на территории Синей Орды, где в землях Тюменского юрта создал небольшое политическое объединение, ставшее основой для возникновения здесь позже Сибирского ханства. Слабость ханской власти в Сарае, тем не менее, компенсировалась осторожными действиями

---

⁶ Кстати, вместе с Токтамышем в литовские владения ушли многие его подданные — их потомки сегодня известны как польско-литовские татары.

опытного бекляри-бека Идигу. Период 1400–1407 гг. прошел в военных столкновениях, не приносивших успеха ни одной из сторон. Попытке Токтамыша заключить союз с Тимуром против рассорившегося с ними Идигу помешала лишь смерть среднеазиатского властителя в 1405 г. Токтамыш погиб в одном из боев с войсками Идигу, окончательно теперь сосредоточившего в своих руках рычаги власти в государстве.

В 1408 г. последний наконец приступает к борьбе с московскими князьями, вновь отказавшимися производить выплаты в государственную казну, являться в ханскую ставку, но также еще приютившими у себя бежавших сыновей Токтамыша. Разорив ряд городов, Идигу не сумел воплотить план по захвату Москвы, брошенной на тот момент князем Василием I Дмитриевичем, решившим укрыться в Костроме. Идигу вынужден был вернуться в Сарай, где в его отсутствие началась очередная смута. Дальнейшие годы оказались неудачными для Идигу. Он был вынужден бежать из Сарая, много скитаться. В это же время, в начале 10-х годов XV в. литовские князья начинают вмешиваться во внутреннюю политику Улуса Джучи, своих претендентов на престол начинают поддерживать и Москва. Все претенденты, вопреки выдвигаемым Идигу, были потомками Токтамыша. Сам Идигу погиб в одном из боев в 1419 г., тем не менее его авторитет был настолько высок, что его потомки часто занимали пост бекляри-бека в последующем, а возглавляемое им объединение мангытских родов положило начало Ногайской Орде.

В 1419 г. владельцем Сарая удается провозгласить себя пришедшему из Крыма Улуг-Мухаммаду (1419–1436), но фактически под его юрисдикцией оставались только западные территории: земли к востоку от Урала достались в управление тюменскому владельцу — потомку пятого сына Чингисхана, Шибана, Хаджи-Мухаммад-хану (1420–1423 или 1427), поддержанному, согласно завещанию Идигу, мангытскими эмирами. С этим политическим образованием связано начало истории так называемого «государства кочевых узбеков».

Распад Золотой Орды. После сложных событий 20-х годов XV в. хану Улуг-Мухаммаду на время удается стабилизировать ситуацию в Золотой Орде. Поскольку мусульманские государства в лице османов и египетских мамлюков достаточно холодно реагировали на его попытки возобновить дипломатические отношения, хан вступил в контакты с их противниками — прежде всего германским императором, а также князем литовским и магистром Ливонского ордена. В конце 20-х — начале 30-х годов XV в. московские князья вновь начали смотреть на власть в Сарае как на законную.

Однако фактически теперь западные владения Улуса Джучи окончательно впадают в новую смуту и происходит раскол Золотой Орды: к середине 30-х годов XV в. существовало три хана. Ситуация была настолько неясной, что в 1434 г. московский князь Василий II Васильевич, чтобы не оказаться в неудобной ситуации, выплатил налог всем трем ханам.

Так или иначе, власть Улуг-Мухаммада пошатнулась, и после нескольких поражений в 1437 г. он был вынужден даже просить московского князя предоставить ему возможность пребывать в его владениях. Речь идет о событиях в г. Белёв, который находился на территории политического влияния Литвы, но стремился перейти под московское подданство. Тот факт, что в город начали стягиваться верные хану люди, обеспокоили московского князя Василия II, который потребовал хана покинуть город. В ответ на отказ было послано войско. Хан, понимая, что не имеет сил для противостояния, впервые обратился к московскому князю как зависимый, но самоуверенность московских полководцев сделала битву неизбежной. В результате 5 декабря 1437 г. многократно превосходящие московские рати были разбиты и рассеяны. Это несколько укрепило позиции Улуг-Мухаммада, к которому вновь вернулись многие бывшие подданные.

С 1438 г. Улуг-Мухаммад базируется в Казани. На протяжении конца 30-х — первой половины 40-х годов XV в. хан организует ряд действий, направленных на ослабление Московского княжества, привлекая и военные силы, и дипломатию.

В 1444 г. после смерти нижегородского князя Даниила Борисовича хан занял Нижний Новгород и начал продвижение на запад. Последующий год прошел в боевых действиях без явного преимущества какой-либо из сторон, но 7 июля 1445 г. под Суздаlem московские войска были разбиты, а сам их великий князь Василий, будучи раненным, попал в плен. За него был назначен огромный выкуп, а также он обязался вновь восстановить выплаты хану.

В 1445/1446 г. Улуг-Мухаммад умер. Между его сыновьями началась борьба за власть, верх в которой одержал Махмуд, убивший брата Йусуфа, но двое других братьев, Касим и Йакуб, сумели спастись, скрываясь сначала у черкесов, а затем в московских владениях. Они осели на удельных землях, выделенных им еще по договору великого князя Василия II с их отцом-ханом, заключенному во время пленения московского князя. Так началась история Касимовского ханства. Династия Улуг-Мухаммада в Касимове пресеклась в 1483 г., после чего здесь правили представители других родов, происходящих от Джучи. Отдельная история связана с казанским владением, чей наместник Али-Бей не признал Улуг-Мухаммада, но в 1438 г. тот казнил его, сделав город столицей собственных владений. Так было основано Казанское ханство. Потомки Улуг-Мухаммада правили Казанью вплоть до пресечения рода в 1518 г., после чего здесь закрепились их родственники — представители крымского рода Гераев, а также других ветвей дома Джучи. Многие же потомки Улуг-Мухаммада сделали себе карьеру при московском дворе, правда уже принимая крещение. Одновременно смуты сделали возможным обособление Крыма, где в 1445 г. Хаджи Герай был провозглашен ханом.

Тем не менее обосновавшиеся в Крыму, Казани, Московских землях потомки Джучи ограничивались тем, что стремились сохранить свои владения, однако сарайские ханы продолжали попытки возродить единство государства. Подвластное им политическое объединение традиционно именуется в историографии Большой Ордой, или Тахт Иле. Энергичный Ахмадхан (1460–1481) в начале 70-х годов XV в. объединил в своих

руках поволжские земли, однако был вынужден проводить много времени в борьбе с владельцами Средней Азии. Это значительно отвлекало его от подавления сепаратизма в русских княжествах и других владениях. Тем не менее он пользовался большим авторитетом у западных соседей. В частности, очень стремился создать с Ахмадом коалицию польский король, чтобы направить совместные силы против московских князей. Это подтолкнуло последних на заключение в 1474 г. союза с Крымским ханством, не только выделившимся из состава Орды, но и претендовавшим на все без исключения джучидское наследие.

Следует сказать о попытках заключения венецианцами союза с Ахмадом против османов в 1471–1477 гг. Несмотря на единство религии, Ахмад был обеспокоен усилением южного соседа и его завоеваниями, прежде всего уничтожением в 1475 г. генуэзских колоний и появлением османских войск в Крыму. Воспользовавшись смутой в Крымском ханстве, Ахмад сумел утвердить там в конце 1476 г. своего ставленника в лице племянника Джанибека, сына Махмуд-хана. Однако в то время как Ахмад готовился испортить отношения с османами, поставленный им хан начал сблизаться с московскими князьями. Но уже весной 1477 г. он был заменен восстановленным на престоле Нур-Даулатом, поддерживаемым в этот раз самим Ахмадом, но и он недолго держался у власти, в 1478 г. был свергнут братом Менгли Гераем, после чего бежал в Москву. Менгли Герай же вовсе признал себя подданным османского султана. Потерпев неудачу на этом направлении, Ахмад вновь обратил внимание на усиливавшееся Московское княжество.

Прерванный поход хана в 1472 г., ввиду нападения на его земли войск узбекских ханов, был сочтен московским великим князем Иваном III Васильевичем как повод прекратить выплаты налогов в ханскую казну. Если в последующие периоды этот князь еще как-то сохранял формальное подданство, то в 1480 г. он вновь решительно отказался от выплат, фактически продемонстрировав свое стремление выйти из-под ханской власти, в то время и без того остававшейся номинальной по сути.

Договорившись с польским королем о совместном выступлении, хан Ахмад вышел в июне 1480 г. к р. Угре (совр. Калужская область). Прибывшие московские войска сумели отбить несколько попыток форсировать реку. Ханские войска оставались здесь до ноября, изредка предпринимая попытки перейти на другой берег. Расчет на помощь польского короля оказался тщетным — занятый противостоянием с Крымом и борьбой с собственным вассалами, владельцами верховских княжеств, он не нашел возможности для выступления против Москвы.

11 ноября 1480 г. Ахмад снялся со своего стана и отправился разорять эти самые верховские княжества. Помогал ли он несостоявшемуся союзнику, или мстил за невыполнение обещаний, грабя подвластные ему земли, — не ясно, но, так или иначе, союз Золотой Орды с Польшей был фактически разорван. Вернувшийся же без добычи из похода Ахмад был вынужден распустить войска по их улусам, оставшись с незначительными силами. Этим воспользовались ногайские бии. В 1481 г. в результате нападения на его ставку Ахмад погиб. Со смертью этого хана окончательно были похоронены надежды на восстановление единства государства Золотая Орда.

Параллельно с этим произошло еще одно очень важное событие. В конце XV — начале XVI в. узбекские ханы Шибаниды (Шейбаниды в арабизированном варианте) в ходе долгой продолжительной борьбы завоевали Мавераннахр с Хорезмом, а также часть Хорасана (совр. Северо-Восточный Иран, Туркменистан, часть Афганистана), изгнав оттуда Тимуридов (которые, с точки зрения Ясы, являлись узурпаторами, не имели законной власти, кроме того, у Джучидов были свои мотивы для мести этой династии, например, походы Тимура против Золотой Орды). Произошла замена значительной части тимуридских элит на выходцев из Улуса Шибана (от башкирского Зауралья до Западной Сибири включительно), а также присоединившихся к ним выходцев из Поволжья, главным образом Нижнего. О наличии среди разнообразных групп переселенцев в Мавераннахр выходцев из Нижнего Поволжья писал еще в начале XX в.

татарский историк Хасан-Гата Габаши (1863–1936), причем он усматривал в этом одну из причин депопуляции Нижнего Поволжья в начале XVI в., продолжавшейся и в его середине, и сделавшей возможным завоевание региона Иваном Грозным (см. след. главу). По некоторым данным, речь может идти примерно о миллионе выходцев из Урало-Сибирского региона и Поволжья, исходя из цифр в 250 тысяч войска. Практически эти переселенцы полностью вытеснили тимуридские элиты и заняли их место. Все последующие династии в регионе — бухарские Шейбаниды, Джаниды-Аштарханиды, Мангыты, их хивинские и кокандские ветви, — все были потомками выходцев из Золотой Орды. Отсюда и столь пристальное внимание со стороны татарских историков (Ш. Марджани) к этому региону, и нередко стремительное возвышение выходцев из Урало-Поволжья и Сибири при дворах этих правителей, и почтение к бухарскому образованию и *фетвам* среди татар. Шейбаниды перенесли столицу Мавераннахра в Бухару, создав из нее *Бухоро-и шариф*. В то же время выдвинутыми из Мавераннахра Тимуридами была создана блистательная и во многом непревзойденная империя Великих Моголов (1526–1857) в Южной Азии (территория современной Индии, кроме крайнего юга, Пакистана, Бангладеш, частично Афганистана). Объединив враждующие тюркские и пуштунские эмираты, владения местных раджей, они создали не только мощное государство, но и неподражаемую синкретическую культуру.

Усиление Московского княжества на фоне постоянной вражды между собой уделов, образовавшихся из провозглашенных владений потомков рода Джучи, стало ярким явлением, отразившимся хотя бы в том, что многие последующие ханы общались с московскими князьями не как с подданными, а как с равными правителями, в том числе заключая с ними союзы. К тому же со времен великого князя Ивана III Васильевича (где-то с 70-х годов XV в.), противника хана Ахмада, московские князья начинают именовать себя «царями» — титулом, применявшимся раньше к византийским императорам или монгольским ханам. Во время состоявшегося в 1501–1502 гг. похода

хана Шейх-Ахмада (сына Ахмада) на Крым, во время которого он затронул и номинально союзную Литву, московский князь Иван Васильевич направил к нему письмо с предложением всевозможных выплат в обмен на обещание не нападать на Московские земли. Однако эти события, конечно, не могут рассматриваться как возобновление прежних государственных традиций. Ослабленное непогодой и голодом войско Шейх-Ахмада было рассеяно крымским ханом Менгли Гераем, который продолжил свой поход, разорив собственные владения Шейх-Ахмада. Большая Орда перестала существовать.

С этого времени крымские ханы начали именовать себя правителями Улуг Улуса, то есть Золотой Орды, заявляя о своей преемственности. Что касается Шейх-Ахмада, то, потеряв власть, он был вынужден бежать сначала во владения османского султана, затем — литовского князя, при дворе которого содержался в качестве знатного пленника вплоть до 1527 г. Позже он был провозглашен правителем Астраханского ханства, отделившегося как раз от его владений в 1502/1503 гг. Потомком этого хана был также и последний правитель Астраханского ханства, павшего в 1556 г.

Золотоордынский период в истории России, таким образом, имеет особое значение. Как и Хазарский каганат, Золотая Орда может быть отнесена к тому типу созданных кочевниками государств, когда не только какие-то внешние оседло-земледельческие территории входят в сферу влияния кочевнической элиты, но также и на территории, где располагается местопребывания собственно правителя, происходят седентаризационные процессы и кочевническая элита сама постепенно интегрируется в культуру оседло-земледельческих народов. При этом представители других культур получают широкую автономию и имеют благоприятные условия для дальнейшего развития своего хозяйственного уклада и форм социальной организации. Такое государство создает единое политическое пространство для тесного взаимодействия и взаимного обогащения представителей различных культур и народов. Именно так и случилось в истории

России. Золотая Орда должна рассматриваться как неотъемлемая часть российской государственности. Именно с нее ведет отсчет существование поликультурного и полирелигиозного государства на территории будущей Российской Федерации. Именно в этот период были заложены все те принципы взаимодействия, которые в той или иной форме развивались в различных входивших в состав Золотой Орды регионах в последующем.

Вопросы по пройденному материалу:

1. Расскажите о возникновении политического образования, известного под названием Золотая Орда. Когда она стала самостоятельным государством?

2. Назовите имена представителей монгольской политической элиты — мусульман. Кратко расскажите о них.

3. Расскажите о внешней политике Берке. С какими мусульманскими государствами имела контакт Золотая Орда?

4. С именем какого правителя связано официальное принятие ислама в Золотой Орде?

5. Расскажите о мусульманской культуре Золотой Орды в XIII–XV вв.

6. Какие изменения в общественном укладе населения территорий, вошедших в состав Золотой Орды, произошли в течение XIV–XV вв.?

7. Расскажите о религиозной политике правителей Золотой Орды, ориентируясь на отдельные исторические факты.

8. Дайте оценку политической деятельности Мамая.

9. Какие факторы стали ключевыми в процессе распада Золотой Орды?

10. Какие мусульманские государства образовались в результате распада Золотой Орды?

ГЛАВА IV. ИСЛАМ И МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО В XVI–XVII ВВ.

Распад Улуса Джучи, завершившийся к середине XV в., оставил на политической арене Восточной Европы несколько самостоятельных политических образований. Это были прежде всего мусульманские тюрко-татарские государства, вступившие в противостояние друг с другом ввиду собственных политических и экономических интересов, но ни одно из них уже не претендовало на возрождение мощи Золотой Орды. Постепенно набиравшее мощь Московское княжество, включавшее в свой состав земли соседних княжеств, приобрело статус фактически самостоятельного государства. Московские князья заимствуют опыт организации административного управления у своих прежних повелителей — ханов Золотой Орды, как заимствуют и многие достижения в военном деле — от типов вооружения и снаряжения до тактики. Ко двору московских правителей, равно как и к ханам образовавшихся тюрко-татарских владений, переходили выходцы из соседних уделов, вынужденные покинуть их территории в связи с какими-либо политическими потрясениями. Приходившие к московским правителям представители авторитетных тюрко-татарских родов, поступая к ним на службу, получали в управление значительные земельные наделы, где строились мечети и селилось мусульманское население, были, однако, отдельные случаи перехода *служилых людей* — татар в христианство. В последующем эта тенденция стала набирать все бóльший оборот. С XV в. московские летописи фиксируют огромное число татарских «царевичей», принимавших крещение и несших службу у московских князей. При этом их положение было очень высоким. Например, царевич Худай-Кул (в крещении — Петр), сын Казанского хана Ибрагима (1467–1479),

в 1521 г. даже был назначен временно управлять Москвой, пока великий князь Василий III Иванович находился в походе против Пскова.

Значительное число тюрко-татарских поселенцев еще со времен Золотой Орды получало дворы на территории Московского княжества, мусульманское население селилось как в Подворьях в пределах самой Москвы, так и образовывало поселения в округе города, и позже с его разрастанием они вошли в ее состав. Хотя упоминание в источниках первой московской мечети датируется 1672 г. и относится к так называемой Татарской слободе (ныне здесь располагается Московская Историческая мечеть), существуют данные о наличии мечети на территории Ханского двора в Московском Кремле уже в первой половине XIV в.

Созданное уже в середине XV в. так называемое Касимовское ханство, быстро попавшее в зависимость от Москвы, играло роль своеобразной буферной зоны между территорией Московского государства и владениями казанских и крымских ханов. Казанское ханство значительно ослабло уже в последней четверти XV в.: в 1487 г. ханский престол в Казани занял Мухаммад-Амин, ориентировавшийся и во многом зависимый от усилившегося московского великого князя Ивана III. Последний, и прежде sporadически неофициально именовавший себя «царем», чтобы подчеркнуть свое могущество перед Казанью, прибавил к своему титулу формулировку «болгарский», т. е. «булгарский», а казанского хана в переписке называл «братом». Касимовское ханство стало важным источником военной силы для московских князей: служилые татары, фактически военная аристократия своего народа, вплоть до середины XVII в. пополняли войска московских правителей, составляя одни из наиболее боеспособных военных подразделений. Опасаясь их мощи, царское правительство начало постепенно лишать татарских мурз привилегий и вытеснять их из поместий, отдавая земли русским чиновникам.

Казанское ханство, располагавшееся на территории бывшей Волжской Булгарии, также состояло из различного в культурном и языковом отношении населения — большую часть,

тем не менее, составляли представители татарской общности, но на окраинных территориях жили также ряд тюркоязычных (башкиры, чувашаи) и финно-угорских народов (мордва, мари, удмурты), составляя значительную долю в населении государства.

В Казанском ханстве ислам глубоко проник в культуру простого татарского населения. Число мулл было значительным, и они занимали почетное положение в социальной структуре общества. Глава мусульманской общины, именовавшийся *сеййид*, избирался из числа *сеййидов* в привычном значении этого слова — потомков пророка Мухаммада. Кроме *сеййидов*, в Казанском ханстве были и другие представители мусульманского духовенства: *имамы* (лица, руководящие богослужением в мечетях), *шейхи* (проповедники), *дервиши* (аскеты), *хаджи* (люди, совершившие *хадж* — паломничество в Мекку), *хафизы* (лица, знающие наизусть Коран) и др. Очень высока была роль этих просвещенных людей в развитии образования населения. В самой Казани было значительное число медресе и библиотек. Наиболее известное сооружение — комплекс, включавший мечеть и при нем медресе, связываемый с именем Кул-Шарифа (ум. 1552), *сеййида*, главы религиозной общины Казанского ханства.

Известны некоторые деятели мусульманской культуры Казанского ханства — ученые, поэты. В этих рядах может быть упомянут Мухаммад-Амин (1468–1518), несколько раз занимавший казанский престол в период смут. Он написал книгу «Могжиза намэ» («Книга чудес»), где в прозаической и стихотворной форме представлены его рассуждения об обществе и политике, дидактические поучения этического характера переплетаются в повествовании с сюжетами из жизни Пророка. К этому же времени относится жизнь и деятельность суфийского поэта Умми-Камала (ум. в 1475), порицающего людей за беспокорство об уладах земной жизни. Вершиной поэтического творчества может считаться творчество Мухамедьяра (1497–1547), написавшего поэмы «Тухфай-мардан» («Дар мужей», 1539) и «Нур ас-судур» («Свет сердец», 1542). В своих произведениях

он также касается социально-этических вопросов, рассуждает о высоких идеалах и благочестии. В произведениях обоих авторов не просто присутствует несомненное влияние среднеазиатской суфийской традиции, но и ощущаются параллели с творчеством Кул Али.

Население Казанского ханства имело полиэтнический и полирелигиозный характер. Несмотря на то, что большую часть составляли именно мусульмане, представители других сообществ не притеснялись. В частности, об этом свидетельствует наличие христианского — армянского храма в Казани и сохранение языческих верований у чувашского населения, преимущественно христианизированного только к XIX в. Язычники же марийцы уже после захвата Казанского ханства на протяжении 30 лет продолжали воевать за восстановление его государственности (Черемисские войны, продолжавшиеся до 1584 г., см. ниже).

С последних десятилетий XV в. ханство погрузилось в интриги и смуты, отражавшиеся в быстрой смене правителей, при этом в ситуацию постоянно вмешивались московские правители, после 1480 г. они почувствовали свою силу и теперь по своему усмотрению поддерживали того или иного претендента на престол. С 1487 г. ханство находилось под протекторатом, то есть Москва контролировала назначение ханов и внешнюю политику. Только в 1521 г. родственник крымского хана Сахиб Герай с войсками занял Казань и восстановил независимость ханства. Он проводил активную внешнюю политику, направленную на противостояние Москве. Сахиб Герай стремился к союзу с Крымским ханством и его сюзереном Османской империей. Хан совершил несколько походов в западном направлении, сумев захватить Нижний Новгород и Коломну, а также осадить Москву. Все это привело к возобновлению налоговых выплат со стороны Москвы Крымскому ханству, хотя, конечно, о реальной власти ханов над Москвой речи идти в то время не могло. В 1524 г. Сахиб Герай перебрался в Крым, где в 1532 г. стал ханом, оставив в Казани своего малолетнего племянника, после чего ханство вновь погрузилось в смуты. В период несколько раз

прерывавшегося правления последнего, Сафа Герая (1524–1549), войны с Москвой продолжались. 40-е годы XVI в. знаменательны нестабильной обстановкой и в Крымском ханстве, которое не имело возможности проявлять активность во внешней политике. Эти обстоятельства создали удобную ситуацию для усилившихся соседей.

Провозглашение московским великим князем Иваном IV Васильевичем себя царем, что было юридически закреплено венчанием на царство в 1547 г., подводит черту под золотоордынским периодом истории России. Этот правитель фактически сразу обращает внимание на восточное направление. Противостояние предполагаемому союзу мусульманских тюркских государств во главе с Османской империей в составе Казанского, Астраханского и Крымского ханств было важнейшим аргументом, оправдывающим завоевание Поволжья. После двух безуспешных попыток подойти к Казани в 1548 и 1550 гг. захват московскими войсками Казанского в 1552 г. и последовавший затем захват Астраханского ханства (1556 г.) имели не только стратегическое значение, но также и идеологическое: овладение древним ханским *йуртом*, священной территорией политического центра на Нижней Волге должно было легитимировать власть московского правителя на территории постордынского пространства. Фактически Московское государство таким образом стало сначала равным политическим субъектом, который открыто заявил претензии на статус суверенного государства, равного другим европейским монархиям. По одной из версий, именно после завоевания Казани и Астрахани Иван IV получил прозвище «Грозный» — в значении не «жестокий» или «ужасный», а «могучий».

Вместе с тем, несмотря на заимствование Московским царством ряда социально-политических институтов и политических традиций Золотой Орды, московские великие князья, ставшие затем царями, выработали политическую идеологию, отличную в своей основе от линии, проводимой ханской администрацией. Они сделали ставку на традицию ортодоксального

(православного) христианства, в чем немалую роль сыграл факт женитьбы Ивана III в 1472 г. на Зое (Софье) Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XI, погибшего в 1453 г. при обороне Константинополя от османов. Идея христианского царства, восходящего корнями к Риму, преемниками императоров которого якобы являлись московские князья, была гораздо ближе русской культуре, нежели традиции восточных культур. Речь идет о сформулированной в начале XVI в. концепции верховной власти «Москва — третий Рим». Ставка на эту идеологию очень пагубно отразилась в дальнейшем на национальной политике правительства, волей или неволей возвышавшегося над поликультурным государством.

Победа над ослабленными внутренними раздорами государствами, оставшимися после распада Улуса Джучи, привела к насильственной христианизации населения занимаемых ими территорий. Глубокий след оставило в истории народов Поволжья завоевание Казанского ханства. Речь идет не только о тяжелых последствиях жестокого захвата города, который был почти полностью разрушен, а население перебито или угнано в неволю. Народная память сохранила имена отстаивавшей интересы своего государства ханши Сююмбике и возглавлявшего героическую оборону Казани *сеййида* Кул-Шарифа, погибшего в бою. Несколько лет после этого (вплоть до 1556 г.) бушевала партизанская война, которую вели народы Поволжья против завоевателей.

Царь Иван IV не считался ни с интересами старой местной знати, ни с интересами мусульманского духовенства — происходила конфискация земель и разрушение мечетей, прежде всего в городах и в долине Волги; соглашавшихся принять новое подданство представителей тюрко-татарской аристократии московский царь склонял к крещению и зачастую переселял на новые земли, поселяя среди русских, на отнятые же у тюрко-татарской элиты земли он сажал бояр и воевод, передавал их монастырям.

Не отрицая всех этих моментов, нельзя в то же время и абсолютизировать какие-то действия Ивана Грозного, перенося

вопрос борьбы с Казанским ханством на весь масштаб его религиозной политики. В случае с Поволжьем он скорее всего рассматривал регион как потенциально опасный с точки зрения возможности реинкарнации политических сил, способных воссоздать поверженную им государственность. Вероятно, именно этим могут быть объяснены его жестокие действия — стремлением подавить очаги потенциального сопротивления, упрочив свою власть. Однако жестокость породила лишь неприязнь местного населения, вылившись в многочисленные восстания в последующем. Но по сути эти события имели стихийный характер. В целом же Иван Грозный не может рассматриваться как противник ислама. В частности, мы знаем о существовании мусульманского Касимовского ханства внутри Московского царства, известен случай, когда, принимая в подданство башкир, московский государь дал им обещание «никогда не силовать в другую религию», то есть не навязывать им отречение от ислама.

Соответственно часть татарской военной элиты бывшего Казанского ханства вне городов сумела войти в элиту Московской Руси, пополнив сословие служилых татар. Следует отметить, что политика Ивана IV в отношении собственно московских служилых людей — мусульман (касимовских, романовских, каринских, темниковских, юртовских, пронских, михайловских, цненских, бордаковских, калужских, боровских, малоярославецких, арзамасских, алатырских, каширских и т. д.) была гораздо более лояльной. Этот факт послужил тому, что преимущественно из этих групп позже сформировалось татарское дворянство в Российской империи.

Захват Астрахани, завершивший включение под контроль московского правительства всей Волги, создал ряд проблем для мусульман Средней Азии, поскольку теперь были перекрыты северные (севернее Каспийского моря) пути для паломников и торговцев, связывавшие Среднюю Азию с Крымом и Османскими владениями. Для решения этих проблем (и, конечно, собственных стратегических задач) османский султан Селим II

(1566–1574) даже подготовил военный поход в 1569 г., закончившийся, однако, неудачно (см. ниже).

В 1571–1574 гг. в Поволжье полыхало новое восстание, участники которого тщетно рассчитывали на помощь крымского хана. Следует также упомянуть и о последовавшем в 1582–1584 гг. восстании татар и мари (черемис). Это так называемая Третья черемисская война, в которой местные народы выступили против злоупотреблений местной царской администрации. Это восстание было наиболее масштабным, но оно также было подавлено с огромной жестокостью. Стремясь закрепить на этих землях, московский царь бросил значительные силы на то, чтобы увеличить здесь численность христианского населения, для чего предпринимались различные меры: от принуждения к принятию крещения до истребления несогласного населения и заселения их земель русскими. Многие представители местных народов были вынуждены уходить в недостижимую глушь (чуваши, мари, казанские татары) или эмигрировать в более восточные, недостижимые для московских царей, районы (казанские татары, мари, удмурты). Подобные миграции хотя и носили спорадический характер, но продолжительность периода, в течение которого они имели место (вплоть до XVIII в., когда произошла их повторная активизация), свидетельствует о продолжении нажима со стороны московского правительства.

Курс к ужесточению политики был взят уже при более слабом преемнике Ивана IV — царе Федоре Ивановиче (1584–1598), оставшемся в истории под прозвищем «Блаженный». Реальная власть при нем находилась в руках его шурина Бориса Годунова. Казанский митрополит Гермоген писал царю письма, в которых выражал обеспокоенность тем, что татары восстанавливали мечети в Казани. 18 июля 1593 г. появилась «Царская грамота в Казань, о построении слободы с церковью и переводе туда из уезда новокрещенов, поколебавшихся от соседства с иноверцами в православной вере, о разрушении татарских мечетей, с запрещением впредь строить оные...». Несмотря на локальный характер этого распоряжения, это был один из поворотных

моментов во взаимоотношениях центральной власти с мусульманским населением регионов.

Взятие под свой контроль волжской торговой магистрали способствовало усилению Московского государства на политической арене. Однако завоевание самих земель, таким образом, имело и другие последствия: на территории, занятые прежде народами различных культур, в том числе мусульманскими, с запада устремился поток переселенцев: из дворян, получавших здесь поместья, а также монахов, беглых крестьян и различных авантюристов. Уже не контролируемая государством, волна насильственной христианизации захлестнула территории Поволжья, Приуралья и Западной Сибири. Колонисты основывали на этих землях свои опорные пункты, вынуждая местное население покидать свои территории или обращаться в христианство, превращая его в объект эксплуатации.

Свои особенности имело подчинение Московскому царству Сибирского ханства, начавшееся в 1581 г. Несмотря на то, что это завоевание изначально происходило в процессе экспедиции разнородного отряда казаков, состоявшего из людей различного происхождения и культурной принадлежности, возглавляемого человеком по прозвищу Ермак (возможно, выходцем из ногаев), все они были христианского вероисповедания и потому фактически сразу отдали результат своих завоеваний московскому правителю. Именно после их экспедиции, закончившейся разгромом отряда в 1585 г., правительство начало само контролировать отправку вооруженных миссий в сибирском направлении. Вооруженные отряды, продвигаясь по рекам вглубь региона, основывали крепости в стратегически важных местах. Уже в 1587 г. близ развалин Искера, бывшей столицы Сибирского ханства, был основан Тобольск. Подобные пункты служили одновременно и укрытиями для казачьих отрядов, и складами оружия, и местами, где скапливалось награбленное имущество, и тюрьмами для аманатов (заложников) из местного населения. В дальнейшем они стали опорными точками для продвижения дальше на восток.

Ногайская Орда, начинавшая выделяться в самостоятельное политическое образование уже при Идигу, окончательно оформилась в монолитную группировку лишь к 80-м годам XV в. К середине XVI в. ногаи фактически контролировали сухопутные торговые пути между Средней Азией и Восточной Европой. Но находясь между различными сильными политическими центрами, такими как Крым и Москва, они склонились в итоге на сторону последней именно вследствие угрозы того, что по причине захвата контроля над Волгой им могут быть отрезаны пути кочевков. Из трех орд, то есть племенных объединений так называемые Большие Ногаи, кочевавшие в Нижнем Поволжье, признали формальную зависимость от московского царя, Малые Ногаи, сохранявшие свои земли на Северном Кавказе, тяготели к Крымскому ханству, часть ногаев осталась за Волгой, и их судьба тесно связана с историей казахов и каракалпаков. Чуть позже, в начале XVII в., Большие Ногаи подверглись нашествию калмыков, появившихся с востока, остатки орды откочевали на Северный Кавказ и в Крым.

Наиболее мощным и влиятельным из так называемых постордынских государств оставалось Крымское ханство. Имея достаточно выгодное стратегическое положение, Крымское государство было хорошо защищено от северных соседей и имело хорошие возможности для подъема экономики на основе интенсификации торговли. Тем не менее нестабильность политической обстановки привела крымских ханов к признанию политической зависимости от османских султанов. Как уже упоминалось выше (см. предыдущую главу), в 1475 г. по договоренности с крымскими ханами последним удалось очистить полуостров от генуэзского политического влияния. При этом сами потомки генуэзцев оставались жить в Крыму до 1944 г. (крымские итальянцы). Единство языка, культуры, религии теперь увенчало наличие единого правителя — *султана*, который, к тому же, вскоре после событий начала XVI в., связанных с завоеванием в 1517 г. территорий Мамлюкского султаната, а именно — Египта, где в Каире проживали марионеточные

халифы, претендовавшие на преемственность от Аббасидов, сам стал чтиться как *халиф*, благодаря созданной легенде о передаче потомками Аббасидов своих полномочий Османам. Так или иначе, если рассматривать Крымское ханство как преемника Золотой Орды, как, собственно, себя его правители и видели, то можно сказать, что Золотая Орда во всех ее реинкарнациях была самым долговечным мусульманским государством на территории современной Российской Федерации. Если же учесть тот факт, что джучидские династии правили Кокандским ханством до 1876 г., а Хивинским ханством — до 1920 г., то это продлевает сроки жизни этих государственных традиций еще почти на полтора века.

Ханы являлись потомками рода Джучи, но при этом ряд привилегий, по древней кочевой традиции, сохраняли представители других крупных родо-племенных подразделений: Аргын, Барын, Кыпчак, Мангыт, Селджеут, Ширин, Яшлау. Они имели крупные земельные владения, в рамках которых обладали значительной автономией.

Вместе с тем Османы в значительной степени вмешивались в местные дела. Прежде всего они захватили бывшие генуэзские и греческие города на побережье Крыма и Северо-Западного Кавказа. Захваченная в 1479 г. крепость Анапа стала не только форпостом Османов в регионе, но и важным центром распространения ислама. Особенно тесными были контакты с ногайцами, которые были мусульманами, и черкесами (адыгами), по большей части бывшими к тому времени христианами (как православными, так и католиками, что связано с влиянием венецианских и генуэзских торговцев), но в ходе взаимодействия с мусульманскими культурами крымских татар и Османов постепенно принимавших ислам. Вплоть до последней четверти XVIII в., когда и Крым, и Северо-Западный Кавказ были захвачены Российской империей, османское культурное влияние было здесь очень значительным.

Несмотря на формальную зависимость от османских султанов (имя османского султана упоминалось в *хутбе*), признав

которую, крымские ханы обеспечили себе неприкосновенность южных рубежей и обрели гаранта безопасности, они проводили вполне самостоятельную политику, нацеленную на укрепление позиций государства, в первое время не теряя надежды на восстановление былого территориального и политического единства Золотой Орды. Так, к примеру, когда в 1569 г. османский султан отправил войско для завоевания Астрахани, а затем и Казани, крымский хан Даулат Герай (1551–1577), выступивший в качестве союзника и проводника, тем не менее, предпринял определенные усилия, чтобы османская армия была истощена запутанными дорогами и деморализована различными слухами. Османы отказались от экспедиции, а крымский хан требовал передачи ему Казани и Астрахани у московского правителя. Однако его амбиции ограничивались проявлениями в дипломатической переписке, реальных попыток завладеть этими землями он предпринять не мог ввиду ряда обстоятельств.

Крымские ханы имели возможность совершать периодические набеги на подконтрольные Московскому царству земли. Они не были завоевательными по своей природе, имея среди целей скорее захват невольников для дальнейшей продажи и налаживание внешнеэксплуататорских механизмов. В отдельные периоды крымским ханам удавалось добиться от московских правителей возобновления выплат, которые делались в прежние времена в ставку в Сарае. Прекращение этих выплат последовало только в 1700 г. В течение всего XVI в., за исключением периодов внутренних смут, крымским ханам удавалось совершать успешные походы против Московии. Так, в 1571 г. во время очередной войны крымский хан Даулат Герай совершил удачный рейд в центр Московского царства и частично сжег его столицу. Этот факт имел, однако, лишь идеологическое значение и подвиг затем московских царей к принятию мер по укреплению южных рубежей. Уже в следующем году крымское войско было разбито. Так или иначе, вплоть до усиления Российского государства во второй половине XVIII в. Крымское ханство оставалось его грозным соперником.

Тюрко-татарская знать достаточно легко интегрировалась в социальную структуру Московского царства. Принадлежность к Чингисидской династии или к какому-либо другому знатному роду давало тюрко-татарским аристократам множество привилегий при московском дворе наравне с христианами, возводившими свое происхождение к варяжскому князю Рюрику или литовскому князю Гедимину. Одни гордились своим происхождением, другие — родством с ними по браку. Тем не менее представители тюрко-татарской знати никогда не составляли отдельного социального слоя как отдельной силы, будучи инкорпорированы в общую московскую аристократию. Однако их реальное политическое значение даже в совокупности стало нивелироваться уже после того, как восточные рубежи, связанные с существованием остатков Золотой Орды, потеряли значение. Даже Касимовское ханство утратило свои стратегические функции. Появление при московском дворе ряда крещеных татар после событий второй половины XVI в. отодвигало на второй план оставшихся мусульманами. Безусловно, крещеные татары сохраняли свою этническую идентичность и отличительные культурные черты — достаточно вновь упомянуть о том, что именно они в большинстве своем составляли отряды иррегулярной легкой конницы в московской армии. Именно в связи с этим, кстати, появился такой род войск, — легкая кавалерия с длинными пиками, — именуемая словом *улан* (от татарск. «парень», «мóлодец»).

Едва ли есть смысл вспоминать о таком очевидном и известном факте, как интеграция выходцев из знатных родов татар в московскую аристократию, с последующим растворением в русской культуре. Существуют десятки фамилий, к которым принадлежат известные российские политические и культурные деятели, чье происхождение восходит к тюрко-татарской аристократии, обосновавшейся в Московском государстве. Достаточно привести следующий список фамилий, восходящих (или, по крайней мере, возводимых) к тюрко-татарским корням: Аксаков, Алябьев, Апраксин, Аракчеев, Ахматов, Бабичев, Балашов,

Баранов, Басманов, Батулин, Бекетов, Бердяев, Бибииков, Бильбасов, Бичурин, Боборыкин, Булгаков, Бунин, Бурцев, Бутурлин, Бухарин, Гоголь, Годунов, Горчаков, Епанчин, Измайлов, Кантемиров, Карамазов, Карамзин, Киреевский, Корсаков, Кочубей, Кропоткин, Куракин, Курбатов, Милюков, Мичурин, Рахманинов, Салтыков, Строганов, Таганцев, Талызин, Танеев, Татищев, Тимашев, Тимирязев, Третьяков, Тургенев, Турчанинов, Тютчев, Уваров, Урусов, Ушаков, Ханьков, Чаадаев, Шаховской, Шереметев, Шишков, Юсупов.

В пользу того факта, что чингисидское происхождение в Московском царстве имело значительный вес, свидетельствует уже то обстоятельство, что в 1574 г. Иван IV Грозный объявил «великим князем всея Руси» бывшего касимовского хана Саин-Булата (в крещении — Симеона Бекбулатовича), уступив ему трон. Сам же Иван IV, именуя себя «государем князем московским», в роли подданного подавал ему челобитные. Разумеется, функции Саин-Булата в качестве правителя были лишь формальными, а вся полнота политической власти оставалась у Ивана IV, однако значение здесь имел сам ритуал, связанный с публичной демонстрацией верховной власти потомка Чингисхана. Саин-Булат, таким образом, выполнял функции своеобразного «сакрального царя».

Саин-Булат был позже ослеплен царем Борисом Годуновым, поскольку тот реально опасался его претензий на власть. При этом сам Борис выводил себя из знатного татарского рода. Хотя эти сведения о его происхождении не подтверждаются современными историками, любопытен сам факт значения в то время «татарской» родословной.

При царе Федоре Ивановиче в 1590 г. был основан Сунженский острог на Кавказе, но позже, в 1605 г., он был оставлен войсками. Однако это, безусловно, говорит о начале тенденции к распространению влияния в регионе московских царей. Восстановленный в 1635 г. уже при Романовых, он снова был оставлен, а последняя попытка отстроить укрепление в 1651 г., привела к вторжению персидских отрядов, и в 1653 г. острог был

сожжен. На этом планы московских правителей проникновения на Кавказ были отложены на длительное время.

К этой же эпохе, началу XVII в., восходит, по-видимому, традиция именования московских правителей символической формулировкой «белый царь», в частности, прежде всего, насколько известно, она использовалась ногаями, а затем, что немаловажно, — османами, найдя отражение у ряда тюркских и монгольских народов. Очевидно, это связано с характерным для традиционной культуры тюрко-монгольских народов восприятием белого цвета как обозначения западной стороны света, также с семантикой чистоты и переносным значением святости, совпав в этом отношении с традиционным для русской культуры цветовым эпитетом.

Начавшаяся в начале XVII в. в Московском государстве Смута — политический кризис, наступивший после прекращения московской династии Рюриковичей и фактически вылившийся в войну «всех против всех», — затормозила на время все политические и идеологические процессы. Военные события захлестнули людей различной культурной принадлежности, вероисповедания и социального статуса. С появлением общего противника в лице Речи Посполитой: как русские и казаки, то есть христиане, так и тюрко-татары, мусульмане или новокрещенцы, наравне принимали участие в вооруженной борьбе, отстаивая интересы той или иной категории населения общей страны. В целом татары выступали на стороне существовавшего режима, сражаясь с польскими и шведскими войсками. Но даже те представители мусульманских народов, которые выступили в поддержку альтернативных центров власти, как, собственно, и любая этническая или социальная группа в типичной гражданской войне, отстаивали прежде всего собственные интересы. Мало кто знает, например, что Петр Урусов, убивший в 1610 г. Лжедмитрия II, был ногайским мурзой и носил имя Урак. Самозваного же царя он убил, мстя за несправедливо казненного своего друга — касимовского хана Ураз-Мухаммада. При этом когда-то крестившись, мурза Урак Урусов к моменту убийства Лжедмитрия II в ислам уже вернулся.

В то время как внутренняя жизнь общества центральных территорий формирующегося нового многонационального государства переживала своеобразную перестройку, погрузившись в хаос, лишь на время остановились экспедиции, предпринимаемые в Сибирь, организуемые центральной властью, которой теперь фактически не было. Тюрко-татарская элита, прежде всего представители религиозных и торговых кругов, продемонстрировавшие лояльность властям в ходе Смуты, продолжали служить в качестве связующих элементов между колонизаторами и населением Сибири, выступая как посредники и переводчики. Кроме того, они служили переводчиками при сношениях с государствами Ближнего Востока и Средней Азии. Татарский язык был вплоть до XVIII в. языком дипломатического общения России с Ираном. Он изучался также чиновниками, происходившими из русской среды.

Но уже первые цари из династии Романовых, Михаил Федорович (1628 г.) и Алексей Михайлович (1649 г.) начали предпринимать значительные шаги по ослаблению мусульманского дворянства: признавая за служилыми людьми из мусульман право владения землями, они, тем не менее, запретили им иметь православных крепостных, при этом Алексей Михайлович способствовал введению жестких наказаний мусульман за обращение в ислам христиан (смертная казнь через сожжение). Альтернативными вариантами было либо принятие крещения, позволявшее пользоваться всеми дворянскими привилегиями, либо переход в купеческое сословие.

Одновременно характерные для политики правительства в этот период меры по усилению центральной власти и ослаблению позиций наследственных землевладельцев, заменявшихся зависимым от центра служилым дворянством, а затем и усиленным купечеством, приводили к тому, что основным оплотом сосредоточения власти, альтернативной центральной царской власти, могла стать только христианская Церковь, имевшая значительные земельные владения и огромную власть над умами людей. После столкновения патриарха Никона с царем Алексеем Михайловичем, закончившегося победой последнего, Церковь

начинает утрачивать свой политический вес. Для мусульман, чьи позиции в новом, строящемся государстве, не были достаточно крепки, значительным выходом для инкорпорирования в социальную структуру в этих условиях была попытка усиления позиций собственного духовенства. Мусульманские духовные лица имели возможности сохранить среди населения мусульманскую образованность и приверженность родной культуре. Этому способствовал также и тот факт, что тюрко-татары теперь уже фактически не имели сильной светской элиты. Тюрко-татарская служилая аристократия в основном, принимая христианство, растворяется в новом обществе вместе с тем социальным слоем, к которому она принадлежала. Модернизаторские реформы, начавшиеся уже во второй половине XVII в., создают предпосылки для возникновения нового типа социальной структуры.

Наверное, в силу ряда перечисленных причин не кажется странным факт поддержки многочисленными группами народов Поволжья антицарского восстания под предводительством казака Степана Разина в 1667–1671 гг. Агрессивная политика российских царей в отношении мусульманского населения Урало-Поволжья способствовала росту среди него недовольства властями, недоверия к ним. Утрата религии рассматривалась как утрата идентичности, что, конечно, не могло не способствовать стремлению поиска выхода из этой ситуации. Поэтому мусульманская община закрывалась от взаимодействия с властями, поскольку, лишенная политической элиты, не имела сил вести равноправный диалог, а при каждом удобном случае готова были поддержать любые антиправительственные выступления. Это была объективно оправданная реакция на ту недальновидную религиозную политику руководства страны, которая длительное время, вплоть до конца XVIII в., имела практику в отношении собственного же населения.

Территориальная экспансия Российского государства на восток и начавшиеся военные реформы девальвировали значение Касимовского ханства, которое в 1681 г. было ликвидировано. Экспансия в южном направлении столкнулась с интересами Крымского ханства и Османской империи. В 1676 г. начались

боевые действия, закончившиеся поражением России и подписанием в 1681 г. Бахчисарайского мирного договора, согласно которому Россия должна была выплачивать дань Крымскому ханству, а политическое объединение украинских казаков — Запорожская Сечь — получало независимость от Москвы. В дальнейшем попытки воевать с Крымским ханством предпринимал Петр I, но два похода 1687 и 1689 гг. завершились неудачей. Более удачными были действия молодого царя против Османской империи, воевавшей в это время против всей Европы, на азовском фронте. В результате походов 1695–1696 гг. Азов был взят и передан Российскому царству по перемирию, однако после поражения Петра I в 1711 г. в Прутском походе, едва не закончившегося пленением царя, город был возвращен Османской империи.

В XVIII в. для российской центральной власти и мусульман начинается новый этап взаимодействия.

Вопросы по пройденному материалу:

- 1. Расскажите о мусульманской культуре Казанского ханства?*
- 2. В чем состоит историческое значение Крымского ханства?*
- 3. Кто такие служилые татары?*
- 4. Охарактеризуйте политику московского правительства по отношению к мусульманам в период XVI–XVII вв.*
- 5. Приведите примеры симбиоза мусульманского и христианского населения в истории Московского государства XVI–XVII вв.*
- 6. Каково значение золотоордынского периода в истории России? Приведите примеры влияния Золотой Орды на те или иные сферы жизни общества Московского государства.*
- 7. Когда произошло принятие титула царя великими князьями московскими? В чем состоит историческое значение этого события?*

8. Охарактеризуйте деятельность Ивана Грозного в контексте истории ислама в России. Можно ли назвать его действия в отношении мусульман противоречивыми?

9. Почему, по Вашему мнению, для московских князей было важно завоевание Казанского и Астраханского ханств? Были ли эти события исторической закономерностью или явились следствием совокупности случайных факторов?

10. Как изменилось положение мусульман в Московском царстве с воцарением династии Романовых?

ГЛАВА V. ИСЛАМ В ИМПЕРИИ В XVIII В.: ПОИСК ДИАЛОГА

Процесс централизации власти в России, теперь уже полиэтничном и поликультурном государстве, начавшийся с первой четверти XVII в., отражался в неизбежных преобразованиях в различных сферах жизни общества, направленных на создание единообразной системы их регулирования. Унификация предполагала наличие исходного образца, которым при господстве слоя, принадлежащего к русскоязычной среде и православной культуре, становились именно его ориентиры. Это отразилось на национальной и религиозной политике правительства. При оценке действий правительства следует учитывать тот факт, что, несмотря на заимствование механизмов управления, некоторых политических институтов и атрибутики Золотой Орды, оно следовало традициям управления, сформировавшимся прежде всего в рамках политических традиций Московского царства, правители которого ориентировались на византийскую идеологию. Поскольку этническая идентификация в те времена не имела большого значения для функционирования общества, а определяющая роль была за религиозной идентификацией, при том, что, в сущности, этническая принадлежность зачастую совмещалась с религиозной, на «христианоцентристское» мировосприятие накладывался и этноцентристский аспект. Таким образом, система восприятия окружающего мира в рамках естественного противопоставления «мы — они» и, соответственно, «свой — чужой» в действительности отражалась через противопоставление «православный — неправославный». Понятно, что формирование новой системы мышления — это длительный и сложный процесс, проходящий условные этапы, границы которых отражены в каких-то значительных событиях, повлиявших

на общественную жизнь. Сложности межкультурных взаимодействий, даже если представители этих культур имели определенный опыт соседства или более тесного сосуществования, становятся очевидны при появлении тех типов межкультурных контактов, которые не имели места в истории представителей этих культур раньше. Появление новых задач требует выработки методов их достижения, но появление самих этих методов в столкновении с неизвестным ранее сопровождается неизбежными промахами и ошибками. Часто действие, проявленное во вне выходцами из одной культурной среды, не находит понимания в иной культурной среде, для которой оно становится вызовом, порождающим соответствующий ответ, хотя для той стороны это была попытка нащупать необходимый контакт. Только через определенный срок обмена такими односторонними действиями достигается какой-то результат — состояние равновесия между двумя взаимодействующими сторонами.

Именно это следует иметь в виду, подходя к новому этапу истории ислама в России, начинавшемуся с XVIII в. Это была эпоха, когда российское правительство искало возможные подходы к управлению входящим в его подданство мусульманским населением, а мусульмане, в свою очередь, искали в этих условиях способы адаптироваться к создаваемой российскими властями государственной системе.

Значительные изменения в жизни российских мусульман начались уже при Петре I. Этот правитель наиболее последовательно проводил преобразования, направленные на модернизацию страны и абсолютизацию верховной власти, в 1721 г. даже провозгласив себя императором. В этом же контексте проводилась тенденция по унификации системы местного управления. Еще в 1708 г. Петром I была проведена губернская реформа, по которой территория государства была разделена на административные единицы, не учитывавшие культурных особенностей населения. Особое значение в контексте истории ислама в России имеет тот факт, что Петр I стремился также поставить под контроль государства и религиозную жизнь общества: так,

после смерти православного патриарха царь запретил русским церковникам избирать нового, а в 1721 г. организовал специальное ведомство — Святейший синод — во главе со светским чиновником, подчинявшимся непосредственно царю. Эта же политика продолжалась его преемниками, о чем будет сказано ниже.

Важно учитывать тот факт, что в XVIII в. Россия выходит на ступень взаимодействия с мусульманами на международном уровне. Уже Петр I предпринимает попытки воевать с Османской империей и Ираном.

В ходе так называемого Персидского похода 1722–1723 гг. российские войска взяли под контроль западное побережье Каспийского моря, включая северные провинции Персидского государства (Дербент, часть Азербайджана, Гилян). Успехи Петра I на кавказском направлении были временными, однако этот поход имел большое значение для будущей интеграции в Россию территории Дагестана. Петр I также устремил взоры на Среднюю Азию, желая использовать противоречия в землях Бухарского и Хивинского ханств для их последующего присоединения к России. Однако главной целью Петра I, как и его последователей, был здесь поиск путей в Индию, ввиду чего важно понимать, что в круг специальных задач налаживание взаимоотношений с ханствами Средней Азии не входило. Так или иначе, спорадические попытки экспансии в этот регион оказались обречены.

С одной стороны, XVIII в. характерен началом культурного знакомства российской интеллектуальной общественности с исламом. Например, при Петре I ученый Петр Постников, как считается, перевел на русский язык с французского текст Корана под названием «Алкоран о Магомете» (1716 г.), а молдавский господарь Дмитрий Кантемир, перешедший на российскую службу, написал по поручению царя исследование под названием «Книга Систима, или Состояние мухаммеданския религии» (1722 г.). Считается, что последнее сочинение было запрошено самим царем перед его походом против Ирана. Именно этот Персидский поход Петра I в 1722–1723 гг. имел большое значение

для начала активного ознакомления российской политической элиты с мусульманской культурой. Характерно, что в начале похода царь осмотрел развалины Булгара, предпринял меры для охраны его как культурного наследия и дал задание нескольким переводчикам списать и перевести «татарские» надписи на камнях. В XVIII в. многие исследователи и просто увлеченные люди охотно знакомились с особенностями культур мусульманских народов. В конце XVIII в. вышла работа П. Богдановича «Магомет с Алкораном» (1774 г.). В то же время российские чиновники начинают работу по исследованию истории, этнографии, культуры, языков коренного населения обширных территорий, в том числе татар и башкир.

В 1716 г. Россия начала экспансию в долине Иртыша, когда были основаны сначала крепость Омск, затем Семипалатная (1718 г., будущий Семипалатинск) и Усть-Каменогорск (1720 г.). В 1730 г. хан ближайшего к России Малого жуза Абулхаир обратился к российскому монарху с предложением о подданстве. Желая таким образом укрепить собственную власть и заручиться поддержкой в борьбе с соседями, он просил построить для него крепость и прислать войска. Однако, дав присягу и приняв российских чиновников, он положил начало экспансии России на территорию Казахстана и Средней Азии. На территории северо-западной границы Казахских степей в долине реки Урал начинается строительство укрепленных линий. Характерно, что российское правительство рассматривало в качестве своих подданных всех казахов. В 1735 г. на месте современного г. Орска был построен Оренбург, расположение которого затем дважды переносилось (1739, 1742 гг.). Позже Оренбург стал не только опорным пунктом для российской экспансии, но и важным центром для распространения ислама среди казахов. Прежде всего проповедническая деятельность связана с татарскими религиозными деятелями.

Но в то же время Оренбургская укрепленная линия отделила друг от друга два мусульманских тюркских народа — башкир и казахов. После учреждения Оренбургской губернии местным

властям была дана установка в случае чего использовать один народ против другого, чтобы, как сказано в одном документе, «щадить русскую кровь». Об этом будет сказано ниже.

Петр I, вероятно находившийся под впечатлением поражения, которое он потерпел в войне с Османской империей 1709–1713 гг., предпринял попытку радикального вмешательства в жизнь российских мусульман, подписав в 1713 г. указ об обязательном крещении всех землевладельцев Казанской и Азовской губерний под угрозой лишения земельных владений. В итоге было ликвидировано сословие служилых татар.

Альтернативой обезземеливанию и переводу в статус государственных крестьян был переезд в уральские губернии, где из вчерашних мурз и служилых татар постепенно (на протяжении XVII–XVIII вв.) формируется этносословная группа уральских мещеряков. К началу XVIII в. татарская специфика крупных анклавов и городов, выставлявших в начале XVII в. сотни и тысячи сабель татарской конницы — Темникова, Романова, утрачивается полностью, а Касимова и Карино — сходит почти до нуля. Ряд локальных групп служилых татар, ранее обладавших высоким социальным статусом и материальным уровнем, исчезает полностью.

Уже при преемниках Петра I политика центральной власти в отношении мусульман ужесточилась. В частности, при малолетнем императоре Петре II (1727–1730) 12 сентября 1728 г. был издан «Наказ губернаторам и воеводам», предусматривавший запрет на обращение христиан, в особенности, новокрещенцев, в ислам. Запрет также распространялся на обращение «мордвы, чувашей, черемисов (мари), вотяков (удмуртов), остяков (ханты), лопарей и им подобных» (согласно тексту сенатского указа), бывших в то время преимущественно еще язычниками.

В 1731 г. при Анне Иоанновне (1730–1740) в Свяжском Успенском монастыре создается «Комиссия для крещения казанских и нижегородских мусульман и других инородцев», целью которой была христианизация нерусских народов Казанской и Нижегородской губерний. 11 сентября 1740 г. императрицей

Анной Иоанновной был издан указ о ее преобразовании в «Контору новокрещеных дел» (Новокрещенскую контору), предписывавший хотя и распространение христианства без принуждения, но оговаривавший освобождение новокрещенцев от податей и рекрутских призывов, возложив и то, и другое на некрещеных. 19 ноября 1742 г. указом императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761) было постановлено о разрушении всех мечетей, возведенных «за запретительными указами». Поскольку других указов после 1593 г. не было, речь фактически шла о том, что могли быть разрушены любые из них, которые покажутся неудобными Синоду. Началось разрушение мечетей во многих населенных пунктах (например, только в Казанской губернии уже к 1744 г. из 536 мечетей было разрушено 418). Представители татарского населения обращались к правительству с просьбой прекратить эту политику и восстановить разрушенные мечети, 13 апреля 1744 г. Сенат постановил указом разрешение строить мечети только в тех деревнях, где нет ни русских, ни новокрещеных.

В этих условиях центры мусульманской культуры смещаются в районы, по тем или иным причинам менее доступные для волн христианизации. По-видимому, уже в первой половине XVIII в. существовали медресе в селениях Заказанья, таких как Адай (Адаево), Кариле, Симет, Ура, Ташкичу и Тюнтяр, а также в Тайсуганово в районе Альметьевска, Стерлибаше (Стерлибашево) в районе Стерлитамака. Следует отметить, что *мударрисы* (учителя) в этих условиях играли очень важную роль в татарском обществе.

На фоне всей этой ситуации происходит необычное и важное событие. В 1745 г. купец из Заказанья Сагит Хаялин получает разрешение на основание небольшого татарского поселения Каргала, или, в русскоязычных источниках, Сеитовской слободы, недалеко к северу от Оренбурга. Здесь было размещено 200 татарских семейств, освобожденных от податей и повинностей, была построена мечеть. Через это поселение вскоре стал проходить колоссальный объем торговли с Казахскими степями и Средней Азией. Здесь строились и медресе, на долгие годы

ставшие признанным центром учености не только в Казанской губернии, но и центром всей исламской жизни в Российской империи, сюда направляли свои письма с обращением к ученым бухарские эмиры. Позже здесь же учреждается Татарская ратуша, как орган самоуправления, и слобода переименовывается в Сеитов посад (с 1784 г., совр. Татарская Каргала Сакмарского района Оренбургской области).

Кроме того, что политика властей могла спровоцировать разрушение христианских церквей в соседних мусульманских странах, в ответ на нее в 1736–1740 гг. среди башкир вспыхнуло восстание Карасакала, а в 1755–1756 гг. среди башкир и татар на Урале — кампания гражданского неповиновения, известная как восстание Батырши (Абдулла Алиев). Для подавления восстания царское правительство пыталось привлечь казахов Младшего жуза, часть из которых соблазнилась предложением и совершила несколько набегов на башкир. Этими отрядами казахов были захвачены и проданы в рабство многие башкирские семьи, бежавшие за реку Урал от царских войск. Этот акт спровоцировал охлаждение башкирско-казахских отношений на долгое время.

Так или иначе, после подавления башкирского восстания политика царского правительства в отношении мусульман все же несколько изменилась. Так, уже в 1755 г. было отменено решение правительства о том, что мусульмане должны нести рекрутскую повинность за новокрещеных, а в 1756 г. Сенат издал указ «О допущении татар магометанского закона, живущих особыми деревнями в Казанской, Нижегородской, Астраханской и Сибирской губерниях, к постройке мечетей и о переселении новокрещеных татар в другие деревни».

Если в 1756 г. был переведен в регион без мусульманского населения главный активист Новокрещенской конторы Лука Канашевич, получивший в татарском фольклоре кличку Аксак Каратун, то уже в 1764 г. Новокрещенская контора была закрыта. В 1767 г. императрица Екатерина II разрешила выстроить две каменные мечети в Казани — впервые после падения города

в 1552 г. 17 июня 1773 г. был издан указ Синода о «терпимости всех вероисповеданий», фактически окончательно положивший конец политике насильственной христианизации. 17 марта 1775 г. вышел манифест императрицы «О высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключения мира с Портою Оттоманскою», также касавшийся и мусульман.

В работе Уложенной комиссии 1767 г. принимало участие 28 делегатов-мусульман от различных губерний России. Несмотря на то, что степень их активности была различной, многие из них поднимали чрезвычайно актуальные вопросы, требуя прежде всего свободы вероисповедания и равенства с христианами, выступая против ограничений на торговлю для неправославных (в этом вопросе депутаты-мусульмане объединились с язычниками Урало-Поволжья). По социальному составу делегаты преимущественно представляли мурз и купечество.

Императрица начала также предпринимать некоторые усилия по укреплению мусульманского образования, осознавая, безусловно, прежде всего практический интерес всего государства в этом.

Первые шаги российского правительства навстречу мусульманскому населению, разумеется, не сразу давали свои плоды. Мусульманское духовенство, как наиболее высокообразованная его часть, продвигало в силу возможностей мусульманское образование на местах, но недовольство властью было сильным среди простого населения. Так, во время Пугачевского бунта на Урале 1773–1775 гг. многие башкиры и татары также присоединились к народному движению; казахи в целом остались нейтральными, хотя некоторые отряды принимали участие в боевых действиях. Широко известна личность представителя башкирского народа Салавата Юлаева (1754–1800), в 19 лет ставшего одним из ближайших сподвижников Пугачева и долго и упорно противостоявшего со своим отрядом царским войскам даже после пленения предводителя. Он закончил свои дни, проведя 25 лет на каторге, но остался в памяти народа не только как борец за свободу, но и как талантливый поэт.

Некоторая часть поволжской мусульманской элиты, прежде всего татары, потеряв возможность реализовать себя, как в прежние времена, в качестве военной страты, чтобы сохранить привилегии, принимала крещение, но другие предпочитали, сохраняя верность исламу, переходить к купеческой деятельности, где также нашли способ эффективно реализовать себя. Единство языка, культуры и религии, общее происхождение элит с населением Казахстана и Средней Азии способствовали значительным успехам в налаживании торговых отношений с государствами этого региона на рубеже XVIII–XIX вв., основанию купеческих факторий и даже целых поселений на их территориях. Поскольку это приносило выгоды Российскому государству, правительство поощряло эти меры (указы Екатерины II 1763 и 1776 гг.). Сформировалась самобытная социальная группа — *чабаталы мурзалар*, «лапотные мурзы», также именуемые *битлеш мурзалар*, «вшивые мурзы». Не имея дворянского статуса, не владея землями, они обладали высоким авторитетом, прежде всего в собственной этноконфессиональной среде, высоким уровнем образования, известным кредитом доверия, в том числе в Средней Азии. Все это позволило им сохранять высокий социальный статус, а при возможности и приобретать значительное материальное благосостояние (симбирские Акчурины, касимовские Акбулатовы, Ерзины, Ширинские и т. д.).

В 1769 г. в Казанской гимназии был введен татарский класс, к 70-м годам XVIII в. относят открытие в Старотатарской Слободе Казани двух медресе при мечетях (позже известных как Апа-наевская (ныне здание передано медресе Мухаммадийа) и Ахундовская (ныне — Марджанийа), и затем, где-то в 80-е годы XVIII в., еще одного — в Новотатарской Слободе (позже известно как Амирхановское медресе). В 1782 г. в народных училищах, располагавшихся в губерниях, которые «лежат в стороне татарской, персидской и бухарской», было предписано обязательное преподавание арабского языка.

Следует отметить, что в этот период медресе, располагавшиеся вне городских слобод типа Казани и Каргалы, а в сельских

районах Заказанья (Кышкар, Мачкара) и Приуралья (Стерлибаш) отличались более высоким уровнем преподавания. Ситуация в пользу городских медресе изменилась только в последней трети XIX в. (см. главу VII).

В 1798 г. организуется войско по типу казачьих, практически целиком состоявшее из мусульман (немногочисленное исключение составляли небольшая часть тептярей марийского и удмуртского происхождения, которые были язычниками, но при этом их сохранявшаяся традиционная культура подвергалась интенсивному мусульманскому влиянию). Башкиро-мещеряцкое войско располагалось в Оренбургской, Уфимской, Пермской, Самарской и Вятской губерниях и включало в себя этносословные группы башкир, мещеряков и тептярей. В основу территориального кантонного (и в основном соответствующего ему полкового) деления были положены племенной принцип у башкирских кантонов и территориальный у мещеряцких. Несмотря на то, что командовал войском русский генерал, кантонные начальники (кантоны) происходили из мусульман. Сформировался широкий слой офицеров, в организованном в Оренбурге Неплюевском кадетском корпусе (с 1825, до 1844 г. — училище) был организован набор воспитанников-мусульман, преимущественно из числа детей офицеров, а в Казанском университете с 1849 г. — поток студентов-медиков со специальностью военврач. Все полки обслуживались имамами. Фактически сформировался новый слой мусульманской элиты, часть из которой достигла впоследствии больших высот. Башкиро-мещеряцкое войско, обладая всеми правами казачьих войск и аналогичной структурой, сыграло важную роль в развитии системы самоуправления тюрков-мусульман Урало-Поволжья. Максимальная численность полков, выставяемых войском, достигала 26 в период наполеоновских войн — 20 башкирских, 4 мещеряцких и 2 тептярских, все кавалерийские пятисотенные по типу казачьих войск. Башкиро-мещеряцкое войско было расформировано в 1865 г., но определенное количество башкирских и тептярских полков набиралось и позже, в том числе — в Оренбургском казачьем войске.

Царствование Екатерины II в целом было более благоприятным временем для мусульман по сравнению с предыдущими десятилетиями. Несмотря на то, что захват Черноморского побережья от Днепра до Дуная и от Дона до Кубани, а также Крыма и ликвидация в 1783 г. Крымского ханства спровоцировали вынужденное переселение сотен тысяч мусульман на территорию Османской империи, мусульмане получили возможность свободно исповедовать свою религию и создавать религиозные учебные заведения. Все это показывает, что руководство страны начинает осознавать государственное значение мусульманского фактора.

Однако в контексте российско-крымских отношений имело место одно из трагических событий в истории тюркских мусульманских народов России. Именно в связи с внешнеполитической обстановкой стали более остро вставать вопросы о контроле пограничных территорий. Крымское ханство было отделено от Османской империи и признано независимым владением по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора, заключенного в 1774 г. Это обстоятельство дало возможность России непосредственно оказывать влияние на политику ханства, не опасаясь вмешательства османов. Между тем Крымское ханство включало в свой состав не только территории самого Крыма, в его подчинении находились земли некоторых народов, проживавших в Приазовье и на Северо-Западном Кавказе. По мирному договору Россия уже получила Керчь, Азов, Еникале и Кабарду. Пророссийская политика последнего крымского хана вызывала недовольство не только среди собственно крымско-татарской знати, но и среди представителей подданных хана. В 1781–1782 гг. территорию Крымского ханства охватывает восстание, затронувшее и кубанские территории, населенные ногайцами. Против ополчений ногайских мурз были отправлены регулярные войска под руководством А. В. Суворова, уже известного своей жестокостью во время подавления Пугачевского бунта и позже прославившегося как душитель освободительного движения в Польше. Разбив ногайские войска, он начал

карательные акции против ногайского населения, что привело к огромным потерям среди этого народа и массовым миграциям ногайцев на территории Восточного Кавказа и Закубанья, не подконтрольные тогда Российской империи.

Важные события для истории ислама в России происходят в самом конце правления Екатерины II. 28 января 1783 г. Екатериной II был издан указ «О дозволении подданным магометанского закона избирать самим у себя ахунов», т. е. глав духовенства на определенных территориях, однако эти ахуны должны были быть подданными Российской империи. В 1784 г. вышел указ о «позволении Князьям и Мурзам Татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства» (напомним, что в 1785 г. была издана «Жалованная грамота дворянству», сделавшая дворянство привилегированным сословием, подверженным даже собственному внутреннему суду). Согласно ей татарским мурзам и башкирским старшинам были предоставлены права российского дворянства.

После утверждения в 1786 г. устава народных училищ императрица постановила образование таких училищ в Казахских степях, а также заявила о необходимости печатать учебные книги на казахском языке. На должность преподавателей в эти училища назначались казанские муллы — на тот момент лучшие знатоки культурных традиций тюркских и мусульманских народов, а также фактически не имевшие языкового барьера с местным населением. В 1787 г. по приказу императрицы впервые в России в частной «Азиатской типографии» в Петербурге напечатан арабский текст Корана — в целях бесплатного распространения среди казахов, хотя этот первый тираж составил всего 20 экземпляров.

22 сентября 1788 г. по указу Екатерины II в Уфе было организовано «Духовное собрание Магометанского закона», по принципу *миллета* в Османской империи для религиозных меньшинств (с 1846 г. — «Оренбургское магометанское духовное собрание», по названию губернии, или *махкама шарийья оринбурджийа* — дословно «Оренбургское шариатское судопроизводство»); в его

полномочия входило управление религиозными делами мусульманского населения России, кроме территории бывшего Крымского ханства. Иначе говоря, была создана государственная организация, регулировавшая жизнедеятельность российской *уммы* на официальном уровне. В тот же день другим Указом *муфтием* был назначен *ахун* Каргалы Мухаммеджан Хусаинов (Мухамет-Джан Гусейнов), ему в помощники назначались три *казыя* из числа «казанских татар». При этом будущие муллы сдавали экзамены в духовном собрании, но должны были иметь и свидетельства о благонадежности от местных губернских правлений. Именно от них должны быть получены рекомендации о «благонадежности», если человек переводился на другую должность. В целом эта система просуществовала до 1917 г.

В 1789 г. вышел указ «Об определении в учрежденное в Уфе Духовное Собрание Магометанского закона Секретаря, Канцелярских и прочих служителей, с производением им жалования», фактически ознаменовавший официальное включение мусульман в общественно-политическую жизнь Российской империи. Теперь представители мусульманской религиозной элиты получали от государства жалованье как служащие.

В 1799 г. на фактически автономных от царской региональной администрации правах начали действовать татарские школы в Казани, Астрахани и Тобольске.

Вызывает особый интерес личность первого муфтия Российской империи Мухаммеджана Хусаинова (1756–1824), уроженца Бирского уезда Оренбургской губернии (совр. Султанай Аскинского района Республики Башкортостан). Образование он получил дома (его дед был первым выходцем из татарского народа, отучившимся в Бухаре и вернувшимся оттуда), позже — в Каргале, Бухаре и Кабуле. Первый муфтий был знатоком городской жизни Востока, и, как считается, применял принципы ее самоорганизации на российской почве. Вместе с тем, как и многие представители российской мусульманской религиозной элиты, он выполнял ряд поручений дипломатического и военного характера российского правительства в Казахских степях и на Кавказе (Кабарда).

Сравнивая результаты его деятельности с другими чиновниками, стоит отметить, что Хусаинов не допускал кровопролития в ходе своих миссий. Первый муфтий не известен как исламский ученый, педагог, историк, писатель, однако его заслуга состоит в том, что он создал и отстоял систему, которая позволила вырасти и развиться другим представителям российской мусульманской интеллектуальной элиты — ученым, педагогам, историкам, писателям. Первый муфтий не был бессребреником, он не забывал себя и своих потомков, его поместья были размещены на реквизированных или купленных у башкир землях, но Башкиро-мещеряцкое войско было сформировано также при нем и не без его участия. Он успешно проводил политику социализации уммы в имперский социум при трех императорах — Екатерине II, Павле I и Александре I, и огромная заслуга в институционализации уммы в XVIII — начале XIX в. принадлежит именно ему, без малого 37 лет находившемуся на своем посту.

После включения территории Крыма в состав Российской империи был издан указ императрицы Екатерины II от 23 января 1794 г. об учреждении там особого Таврического магометанского духовного правления, также возглавляемого муфтием, которым стал крымский кади-аскер Сейт-Мегмет-эфенди, с местопребыванием в Симферополе. Созданная теперь Таврическая область (с 1802 г. — губерния) имела собственное автономное мусульманское религиозное учреждение, деятельность которого, правда, была регламентирована значительно позже (см. след. главу)

Два последующих оренбургских муфтия, Абдесаллям Абдрахимов (1825–1840) и Абдулвахид Сулейманов (1840–1862) продолжали способствовать интеграции в современное им политическое пространство детей мусульманской элиты. Так, третий муфтий, в частности, во многом снискал благосклонность властей, преподавая у воспитанников Кавказского полуэскадрона императорского конвоя (с 1828 г.) и Царскосельского кадетского корпуса (с 1835 г.), где прививал им не только знания об исламе, но и верность царю.

Следует сказать еще об одном направлении внешней политики Российской империи в XVIII в., непосредственно связанном с историей ислама. Уже преемники Петра I предпринимают попытки закрепиться на Северном Кавказе. Они основывают здесь крепости (Кизляр в 1735 г., Моздок в 1763 г.), организуют казачьи станицы, создают дворянские владения, раздавая земли как российской, так и поступавшей на службу местной знати. Начинается постепенное проникновение сюда российского купечества и внедрение элементов российской административной системы. В 70-е гг. XVIII в. в России делаются первые попытки изучения языков народов Кавказа. В это же время, активно и достаточно успешно воюя с Османской империей, Россия начинает вмешиваться в жизнь местных народов.

В 1785 г. правительством было провозглашено образование Кавказской губернии, явившееся следствием вхождения в состав империи территорий, граничивших с Северным Кавказом. Прямое и опосредованное проникновение России в Кавказский регион, выразившееся в стремлении взять под контроль торговые отношения, оказывать влияние на политическую жизнь местных народов, спровоцировало восстание, возглавленное мусульманским проповедником, происходившим из простых пастухов, чеченцем по имени Ушурма из селения Алды, известным как шейх Мансур. Он являлся последователем суфийского тариката накшбандийа, обязательным условием членства в котором является неукоснительное следование шариату. Выступая проповедником мусульманских традиций, шейх Мансур своим красноречием сумел найти много сторонников среди представителей различных слоев населения кавказских народов. Начавшись в Чечне, восстание охватило весь Северный Кавказ. Помощь восставшим начала оказывать Османская империя, в 1787 г. вступившая в войну с Россией. В июне 1791 г. раненый шейх Мансур был пленен имперскими войсками во время героической обороны Анапы, его заточили в тюрьму, где он в 1794 г. умер. Поражение Османской империи в минувшей войне только укрепило позиции России на подступах к Северному Кавказу.

Здесь кажется важным отметить тот факт, что фактически в истории России *впервые* происходит инцидент, когда освободительная война против колониального правительства, объединившая различные по происхождению и языку, хотя, конечно, близкие по культуре народы, разворачивается под знаменем ислама.

Следует отметить, что распространение ислама на территории Северного Кавказа имело свои особенности. Ввиду природно-географических характеристик региона местное население сохраняло традиционный хозяйственный и общественный уклад. Труднодоступные горные территории лишь номинально входили в состав Золотой Орды. Разделенные многочисленными хребтами, местные общины сохраняли свою автономию и, в сущности, политическую независимость, как по отношению друг к другу, так и по отношению к внешним завоевателям. Обусловленная рельефом сложность коммуникаций не могла способствовать широкому и равномерному распространению здесь и религиозных учений. На языковую пестроту местного населения накладывалось и разнообразие религиозных учений, исповедуемых теми или иными общинами-аулами: здесь жили как приверженцы традиционных верований, так и христиане, и мусульмане, и иудеи без какого-либо антагонизма, поскольку все они были объединены на основе общности традиций, выработанных в результате единства образа жизни. Хотя с XIV в. территории горного Кавказа находились в окружении мусульманских государств, распространение ислама здесь было достаточно поверхностным. Нормы ислама проникали в жизнь отдельных общин, закрепляясь лишь в тех сферах быта, где они могли сочетаться с нормами традиционной жизни и не противоречить им. Поэтому, например, здесь большую роль в социальной жизни играл *адат*, ведь сложные условия проживания местных народов сами себе диктовали необходимость сохранения общинной организации для осуществления механизмов взаимопомощи в ведении хозяйства и в случае войн с соседями. Важнейшей особенностью распространения ислама на Северном Кавказе является

то, что оно происходило в процессе централизации разрозненных общин, объединявшихся вокруг авторитетных проповедников, каждый из которых мог придерживаться собственной интерпретации религиозных догм. Наибольшее распространение нашли здесь различные тарикаты суфизма (накшбандийа, кадирийа и др.). Отчасти этому способствовала структура суфийских братств, достаточно легко вплетавшаяся в устои традиционной организации горцев. Создававшиеся общины структурировались на основе патриархального принципа — авторитет учителя (*устаза*) был непререкаем, а его последователи (*мюриды*) должны быть полностью верны и покорны ему.

При этом сама суровость местного образа жизни и, соответственно, специфика менталитета здешних народов обуславливали и необходимость проявления лидером общины — шейхом — также и воинских качеств, особо почитавшихся в кавказской культуре. Поэтому иногда освободительное движение горцев неправомерно именуют *мюридизмом*, акцентируя внимание именно на религиозный аспект. Все эти особенности найдут отражение в истории региона и в последующие эпохи.

Вопросы по пройденному материалу:

1. Охарактеризуйте положение мусульман в Российском государстве в начале XVIII в.

2. Каково значение периода правления Петра I для ислама на территории России?

3. Что такое Контора новокрещенских дел? Расскажите о ее задачах и деятельности?

4. Кто такой Батырша? В чем состоит его историческая роль?

5. Что такое Сеитов-посад?

6. Какие изменения в отношениях властей Российской империи и российских мусульман произошли при императрице Екатерине II?

7. Какие факторы способствовали повышению интереса правительства к исламу?

8. Когда был создан первый муфтият на территории России? Где он располагался?

9. Каковы особенности распространения ислама на Северном Кавказе?

10. В чем состоит историческое значение восстания шейха Мансура?

ГЛАВА VI. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И МУСУЛЬМАНЕ КАВКАЗА, КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ В XIX В.

С конца XVIII — начала XIX в. в Российской империи начинается активное печатание мусульманской религиозной литературы и книг по исламу. Однако кроме как у профессиональных востоковедов, российская школа которых к тому же только начинает формироваться, ислам оставался для большей части российской, т. е. фактически русской (с колоссальной долей обрусевших или нет немцев, датчан, шведов, поляков) интеллигенции скорее некоей экзотикой, чем предметом специального изучения. Сами же отношения с мусульманскими народами приобретают еще большую специфику, поскольку теперь приходится четко отличать политику правительства в отношении мусульманского населения, уже длительное время бывшего частью империи (в первую очередь татары, башкиры), и в отношении представителей народов, только включаемых в состав империи. Расширение границ Российского государства в XIX в. в южном и восточном направлении непосредственно связывает его историю с мусульманскими народами, однако отношения с каждым из них имели свои особенности, поскольку выстраивались в уникальных конкретно-исторических условиях. Речь идет о контактах с народами Кавказа, а также Казахстана и Средней Азии.

Эти процессы находят отражение в трансформации в системе науки и образования. Так, в 1818 г. в Петербурге открывается Азиатский музей, тогда рассматривавшийся как организация для хранения рукописей и книг на восточных языках. В 1804 г. Московский университет получает новый устав, подразумевавший изучение этих самых восточных языков, однако в действительности это не было реализовано. В 1815 г. здесь был основан

Лазаревский институт восточных языков. В 1819 г. открывается Петербургский университет, где в последующем были созданы три разряда: исторический, филологический и восточной словесности. В 1835 г. был издан новый университетский устав, предполагавший изучение в рамках дисциплины «восточная словесность» среди прочих арабского, персидского и турецкого языков. Однако по-настоящему только Казанский университет, где был открыт единственный на тот момент в России Восточный разряд, смог во второй четверти XIX в. стать центром преподавания языков и изучения Востока мирового уровня. Позже, в 1854 г., в Петербурге все же был учрежден восточный факультет, куда в 1855 г. были переведены многие крупные специалисты из Казани. Потребность в компетентных кадрах стала важным фактором для востребованности в качестве знатоков языков собственно выходцев из «восточных» культур, в том числе из мусульманских народов, что в свою очередь во многом ускорило их интеграцию в систему современного образования (см. след. главу).

В начале же XIX в. востоковедение формировалось не как научная дисциплина, поскольку она имела прикладной характер. Если во времена Петра I изучение Корана было делом людей увлеченных, разбавлявших свое свободное время и расширявших кругозор, то теперь, когда Российская империя вступала в непосредственный и чрезвычайно тесный контакт с мусульманским миром, возникла настоящая потребность в получении знаний об исламе, исповедующих его народах, их обычаях, нравах, культуре, языке...

В ходе успешных войн с Персией 1801–1813 гг. и Османской империей 1806–1812 гг. все больше возрастает влияние России на Кавказе. Россия захватывает земли Дагестана, Северного Азербайджана, а также в подданство к империи просится Грузия. Важным вопросом для государства становится налаживание коммуникаций с этими территориями, отделенными Кавказским горным хребтом.

Самым первым законодательным актом, касающимся организации управления мусульманами Кавказа, является, по-видимому,

изданный 30 июня 1805 г. указ императора Александра I «О правилах для Магометанского духовенства Елисаветпольской округи». Он официально утверждал свободу вероисповедания, а также, будучи ориентирован прежде всего на территории бывшего Гянджинского ханства (Гянджа была переименована в Елисаветополь, в честь супруги императора), устанавливал некую штатную иерархию местного мусульманского духовенства, представленного в большинстве шиитами: во главе — ахунд, ему помогали восемь мулл. Все они имели государственное жалование и кроме исполнения религиозных обязанностей должны были проповедовать верность российскому царю. В случае «измены» их имущество конфисковывалось, а сами они подлежали ссылке в Сибирь.

Этнически разнообразное население Дагестана и Северного Азербайджана имело языком общения тюркское наречие, понимаемое кумыками Дагестана и большинством азербайджанского населения. Поскольку научное востоковедение еще не сложилось, а языки, в действительности родственные татарскому, были взаимопонимаемы, в русскоязычной канцелярской документации создавалась традиция именовать все тюркоязычное население татарами. Этот факт, с учетом действительной активности собственно выходцев из татарского народа, религиозных деятелей и торговцев, на Северном Кавказе часто вызывает сложности в правильной атрибуции представителей тех или иных локальных групп.

Одной из мер, предпринимавшихся с целью повысить лояльность местного населения, стали попытки переселения христианского армянского населения на территории Южного Кавказа — в частности после подписания Туркманчайского мира с Персией 1828 г. и Адрианопольского мира 1829 г. с Османской империей значительные потоки армянских переселенцев двинулись соответственно из Южного (иранского) Азербайджана и Восточной Анатолии. Так, например, число армян Эриванской губернии к началу XIX в. составляло 20% от всего населения, к 1832 г. процент вырос до 32. В будущем это стало причиной многочисленных межэтнических конфликтов.

Земли горных районов Северного Кавказа, населенные многочисленными народами различного происхождения, оставались свободными и независимыми, не признавая власть ни Османской империи, ни Российской, несмотря на усилия обеих сторон. Разлагавшаяся в этот период Османская империя уже не имела сил реализовывать какие-то амбиции своих султанов, в то время как Россия после завершения победоносной войны с Францией в 1815 г. находилась на пике своей военной и политической мощи. Российское правительство принимает решение по включению территорий Северного Кавказа в состав империи. Для этого была снаряжена специальная экспедиция под командованием героя войн с Францией и Османской империей генерала А. П. Ермолова.

Несмотря на свою малочисленность и разрозненность, кавказские народы оказали героическое сопротивление российским войскам. Регулярная армия, закаленная в полевых сражениях с османами и персами, оказалась не способна проявить свои качества в условиях горной войны. Вооруженное противостояние, именуемое в научной литературе Кавказской войной, растянулось более чем на полвека — обычно приводятся даты 1817–1864 гг., однако в действительности, хотя и не в столь широком масштабе, сопротивление горцев оккупационным властям продолжалось и в последующем.

Кавказ стал одной из провинций, ассоциировавшейся с ссылкой. Постоянные боевые действия сулили возможность либо погибнуть, либо прославиться. В творчестве русских поэтов и писателей кавказская тема обрела ореол романтизма, в то же время сформировавшийся образ свободолюбия и непреклонности характера горцев, вызывавший среди русскоязычной интеллигенции только восхищение и уважение, вдохновлял на творчество А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого.

Массовый характер выступлению горцев, приобретшему масштабы освободительной войны, придавало втягивание в него народов, изначально не испытывавших вообще никаких настроений по отношению к Российской империи. Однако

агрессивная и недальновидная политика центральных властей, пренебрегающая интересами этих народов, вызвала лишь рост антироссийских настроений. Эпицентром сопротивления стали районы Чечни и Горного Дагестана.

Необходимо отметить, что российская администрация к тому времени имела собственный положительный опыт взаимодействия с горцами Кавказа. Примером тому служит состав населения таких форпостов на Кавказе, как Терский городок (бывший Судженский городок) и Кизляр. В Терском городке 4 слободы: Черкесская (адыгские народы, самая крупная во всем городке), Окоцкая (вайнахи), Татарская (татары, кумыки и ногайцы) и Новокрещенская (новокрещены различного происхождения) составляли большинство населения этого важного оборонного пункта, причем все они несли военную службу. Их лояльность прошла проверку в период Смуты начала XVII в., когда они не только не поддержали бунтовщиков, но даже при поддержке местных племенных ополчений отбили у них царского воеводу. В Кизляре при русско-армянском большинстве населения существовала влиятельная мусульманская (в документах — «татарская», см. выше) община, которая даже делегировала своего представителя на Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Однако вместо использования уже имевшегося опыта власти решили действовать военным путем, что в результате привело к тяжелым последствиям и огромным людским и материальным потерям с обеих сторон.

Как уже говорилось выше, именно особенности сформировавшегося в суровых природно-географических условиях быта обусловили особый облик ислама на Кавказе. Сохранение общинной структуры, основанной на кровнородственных связях, было важнейшей характеристикой культуры народов Северного Кавказа — пример тому чеченские тейпы. Именно поэтому уникальным явлением в истории региона является создание политического образования, основанного на механизмах, поставивших на второй план принцип кровно-родственных связей. Речь идет об Имамате шейха Шамиля.

Отправленный на Северный Кавказ российский командующий А. П. Ермолов максимально использовал свои ресурсы в принуждении местных народов к покорности имперскому правительству. В 1818 г. на границе территории равнинной Чечни правительственными войсками основана крепость Грозная. Российский генерал умело использовал и противоречия между влиятельными родами. Тот факт, что родовые предводители предпочитали сотрудничать с властями, добровольно или принудительно принимая навязываемые ими меры, продемонстрировал невозможность эффективного сопротивления в рамках общинно-родовой структуры. Представители менее богатых родов и рядовое население, испытывавшие теперь гораздо большее притеснение еще и со стороны новых властей, стали главной силой разраставшегося недовольства. Большой успех в качестве идеологии движения сопротивления набирала распространявшаяся из религиозных общин пропаганда лозунгов о войне с «неверными», направленных против российских властей, и лозунгов о всеобщем равенстве, направленных против их союзников — представителей знатных родов.

Провозглашение имамами Чечни и Дагестана сначала Гази-Мухаммада (1828–1832), а после его гибели — Гамзат-бека (1832–1834) ознаменовало начало организованного сопротивления имперским властям и борьбу с их союзниками: так, был полностью истреблен род аварских ханов. Когда погибшего Гамзат-бека сменил шейх Шамиль (1834–1864), война приобрела еще более массовый характер. Авторитет Шамиля распространился на весь Кавказ, ему удалось организовать централизованную систему управления — подконтрольную территорию он разделил на 50 наместничеств во главе с *наибами*, подчинявшимися непосредственно ему, имаму. Им была организована общая казна, налажена инфраструктура по изготовлению оружия и военного снаряжения. Основываясь на шариате, он установил жесткую систему наказаний за проступки. При этом он благожелательно относился к желавшим перебраться на подконтрольные ему территории беглецам из угнетенных

слоев русского населения, позволяя им селиться здесь, заводить хозяйство и при этом сохранять свою веру и обычаи. Обвинения Шамиля в деспотизме, иногда встречающиеся в литературе, основаны лишь на том, что своим стремлением создать централизованную систему управления он предпринимал жесткие меры по искоренению элементов общественных отношений, основанных на традиционном праве, что часто не находило понимания также среди представителей горского населения, привыкших к этому сформированному веками укладу.

В течение более четверти века Шамиль успешно возглавлял сопротивление имперским войскам, прибегая к тактике набегов на отдельные посты и селения, блокируя в ущельях вражеские отряды.

В июне 1839 г. огромные силы российской армии блокировали Шамиля в ауле Ахульго. Штурм аула длился два месяца, и ценой огромных потерь он был взят. Около двух десятков горцев сумели пробиться из окружения, среди них раненый Шамиль. При штурме погибла жена Шамиля и их грудной сын, а сестра Шамиля бросилась с горы, чтобы не попасть в плен, но российскими войсками был захвачен старший сын Шамиля. Битва была настолько катастрофической, что российскими властями даже была учреждена специальная медаль «За взятие штурмом Ахульго». Шамиль же в течение долгих лет продолжал возглавлять героическое сопротивление.

Однако объективно Шамиль располагал гораздо меньшими по сравнению с огромной империей экономическими и людскими ресурсами. В итоге, будучи блокирован в августе 1859 г. российскими войсками в ауле Гуниб с отрядом в 500 мюридов, старый шейх принял решение сдаться в плен. Лишь часть его людей последовала его примеру, многие предпочли смерть плену. Кто-то бросился вниз с горы, но предание чеченского народа сохранило сюжет, согласно которому один из его верных набобов, потерявший в боях глаз, руку и ногу, Байсангур из аула Беной, повел оставшихся людей на прорыв и сумел вырваться из окружения. Однако в 1861 г. он был ранен в одном из боев

и попал в плен. Военной-полевой суд приговорил его к казни через повешение.

Следует отметить деятельность чеченского шейха Кунта-Хаджи Кишиева, активного последователя тариката кадирийя, приобретшего значительный вес на Северном Кавказе после поражения Шамиля, бывшего представителем накшбандийского тариката. Кунта-Хаджи начал проповеди в 50-е годы XIX в., в период Имамата Шамиля. Шейх призывал к прекращению насилия, проповедовал терпение и смирение, желая остановить кровопролитие, несущее беды и многочисленные потери его народу. Шамиль осудил выступление шейха. В отличие от тариката накшбандийя, где значительную роль в ритуально-обрядовых практиках играл тихий *зикр* (*хафий*), сторонники кадирийя проповедовали громкий *зикр* (*джахрий*). В период 1861–1863 гг. Кунта-Хаджи пребывал в Мекке, по возвращении он приобрел много сторонников. Однако поскольку Шамиль потерпел поражение, многие его сторонники решили провозгласить имамом Кунта-Хаджи, увидев в нем нового лидера сопротивления, хотя тот проповедовал мир. В 1864 г. царские власти, боявшиеся появления нового лидера у кавказских народов, поспешили арестовать шейха. Весть об аресте учителя стала неожиданностью для многих его последователей. В ауле Шали собрались несколько тысяч последователей шейха из всех аулов Чечни, потребовав у властей его освобождения. Однако российские власти стянули сюда значительные военные силы. Отчаявшиеся последователи шейха, среди которых были и переодетые в мужскую одежду женщины, сложили огнестрельное оружие и, выполняя *зикр*, двинулись на колонну российских войск, имея при себе лишь традиционные кинжалы и шашки. Они надеялись решить дело мирным путем, веря в то, что, даже находясь далеко, шейх оказывает им свою поддержку. Однако солдаты открыли ружейный огонь. В этой резне, по разным данным, погибло от 150 до 400 человек. Эта трагедия, произошедшая 18 января 1864 г., вошла в историю как «кинжальный бой зикристов».

Сам Кунта-Хаджи пребывал в ссылке, из которой не вернулся. Последнее упоминание о нем датируется 1867 г., однако среди его последователей живет убеждение в том, что шейх жив. Именно с Кунта-Хаджи связано закрепление авторитета духовных учителей (*устазов*) в горских братствах.

Что касается Шамиля, то он прибыл в Петербург, где был с честью принят российским императором и даже встретился с А. П. Ермоловым. Старый шейх был поселен с семьей в Калуге в достаточно комфортных условиях. На исходе лет он отправился в *хадж*, по дороге в который скончался (1871 г.) и был похоронен в Медине. Два сына Шамиля остались служить в российской армии (причем один из них — Мухаммад-Шафи в начале своей карьеры командовал одним из мусульманских подразделений в составе Собственного Его Императорского Величества Конвоя), два других продолжали воевать против российских войск на Южном Кавказе, приняв подданство Османской империи. Один из них, Гази-Мухаммад, геройски проявил себя на Кавказском фронте во время Российско-османской войны 1877–1878 гг., дослужился до чина фельдмаршала в османской армии.

В составе российской гвардии из кавказских горцев были сформированы Горский полуэскадрон (ногайцы, адыги, кумыки, чеченцы) и команда лезгин (лезгины и другие народы Южного Дагестана, чародинские аварцы) одной из самых элитных частей лейб-гвардии — Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Другими мусульманскими частями в составе конвоя были команда мусульман (азербайджанские турки) и команда крымских татар, просуществовавшая наиболее длительный период времени — с 1826 по 1890 гг.

Действия российских властей на Кавказе привели к вытеснению местного коренного населения из равнин в горные районы. На плодородные равнинные земли переселялись русские крестьяне и казаки. Огромное число людей, в частности из населения западных районов Северного Кавказа, было вынуждено вовсе покинуть родные земли. Особенно массовым был исход черкесов (т. н. *мухаджирство*) в 1864 г., в большом количестве вынужденных

выехать в пределы Османской империи. Многие погибли в пути. Но потомки тех, кто переселился, впоследствии составили отборные части османской армии. Часть из них были поселены на различных окраинах Османской империи (Балканы, арабские страны и т. д.), где несли военную службу. В настоящее время потомки кавказских мухаджиров, среди которых военная служба пользуется популярностью, составляют значительную часть офицерского корпуса армии и спецслужб ряда стран (Турция, Иордания и др.).

Конфискация земель российскими властями у местного населения в пользу крестьян и казаков была не только фактором, вызывавшим антироссийские настроения в тот период, но стала также причиной враждебного отношения горцев как к царскому режиму, так и к новому населению в целом. Правительство пыталось «задобрить» местное население, раздавая знати должности и ордена, а в массах распространяя мысли об улучшении их образа жизни в составе Российской империи. Однако попытки навязывания горцам чуждых им социальных и политических институтов не встречали понимания. Обескровленные длительными боевыми действиями кавказские народы вынуждены были принять сложившуюся ситуацию. Все же активная фаза сопротивления закончилась с пленением и казнью в 1878 г. последнего имама Чечни — Алибека-Хаджи Алдамова.

Только 8 апреля 1872 г. российским императором Александром II было утверждено Положение об учреждении на Кавказе двух духовных управлений: «Управления духовными делами мусульман Шиитского учения» во главе с шейх-уль-исламом и «Управления духовными делами мусульман Суннитского учения» во главе с «Закавказским муфтием», оба — с центром в Тифлисе (совр. Тбилиси). Проблемы межконфессионального характера улаживались при присутствии представителей обоих «учений». Однако их действие распространялось только на Южный Кавказ, аналогичные вопросы на Северном Кавказе находились в ведении военных властей.

Таким образом, на протяжении всего периода конца XVIII — конца XIX в. российское правительство в тяжелейших условиях

неприятия горцами колониальных властей искало пути и методы взаимодействия с местным населением, находя возможным, отстаивая свои геополитические интересы, в основном действовать жесткими мерами, и только к 70-м годам XIX в., когда людской ресурс у горского населения фактически иссяк, смогло перейти к мирным организационным мерам.

По-иному складывались дела в Казахстане и Средней Азии.

В 1822 г. был издан «Устав о сибирских киргизах», который распространялся на большинство казахов. Хотя его разработчиками выступили выдающийся законодатель М. М. Сперанский при участии будущего декабриста Г. С. Батенькова, этот односторонний документ лишь продемонстрировал недалекость российского чиновничества. Российское государство решило заменить управление ханов на административно-территориальное. Решив заменить родо-племенное деление степного населения административно-территориальным, чтобы ослабить влияние *белой кости*, сословия, включавшего в себя *султанов* (потомков Чингисхана) и *сеййидов*, в Степи была создана система округов во главе с окружными приказами. Три из пяти членов этой коллегии были казахами, председателем — старший *султан*.

Однако этими мерами российское правительство лишь обрекло кочевое население на ряд новых трудностей, вызвавших недовольство властями именно среди этих социальных групп. Специфика кочевого скотоводства, бывшего основой хозяйственной деятельности казахов, предполагала регламентированное на основе обычного права пользование летними и зимними пастбищами, обуславливавшее и маршрут перекочевок. Сначала строительство укреплений, а теперь и искусственное разделение степного пространства привело к тому, что кочевки были ограничены, это нарушило всю налаженную веками систему хозяйствования, вызывая массовые недовольства среди рядового населения казахов. Еще больше недовольства добавляло навязывание кочевому населению оседло-земледельческого уклада. Российское чиновничество смотрело на кочевых казахов

как на дикий и недоразвитый народ, который необходимо было обуздать и «цивилизовать».

Часть казахской элиты, особенно из северо-западного региона (бывшей Букеевской Орды), постепенно начала поддерживать оседлость кочевников, ориентируясь на пример татар. Последние составили основу мусульманской части городского населения в новых российских городах, возникавших на севере, востоке и в центре Казахских степей.

Так или иначе, пример Казахстана показателен тем, что в различных его исторических районах российское правительство апробировало разные схемы управления кочевым населением. В течение всего XIX в. то здесь, то там вспыхивали антироссийские восстания, однако подавляемые военной силой.

Следует отметить, что в 60-е годы XIX в. полномочия Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) не были распространены на Среднюю Азию (Туркестан), и из сферы его ведения был исключен регион современного Казахстана (в ОМДС входили лишь городские общины с преимущественно татарским мусульманским населением). Мусульманские общины Северного Кавказа, кроме ряда городов в предгорье и адыгских аулов, также фактически не были под контролем ОМДС. Этот вопрос, как было указано выше, был улажен в 1872 г. Что касается мусульман Средней Азии, то в 1857 г. был издан «Устав духовных дел иностранных исповеданий», согласно которому мусульмане Южной Сибири и Средней Азии («бухарцы и другие»), находившиеся «без принятия подданства» подчинялись «в делах духовных общему местному гражданскому управлению и через него — Министерству внутренних дел».

В то же время империя продолжала расширение вглубь Средней Азии, где напрямую сталкивалась с интересами трех крупных оседлых государств: Бухарского эмирата (1753–1920), Хивинского (1512–1920) и Кокандского ханств (1709–1876). Дело в том, что столкновение этих интересов отражала уже борьба за влияние на кочевников, территории которых играли роль своеобразной буферной зоны между крупными державами

Евразии — Россией, Китаем и среднеазиатскими ханствами. Когда же Российская империя сумела непосредственно завладеть этими территориями, сделав их своими колониями, она вплотную подошла к границам Хивы, Бухары и Коканда, нарушив баланс политических сил в регионе. Уже в 40-е годы XIX в. линия российских укреплений подходит к Сырдарье. Так, после захвата устья реки в 1847 г. здесь построено Раимское (Аральское) укрепление, и российские войска перешли к радикальным действиям.

Превосходящая своим экономическим потенциалом и военной мощью Российская империя довольно быстро покорила враждовавшие между собой и разрываемые внутренними смутами ханства. После катастрофического штурма в 1853 г. кокандской крепости Ак-Мечеть на ее месте было основано очередное укрепление (ныне — г. Кызыл-Орда в Казахстане). После длительных, почти годичных, попыток взятия Ташкента, завершившихся все-таки захватом города, в июле 1865 г. указом российского императора Александра II было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром именно в Ташкенте. Одновременно был учрежден Туркестанский военный округ. В 1866 г. Кокандское ханство было окончательно разгромлено, а в 1876 г. ликвидировано как политическая единица. В 1868 г. эмир Бухары, изначально объявивший *джихад*, но затем потерпевший поражение, вынужден был признать протекторат России: по «договору о дружбе» 1873 г. имперское правительство сохраняло за правящей династией номинальную власть, но фактически государство потеряло самостоятельность. Отношения с хивинским ханом усложнялись тем, что своеобразным буфером между Россией и его территориями были земли туркменских племен — т. н. Вольная Туркмения, часть из них формально признавала подданство России, часть — подданство Хивы. Несмотря на разгром хивинских войск и признание ханом протектората России в 1873 г., ряд туркменских группировок отказался принимать навязываемые российским правительством административные преобразования. Туркмены составляли наиболее

боеспособную часть хивинского войска и, по признанию даже российских военных чинов, были непобедимы в рукопашной схватке — победы над ними осуществлялись только при помощи огнестрельного оружия, преимущество в обладании которым как в количественном, так и в качественном отношении было у России. Именно это продемонстрировал известный случай героической обороны туркменами из племени *теке* крепости Гёк-Тепе. Здесь переброшенные с Балкан российские войска, герои Шипки и Плевны, побеждавшие османскую регулярную пехоту, ничего не смогли сделать против туркменских ополчений. Во время одной из вылазок туркменам даже удалось захватить российское знамя. Только отдав приказ не вступать в рукопашную и используя натиск артиллерии, в которой российская армия и в этот раз имела преимущество, имперское командование сумело подавить героическое сопротивление туркмен. Из текинцев впоследствии была сформирована на добровольческой основе особая элитная военная часть в составе российских войск — Текинский полк, бывший личным конвоем известного военачальника Л. Г. Корнилова.

В целом российское правительство ограничивалось на этих территориях организацией военной колониальной администрации (в частности, было введено разделение на волости и уезды с соответствующим чиновничьим аппаратом), сохранив, в сущности, традиционный уклад. Местное население было освобождено от воинской повинности. Вместе с тем здесь основывались отдельные торговые фактории и промышленные предприятия, что опосредовало переселение сюда представителей русскоязычной культуры. Однако непосредственного вмешательства и радикальных попыток изменить быт населения этих территорий, кроме ликвидации некоторых социальных институтов, не предпринималось. Были, например, ограничены в правах шариатские суды.

В действительности генерал-губернатор К. П. фон Кауфман (1867–1882) считал, что мусульманская культура, казавшаяся ему примитивной, была уже изначально обречена на вымирание,

и поэтому, по его мнению, достаточно было просто предоставить ее самой себе и ждать, не вмешиваясь. При этом К. П. фон Кауфман запретил российским христианским миссиям принимать здесь какую-либо свою проповедническую деятельность из-за недовольства местного населения их начавшейся активностью в этом направлении. Одновременно он пресекал и попытки ОМДС каким-либо образом вмешиваться в дела местных мусульман.

Преемник К. П. фон Кауфмана, М. Г. Черняев в 1884 г. организовал специальную комиссию под председательством ташкентского *кади* Мухитдина с целью разработки проекта создания особого Туркестанского духовного управления. Однако в 1886 г. Черняев вышел в отставку, а из-за бюрократических сложностей весь проект был отложен.

Таким образом, если быт населения колониальными властями был почти не тронут, гораздо сложнее были их меры в сфере религиозной политики. С приходом нового правительства в Петербурге и появлением нового главы у колониальной администрации начинаются попытки глубже внедрить в жизнь населения Средней Азии российские нормы. Несмотря на то, что этот сложный процесс растянулся вплоть до 1917 г. и в итоге так и не был завершен, определенные меры по централизации механизмов управления регионом коснулись привычного уклада населения. В то же время, опасаясь влияния Османской империи, принимавшей попытки установить тесные контакты с мусульманскими лидерами Средней Азии, российские колониальные власти стремились децентрализовать религиозные учреждения на этих территориях и ослабить влияние религиозной элиты. Так, ограничивался прием на государственную службу лиц, окончивших медресе, ликвидированы в ряде городов должности *кази-каляна* и *шейх-уль-ислама*. Кроме того, значительные усилия российского правительства были направлены на уничтожение механизмов получения дохода с *вакфов* — с 1886 г. доходы с вакуфных земель были направлены в государственную казну. Так, в Самаркандской области оставлено было без рассмотрения из 1758 вакуфных

документов — 94%, в Ферганской области из 5800 — 72%. К 1901 г. (за 15 лет), по официальным данным, были проверены документы в Ферганской области в четырех уездах из пяти (кроме Кокандского), в Самаркандской области — только в одном уезде из четырех — Самаркандском, в Сырдарьинской области — в одном уезде из пяти — Ташкентском. По официальным данным, в 1887 г. в Туркестанском крае были признаны 395 вакуфных документов на владение 13 023 десятинами земли.

В целом нужно сказать, что, в отличие от управления кочевыми народами, в деле налаживания администрирования на территориях оседлого населения колониальные власти имели гораздо больший успех. Достаточно гибкая политика в отношении местного уклада, видимо, была опосредована необходимостью уменьшения вероятности возникновения конфликтных ситуаций, поскольку определенные претензии на захват территорий Средней Азии имела соперничавшая с Россией Англия, пытавшаяся в то время завладеть территорией Афганистана.

Следует также отметить, что невмешательство в быт населения подразумевало также и его неучастие в политическом управлении территориями. Локальные вопросы решались на основе традиционных институтов, но в целом власть была в руках царских чиновников, непонимание местной культуры которыми в совокупности со злоупотреблениями своим статусом достаточно часто приводили к значительным волнениям в той или иной местности. Так, можно отметить волнения в Ташкентском уезде на реке Карасу (1872 г.), выступления дехкан в Андижанском и Маргиланском уездах (1885 г.), так называемый «холерный бунт» в Ташкенте (1892 г.), волнения в Кокандском и Наманганском уездах (1893 г.) и события в Андижане (1898 г.), наиболее всего продемонстрировавшие религиозное оформление народных выступлений против колониальных властей. При этом определенное влияние на подъем таких тенденций стремилась оказать Османская империя, правительство которой, засылая сюда своих агентов, акцентировало внимание на общности культуры, языка и религии тюркоязычных народов. С другой стороны,

в 1900 г. российским правительством был снят запрет на паломничество в Мекку для мусульман Российской империи, в том числе из Средней Азии.

Нужно отметить, что после Андиганского восстания 1898 г. новую актуальность получил вопрос о создании в регионе особого духовного управления, однако после небольшого периода активности российских чиновников к началу XX в. их интерес к этому вопросу был утрачен.

В действительности, эти аспекты могут быть отнесены скорее к вопросам внешней политики России, поэтому наиболее важным кажется сосредоточение внимания на жизни собственно российских мусульман.

Заслуживает интереса другой момент. Татарский фактор во внутренней политике Российской империи в Средней Азии в начале XX в., по мнению большинства чиновников и экспертов, представлял потенциальную опасность в деле дальнейшего экономического и гуманитарного освоения среднеазиатских территорий. Сыграв важную роль на первоначальном этапе продвижения России в Казахскую степь, Среднюю Азию, с конца XIX в. усиление влияния татар-мусульман в этом регионе стало считаться нежелательным, а их религиозная и просветительская деятельность признавалась вредной.

Правительство на законодательном уровне пыталось ограничивать экономическую деятельность татар в Средней Азии. Они не могли приобретать здесь движимое и недвижимое имущество, покупать и арендовать землю. Еще более значительная угроза виделась в просветительской деятельности татарской интеллигенции, принесшей в регион идеи *джадидизма* (см. след. главу).

В конце XIX в. в Ташкенте действовали татарская мечеть и медресе. В 1904 г. Сахибом Еникеевым был создан татарский театр. Значительную работу проводили татары в налаживании местной периодической печати. Дальнейшее увеличение татарской общины в Средней Азии, по мнению правительства и ряда депутатов Государственной думы, могло составить конкуренцию государственной политике переселения русских крестьян.

Такой политикой правительство только отдаляло от себя ту часть общероссийской мусульманской уммы, которая не просто демонстрировала власти свою лояльность, а на самом деле была настроена абсолютно лояльно в отношении власти.

Несмотря на стремление воздействовать на мусульманские народы региона и уменьшать роль ислама, в котором видели источник угрозы государству и препятствие на пути модернизации, российская власть вынуждена была учитывать и свою неспособность найти замену этим институтам. Очевидной была и потребность иметь механизмы взаимодействия с местной мусульманской элитой.

Вопросы по пройденному материалу:

1. Охарактеризуйте политику российских властей на Кавказе в конце XVIII — начале XIX в.
2. Расскажите об Имамате Шамиля.
3. Кто такой Кунта-хаджи? Каково его влияние на развитие мусульманской традиции на Северном Кавказе?
4. Что такое мухаджирство в истории народов Северного Кавказа?
5. Какие территории не входили в сферу полномочий Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС)?
6. Расскажите об этапах проникновения Российской империи на территорию Средней Азии.
7. Охарактеризуйте политику колониальных российских властей на территории Средней Азии.
8. Существовали ли различия в действиях российской администрации на Кавказе, с одной стороны, и в Казахстане и Средней Азии — с другой?
9. Что можно сказать о роли татар в становлении диалога российских властей с мусульманским населением Кавказа, Казахстана и Средней Азии?
10. Что Вы знаете о мерах, предпринятых российскими властями в направлении создания особых Духовных управлений для мусульман Кавказа, Казахстана и Средней Азии?

ГЛАВА VII. РАЗВИТИЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В.: ДЖАДИДИСТЫ И КАДИМИСТЫ

Едва ли следует снова напоминать тот очевидный факт, что политика российского правительства, направленная на христианизацию и русификацию многонационального населения страны, давала свои плоды. По крайней мере, по формальным статистическим данным, к концу XVIII в. значительно выросло число новокрещеных по сравнению с началом века. Действительно, целые мусульманские села, подверженные христианизации, впоследствии растворялись среди прочих, теряя свою культурную самобытность, а затем, по прошествии нескольких поколений, и языковую идентичность. При этом уже после некоторых действий императрицы Екатерины II, отменившей радикальные меры в отношении мусульман, фиксируется ряд случаев, когда обращенные в христианство при прежних правителях жители бывших мусульманских (а теперь формально христианских) сел обращались к властям с просьбой разрешить им официально вернуться к исламу.

Так или иначе, становилось очевидным, что мусульмане составляли значительную часть российского общества, и попытки налаживания диалога и поиска путей взаимодействия исходили как от российских властей, хотя непоследовательно и противоречиво, так и от представителей самой российской уммы.

15 декабря 1800 г. правительством были сняты все ограничения на издание и распространение в России исламской религиозной литературы. При Казанской гимназии была учреждена типография, с февраля 1801 г. приступившая к печати книг на арабском шрифте: Корана, религиозной и учебной литературы на арабском и татарском языках. При этом для проверки

текстов Корана был назначен имам мечети Старотатарской слободы Мухаммед Абдразяков, другая литература проверялась Оренбургским муфтием. Качество этой продукции получило высокую оценку по всему мусульманскому миру.

Тем не менее отношение властей к мусульманам оставалось настороженным. Так, например, подписанный 23 марта 1803 г. императором Александром I указ, разрешающий находящимся на территории Российской империи мусульманам получать паспорта и совершать *хадж*, касался лишь бухарцев, проживавших на территории империи, но не бывших ее подданными, в то время как в отношении собственно российских мусульман подобных мер не предусматривалось. Речи не идет о каких-то запретах для них, а только о том, что государство никак не способствовало им в организации этих мероприятий, остававшихся, в сущности, делом личных возможностей.

В июле 1810 г. императором Александром I было создано Главное управление духовных дел разных (иностранных) исповеданий, в функции которого входил также и надзор за мусульманами. С 1817 по 1824 г. оно было под юрисдикцией Министерства духовных дел и народного просвещения, значась как Департамент духовных дел. В 1824–1832 гг. оно именовалось Главным управлением духовных дел иностранных исповеданий, затем отсюда выделился самостоятельный Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Уже в 1831 г. вводится процедура судебной присяги для мусульман, имевшей отдельно разработанный текст и осуществляемой на Коране. Согласно принятому в 1836 г. уставу Департамента духовных дел иностранных исповеданий муфтий должен был избираться самими представителями мусульманской общины, но на деле он назначался царским указом.

Следует также отметить, что мусульманское духовенство Крыма продолжало сохранять свою автономию. Согласно соответствующему Положению 23 декабря 1831 г. был утвержден штат Таврического магометанского духовного правления, а также расширены подведомственные ему территории — кроме

собственно Крыма, его полномочия распространились на «западные губернии», располагавшиеся на территории современных Литвы, Белоруссии, Польши и Западной Украины. Иначе говоря, ему подчинялись польско-литовские татары, проживавшие на стыке границ современных Польши, Литвы и Беларуси с XIV в. Немногочисленное население, потерявшее к тому времени язык, имело высокий социальный статус, состоя в дворянском (шляхетском) сословии и, как следствие этого, имея высокий образовательный уровень. Два последних условия сыграли ключевую роль в исключительной роли этой немногочисленной этноконфессиональной группы в дальнейшей истории ислама в России. Из представителей из этой же группы с 1803 г. формировался Лейб-гвардии Уланский полк.

В первой половине XIX в. в Российской империи с подачи министра народного просвещения графа С. С. Уварова при Николае I оформляется своеобразная концепция гражданства — так называемая «теория официальной народности», в основе которой лежал лозунг «православие, самодержавие, народность» (1833 г.). Это не означало возвращения к насильственной христианизации, но фактически создавало новую шкалу для социальной стратификации общества. Принадлежность к православию рассматривалась в качестве основного маркера полноправного члена общества, для которого в рамках его сословия были открыты все направления социальной мобильности. Таким образом, лица, не принадлежавшие к православной конфессии, были ограничены в возможностях социального роста в масштабах государства. Это, однако, не мешало представителям других религий добиваться значительных успехов в тех сферах, где их вероисповедание позволяло чувствовать себя монополистами или, по крайней мере, не было препятствием для улучшения своего положения. Многие мусульмане активно занимались торговлей, одновременно помогая при помощи вырученных средств развитию исламского образования — они создавали благотворительные общества, выделяли деньги на строительство и ремонт мечетей, медресе.

В 1849 г. последовала попытка прокурора Святейшего синода повлиять на императора с целью прекращения печатания Корана, поскольку, по его мнению, распространение книги способствовало возвращению к исламу множества крещеных татар. Однако специально созданная комиссия, во-первых, не установила связи между этими двумя явлениями, во-вторых, поскольку продажа экземпляров Корана в государства Средней Азии (Хиву, Бухару, Коканд) приносила большой доход в казну, к тому же российская продукция в этой сфере вытесняла конкурирующих англичан, поэтому просьба синодского прокурора была отклонена.

С того же 1850 г., еще при Николае I, мусульмане, служившие в российской армии, приводились к воинской присяге, для которой был составлен отдельный текст (переводившийся также на национальные языки, включая и арабский), на Коране, при участии муллы. В 1854–1855 гг. в отдельных военных подразделениях, где служили мусульмане, вводятся штатные должности военных мулл «для исправления духовных треб, а также для приведения к присяге нижних чинов из Магометан». При Александре II, в 1857 г., был принят составленный еще при его предшественнике «Устав духовных дел иностранных исповеданий», значительное внимание уделивший исламу. Как уже было сказано выше, в конце XIX в., в 1872 г., в России создаются два «Духовных собрания по заведованию лицами магометанской веры», в сущности, муфтияты регионального характера, на Южном Кавказе, суннитское и шиитское, размещенные в Тифлисе, просуществовавшие до 1917 г. Они также находились в ведомстве Министерства внутренних дел. При этом по-прежнему председатели (муфтий в первом случае и шейх-уль-ислам во втором) не избирались из членов общины, а назначались указом императора. Согласно постановлению Государственного совета 1887 г., мусульмане были «свободны в отправлении своего культа при условии, что это не будет вредить православной церкви».

Ограничение возможностей проявить себя в масштабах страны, но в то же время отсутствие каких-либо активных

репрессивных мер со стороны властей — все это сближало российских мусульман в рамках общих задач по сохранению и развитию своей культуры.

Кроме того, как указывалось в предыдущей главе, выходцы из российской мусульманской среды, что характерно, люди образованные, но, соответственно, бывшие выпускниками медресе (см. ниже), начинают активно привлекаться властями к преподавательской и исследовательской деятельности, что, несомненно, способствовало их интеграции в среду российской интеллигенции.

Значительные ментальные перемены происходили и в других социальных группах.

После изобретения в 1853 г. керосиновой лампы в мире возрастает значение нефти, что способствует усилению интереса российских элит к бакинским месторождениям. Параллельно шедшая колонизация Средней Азии подстегивается возможностью развития хлопковой промышленности. Рост промышленного производства во второй половине XIX в. делает неизбежным повышение интереса к новым технологиям, а вызванная необходимостью создания пролетариата произошедшая в 1861 г. реформа по отмене крепостного права подстегивает усиление увлечения либералистскими идеями. «Великие реформы» Александра II (1855–1881) и индустриализация, начавшаяся в правление Александра III (1881–1894), совпавшая с эпохой второй промышленной революции, вытолкнули сотни тысяч мусульман за пределы традиционных общин и заставили их конкурировать на общероссийском уровне, где традиционная мусульманская система образования оказалась нежизнеспособной.

После переноса функционировавшей со второй половины XVI в. и приобретшей широкую популярность Макарьевской ярмарки в 1817 г. в Нижний Новгород, на место впадения Оки в Волгу, по указу императора Александра I здесь был выстроен специальный комплекс, включавший Спасский (Староярмарочный) собор, армяно-григорианскую церковь и каменную мечеть. Ярмарка, находясь на стыке западных и восточных торговых

коммуникаций, приносила большой доход государству, и ее значение возросло во второй половине XIX в. до международного после открытия в 1862 г. железной дороги между Москвой и Нижним Новгородом. Кроме того, ярмарка, будучи не только торговым, но и культурным центром, становится местом контактов представителей мусульманской интеллектуальной элиты.

Таким образом, в это время среди интеллектуальной элиты российских мусульман сам по себе вставал вопрос о будущем уммы — о выборе дальнейших путей ее развития в складывавшихся условиях.

Интеграция представителей мусульманских народов в среду российской интеллектуальной элиты с ее системой ценностей, более близкой к западному образцу, в середине XIX в. еще не стала массовым явлением, однако на примере отдельных личностей можно проследить, какие новаторские реформистские идеи проникали в сознание представителей традиционных культур при их столкновении с иной ценностной шкалой. Их решительность, отметим еще раз, компенсировалась незначительным масштабом распространения. Однако эти идеи касались пересмотра самых различных сфер жизнедеятельности обществ, живущих на основе исторически сформировавшихся социальных норм и институтов. Так, самые разнообразные попытки обратить внимание на излишний консерватизм традиционного быта и религиозного догматизма, призывы к синтезу с элементами связанных с технологическим прогрессом западных культур можно увидеть в деятельности выходцев из казахской среды: представителя знатного рода, ставшего офицером российской армии и прославившегося как востоковед и этнограф, Шокана Валиханова (1835–1865), педагога и этнографа Ибрая Алтынсарина (1841–1889), поэта и философа Абая Кунанбаева (Кунанбайулы) (1845–1904); это также и азербайджанские деятели: поэт, писатель и журналист Аббас-Кули-ага Бакиханов (1794–1847), востоковеды Мирза Джафар Топчибашев (1790–1869) и Мухаммед Али Гаджи Касум оглы (Александр) Мирза Казем-бек (1802–1870), писатель и философ

Мирза Фатали Ахундов (Ахундзаде) (1812–1878), поэт Сеид Азим Ширвани (1835–1888), публицист Гасанбек Зардаби (Меликов) (1837–1907); «туркестанский» просветитель и религиозный деятель Саттархан Абдулгафаров (Абдусатархон Абдулгафор угли) (1846–1901).

Все эти люди стали проводниками идей синтеза прогрессивных элементов западных культур в традиционные пласты культур мусульманских народов, населявших колониальные владения Российской империи, выступая за введение новых литературных жанров, изменение методики преподавания, реформы алфавита и др. Хотя во многом их увлечение западными ценностями было отчасти идеалистическим и в чем-то чрезмерным, тем не менее они сделали возможным постановку ряда вопросов о налаживании путей взаимной интеграции двух типов культур — материалистической и технократической западной и культур традиционного типа, более гармоничных и консервативных. Главной их целью было просвещение. Так, Ибрай Алтынсарин в 1864 г. открыл первую народную школу для казахов, написав в 1879 г. «Начальное руководство к обучению казахов русскому языку», а в 1884 г. на казахском языке составил учебное пособие «Шариат-уль-ислам» («Законы ислама»), планируя внедрить его в учебную программу как основной предмет по аналогии с «Законом Божьим», преподававшимся в русских школах. Зардаби с 1875 г. издавал в Баку первую газету на азербайджанском языке «Экинчи» («Сеятель»). Перед каждым из них стояла задача возвысить свой собственный народ, и потому их деятельность носила более локальный характер.

Важную роль в процессе интеграции мусульманских элит в имперскую среду, обеспечения их лояльности было образование мусульманских команд в составе Собственного Его Императорского Величества Конвоя, с 1826 г. — Команды крымских татар, с 1830 — Горского полуэскадрона (ногайцы, адыги, кумыки, чеченцы), позже — Команды лезгин и команды мусульман (азербайджанские тюрки). Отбор производился из «лучших людей», то есть знатнейших и авторитетнейших фамилий.

Помимо охраны императора и членов его семьи, участия в приемах иностранных делегаций, следует учесть и образовательный момент в деятельности этих команд. Всех их обучали в Дворянском полку, Кадетском корпусе, Санкт-Петербургском университете, целью было формирование лояльных империи элит. При этом воспитательная часть лежала на муллах (эфендиях) — поволжских татарах и кумыках, для шиитов — азербайджанских тюрках. Как уже отмечалось выше, будущий третий оренбургский муфтий Абдулвахид Сулейманов выполнял эти функции, преподавая у воспитанников Кавказского полуэскадрона императорского конвоя и в Царскосельском Кадетском корпусе. В 1881 г. был расформирован Горский полуэскадрон, а в 1890 г. — и команда крымских татар. Немало выходцев из знатнейших родов мусульман — казахских и азербайджанских ханов, бухарского эмира, башкиро-мещеряцких кантонов (кантонных начальников) получила образование в стенах Павловского Кадетского корпуса (Санкт-Петербург) — лучшего военного образовательного учреждения страны (с 1863 г. — Павловское военное училище). Многие из его выпускников, обладая двойной идентичностью и лояльностью, отстаивали интересы уммы, служа при этом Российскому государству. Среди них генералы Султан Хаджи Убайдулла Джангерулы князь Чингисхан (Убайдулла Чингисхан) (1840–1909) и Абдулазиз Абдуллоевич Давлетшин (1861–1920). Оба они отстаивали право российских мусульман на совершение хаджа и приравнивание хаджи к статусу православных паломников, оба принимали участие в строительстве мечетей в Твери (первый) и Санкт-Петербурге (второй).

Именно в 1891 г. в Джидде было открыто российское консульство, функцией которого был учет подданных Российской империи, прибывавших туда. Первым консулом был назначен татарин Шагимардан Мирясович Ибрагимов (1841–1892). Таким образом, только к концу XIX в. фиксируются первые государственные меры, направленные на регулирование и организацию хаджа российских мусульман.

В этих же условиях в рядах российских мусульман, преимущественно татар, возникло движение национально-религиозного возрождения (*ислах*). Здесь образовалось два противоборствовавших идеологических течения. Первое — кадимизм (*усул кадим*, от арабск. *кадим* — «старый») — в сущности, традиционалистское, консервативное направление, сторонники которого выступали за сохранение мусульманских устоев без реформ и внедрения в него каких-либо новшеств. Второе — джадидизм (*усул джадид*, от арабск. *джадид* — «новый») — направление, проповедующее необходимость адаптации мусульманского общества к меняющейся окружающей обстановке путем преобразования и переосмысления некоторых норм и устоев, порой с учетом самой ранней традиции, восходящей к пророку Мухаммаду. Изначально полемика между сторонниками двух направлений возникла вокруг вопроса о методике мусульманского образования: кадимисты выступали за сохранение традиционной системы и методов обучения, джадидисты считали, что необходимы реформы как методической, так и содержательной стороны, при этом они ориентировались на западную методику, полагая, что религиозное образование необходимо совмещать с изучением русскоязычной и западной литературы, приобщением к научным достижениям современности. При этом и те и другие прибегали в своей аргументации к ссылкам на Коран и наследие Пророка. Кадимисты имели значительный ресурс в связи с тем, что, будучи в основном представителями мусульманского духовенства, они воплощали свои идеи в ходе проповедей в мечетях и медресе, тогда как джадидисты стремились к реформированию медресе (см. ниже о проекте Хусаина Фаизханова) и созданию новых учебных заведений. Понятное дело, что кадимисты встречали гораздо большее сочувствие у населения — сторонников традиционного образа жизни в деревнях и татарских слободах городов, но показали свою неконкурентоспособность в масштабах государства, в то время как джадидисты, наоборот, получили поддержку среди модернизирующихся слоев российского общества в лице буржуазии, интеллигенции,

дворянства, части духовенства (особенно в городах). Однако часто не находившие понимания среди современников-мусульман, джадидисты, тем не менее, выступили с идеями, которые надолго пережили своих авторов и до сих пор продолжают сохранять свою актуальность.

Впервые подобные вопросы стали вставать в работах двух крупных мусульманских мыслителей: ученого и поэта Абд ар-Рахима бин Усмана аль-Булгари Утыз-Имяни (1754–1835/1836), бывшего шейхом суфийского братства накшбандийа, а также богослова и правоведа Абу Насра аль-Курсави (1776–1812) — ученика и последователя известного видного ученого и суфийского наставника братства накшбандийа Ниязкули ат-Туркмани (ум. 1820/1821). Первый выступал с традиционалистских позиций, видя возможным обновление ислама через *таклид* имамов ханафитского направления и обращение к *зухду* — исламскому аскетизму. Второй видел пути обновления ислама через очищение его от «искажений» лишь в прямом обращении к Корану и Сунне, не выходя при этом за рамки ханафитского мазхаба, в сфере права он, соответственно, выступал за *иджтихад*. Курсави ориентировался на ознакомление максимально широких слоев населения с содержанием Корана путем создания татароязычного *тафсира* — толкования Корана. Впрочем, их полемика не выходила за рамки богословской сферы.

Однако среди их современников формировались и идеи, выходящие за рамки богословской полемики. Так, известен поэт и просветитель Мухаммед Али аль-Чукури (Али Чокрый) (1826–1889). Воспевавший идеи «булгарской» родины, он говорил о необходимости сплочения мусульман Урало-Поволжья, но при этом не отрицал их принадлежности к Российскому государству, призывая к мирному сожительству и, по сути, культурному симбиозу.

Сама специфика традиционного мусульманского образования, не предполагавшая четкого разделения, как это принято на Западе, между сугубо светским и религиозным знанием, обусловила тот факт, что сфера затрагиваемых мусульманскими

просветителями вопросов была очень широка, выступая в их понимании как единое целое.

Именно поэтому целая плеяда известных мусульманских деятелей XIX в. не может быть однозначно охарактеризована с точки зрения их профессиональной деятельности — каждый из них выступает одновременно как богослов, философ, историк, филолог, педагог. Это были люди энциклопедического склада по масштабу охвата интересов. Вероятно, каждому из них были присущи какие-то недостатки знаний в методике по конкретному специальному направлению, но базовая подготовка позволяла им с большой долей компетенции приступать к решению проблем самого разного плана. В сущности, это была особая форма знаний.

К таким людям относится Шихабутдин Марджани (1818–1889), разработавший концепцию истории татар, которая берет начало в тюркских мусульманских государствах в лице Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского, Астраханского, Сибирского, Касимовского, Крымского ханств. Ш. Марджани также известен как выдающийся ханафитский богослов. Согласно его взглядам, в современной ему России татары должны были создать модернизирующуюся нацию под руководством религиозных лидеров. Сам Ш. Марджани стремился занять пост муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), но ему это не удалось. Свои идейные взгляды он концептуально изложил в работе «Назурат уль-хакк» («Обозрение истины», 1870). Кроме того, Марджани были собраны и обобщены не только исторические сведения, но и данные о выдающихся деятелях мусульманской культуры Поволжья, о которых можно узнать из его произведения «Мустафад аль-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар» («Кладезь сведений о делах Казани и Булгара», 1885 г.), готовилось подобного плана сочинение «Вафийат аль-асляф ва тахийат аль-ахляф» («Подробное о предшественниках и их приветствия потомкам»), где были собраны данные о более чем шести тысячах ученых и мыслителях мусульманского мира, но эта книга так и не увидела свет при жизни автора.

Его ученик и соратник — Хусаин Фаизханов (1823–1866) был талантливым и разносторонним человеком, проявившим себя во многих областях, но, однако, он рано ушел из жизни. Фаизханов был первым из выходцев из мусульманской культуры, имеющих классическое религиозное образование, взятых на работу лектором в светский вуз. Он готовил свой проект реформы мусульманского образования на уровне медресе, написав труд «Ислах мадарис» («Реформа медресе»). По мнению Х. Фаизханова, часть российской мусульманской элиты должна была получить высшее богословское образование, а часть — высшее светское. При этом обе группы должны были иметь мусульманское образование среднего уровня, достаточное для выполнения функций имама. Большая часть передовых в научном и идейном плане трудов Фаизханова не увидела свет при его жизни.

Кроме того, оба они, Ш. Марджани и Х. Фаизханов, также могут считаться первыми из среды российских мусульман, кто вывел на новый методологический уровень мусульманскую историографию, перейдя от фактологии, штампов и компилирования к критическому подходу.

При этом не следует рассматривать этих и других деятелей как бравшихся «из ниоткуда» и появлявшихся сами по себе. Появление в середине XIX в. целой плеяды передовых интеллектуалов было закономерным и обусловленным явлением, учитывая, что и сами они, понимая в некотором роде свою обособленность от русской интеллигенции и настороженное отношение к себе как к «инородцам», искали столь же самобытных выдвиженцев гораздо более близкого им культурного начала, тянувшись друг к другу и взаимодействуя. Известно, что Фаизханов общался и дружил с Валихановым, изучал творчество молодого Алтынсарина, который впоследствии состоял в переписке с Исмаилом Гаспринским, о котором будет сказано ниже. Из переписки Фаизханова с Марджани можно сделать вывод о дружеских отношениях первого с заведующим кафедрой арабского языка Восточного разряда Санкт-Петербургского университета Мухаммадом Айядом ат-Тантави (1810–1861).

Другой пример взаимодействия мусульманской и западной культур представляет личность Каюма Насыри (Абделькаюма Насырова) (1825–1902). Он известен как этнограф, литератор и просветитель. Получив, как и многие другие, классическое мусульманское образование, он сумел устроиться в Казанское духовное училище и затем Казанскую духовную семинарию, где преподавал будущим священникам татарский язык. Он открыл первую в Казани школу по обучению русскому языку мусульманских детей. Его работы по этнографии пользовались большим интересом у светских ученых, заслушивавших его доклады в стенах Казанского университета.

В русле сближения мусульманской и западной культур через преодоление консерватизма и догматизма первой лежит деятельность богослова Зайнуллы Расули (Расулева) (1833–1917), который, будучи приверженцем суфийского тариката накшбандийа, ветви халидийа, достаточно рано осознал консервативный характер исламской богословской традиции. Основанное им в 1883 г. медресе Расулийа в г. Троицке (Оренбургской губернии, ныне Челябинской области) стало одним из первых мусульманских новометодных учебных заведений Южного Урала.

Перекликается с подобной проблематикой деятельность другого представителя мусульманской интеллектуальной элиты Мурата Рамзи (1855–1934). Как и Ш. Марджани, и Х. Фаизханов, обладая сильной подготовкой с точки зрения мусульманской образовательной традиции, он также стремился синтезировать ее с методами западной науки. Воплощением его усилий стал тот факт, что он написал двухтомный труд «Тальфик аль-ахбар ва тальких аль-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар» («Собрание сведений и событий прошлого Казани, Булгара и татарских царей», 1908) по истории тюрков, проживавших в Российской империи, при этом значительная его часть была посвящена биографиям крупных суфийских шейхов Урало-Поволжья и Северного Кавказа.

Позже, уже в начале XX в., реализовать подобные проекты реформирования мусульманского образования пытался

будущий первый избранный (см. след. главу) муфтий (1917–1921) Алимджан (Галимджан) Баруди (Галеев) (1857–1921), которому удалось основать одну из крупнейших новометодных школ (1882 г.) на базе медресе Мухаммадийа в Казани. Как уже говорилось, новые методы обучения основывались на идее адаптировать западные подходы к образованию на мусульманской платформе, сохранив сами основы и сущность мусульманского образования.

Ризаэтдин Фахретдин (Фахретдинов) (1859–1936), также будущий муфтий (1923–1936), создал ряд биографий выдающихся деятелей мусульманского мира, сотни биографий имамов Волго-Уральского региона, сведя их в сочинении «Асар» («Деяния»). В труде «Дини вэ иджтимагый мэсьэлэлэр» («Религиозные и общественные вопросы») он доказал непротиворечие между принципами конституционного правового государства и принципами правления, основанными на Коране и Сунне.

Зияутдин Камали (1873–1942) получил образование в университете Аль-Азхар в Каире у выдающегося богослова-реформатора муфтия Египта Мухаммада Абдо (1849–1905). Камали сконцентрировал усилия на попытках рационального осмысления основ ислама, создал медресе Галийа в Уфе (1906 г.), которое попытался превратить в центр подготовки богословов. Камали принадлежит первый перевод Корана на татарский язык. Среди прочих он написал четырехтомный реформаторский труд «Фальсафа исламийа» («Философия ислама»), опубликованный лишь частично.

В широком философском контексте проблему подобного синтеза достижений западной цивилизации с нормами ислама поднимал Муса Джарулла Бигиев (Биги) (1873–1949), считавший важнейшей необходимостью для очищения ислама и возвращения к первоначальным смыслам подготовку выверенного перевода Корана на национальные языки. Среди крупнейших его сочинений можно назвать «Историю Корана и Свитков» («Тарих аль-Куран ва-ль-Масахиф», 1905), высоко оцененное самим М. Абдо, «Основы шариата» («Шариат асаслары», 1907),

«Доказательства божественного милосердия» («Рахмат иляхийя борханлары», 1911), «Закят» («Закят», 1916), и многие другие.

Яркой личностью среди джадидистов был выходец из сибирских татар Габдрашит Ибрагим (Ибрагимов) (1857–1944), получивший в свое время богословское образование в учебных заведениях Кышкара (в Заказанье), Медины, Мекки и Стамбула, а впоследствии ставший одним из наиболее активных политических деятелей, отстаивавший интересы мусульман как в Российской империи, так и позднее и ставший идеологом первой мусульманской политической партии (см. след. главу).

Что касается кадимизма, то важно заметить, что сама по себе деятельность представителей этого направления не была столь масштабна, активизируясь скорее в ответ на деятельность джадидистов. Кадимизм, по сути, должен рассматриваться как логическое продолжение тех оформившихся еще под непосредственным влиянием событий XVII–XVIII вв. тенденций консервации мусульманской общины, замыкания в себе как ответ на ассимиляторскую политику правительства. Сформировавшиеся стереотипы недоверия к правительству и ко всему, что с ним связано, само по себе вызывало негативное отношение к тем представителям мусульманской уммы, кто каким-то образом шел на контакт с ними. Для понимания сущности кадимизма следует обратить внимание на характер деятельности представителей этого течения. Это, безусловно, были очень образованные люди своей эпохи, также стремившиеся улучшить жизнь российской уммы. Однако, сравнивая методы кадимистов с методами джадидистов, их можно назвать «экстенсивными» — они строили мечети, открывали медресе, как бы продолжая существовать по инерции внутри уммы, но вне окружающего мира, а активизировались как публицисты или общественники лишь исключительно в полемике с джадидистами.

Как пример здесь можно упомянуть такую яркую фигуру как *ишан* Ишмухамет Динмухаметов (1842–1919), который также известен как Ишми-ишан. Получив образование в Бухаре, он вернулся в родное село Тюнтер, где стал имамом-хатибом.

Он был очень образованным человеком и сразу проявил себя как талантливый педагог, преподавая в медресе, и публицист. Он активно издавал статьи, где критиковал взгляды А. Курсави и Ш. Марджани, обвиняя их в искажении Корана и Сунны, а также в невежестве. Он активно препятствовал открытию новометодных заведений в родном селе.

Пример деятеля другого типа представляет собой Мухаммад-Закир аль-Чистави (Камалов) (1804–1893). Он долгое время исполнял функции имама-хатиба мечети в Чистополе, но в то же время занимался торговлей, почему был человеком состоятельным. В 1847 г. он на свои деньги открыл медресе Камалийя, где преподавал классические предметы. Характерно, что именно в этом медресе в свое время учились, например, Ризаэтдин Фахретдин и Гаяз Исхаки. Также известно, что позже он встал на путь тариката накшбандийа.

Таким образом, не следует рассматривать кадимизм как исключительно негативное явление в истории уммы, и деятельность его последователей должна рассматриваться не как деструктивная, а как тормозящая. Наверное, в качестве проявления совсем крайнего варианта именно деструктивных сил можно считать ваисовское движение, известное под официальным названием «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман», организовавшееся среди татар под руководством Багауддина Ваисова (1810 или 1819–1893), объявившего себя потомком Пророка Мухаммада. Ваисовцы также выступали за «чистый ислам», создав еще идеализированный образ Волжской Булгарии, призывая отказаться от идентификационного термина «татар» и возродить Булгарию как мусульманское государство. Они не подчинялись царским чиновникам, игнорировали все меры правительственной администрации и официального духовенства, при этом не отрицали своего подчинения царю. Тем не менее они принимали участие в различных волнениях и беспорядках, почему и преследовались властями. Сам Ваисов в 1884 г. был арестован и помещен в психиатрическую лечебницу, где впоследствии и умер. Таким образом, в последующем спектр деятельности

представителей обоих течений — кадимизма и джадидизма — расширился, как расширились и масштабы дискуссионных вопросов. И кадимисты, и джадидисты открывали свои образовательные учреждения, основывали печатные органы, выпускали периодические издания, выступали со статьями и книгами. Постепенно полемика от сферы исламского образования перешла к проблемам перемен в различных сферах жизни мусульманского общества и вышла на уровень вопросов о перспективах уммы в составе современного Российского государства, и даже шире — о поиске диалога мусульманских традиций с ценностной системой современного мира.

Центрами джадидизма в Волго-Уральском регионе стали медресе Мухаммадийа, Апанаевское (оба в Казани), Галийа, Усманийа (оба в Уфе), Хусаинийа (в Оренбурге), Расулийа (в Троицке), Буби (в деревне Иж-Бобья, ныне — село в Агрызском р-не совр. Республики Татарстан). Программа обучения в них включала преподавание основ религии, базируясь на Коране и Сунне, изучение истории ислама, тюрко-татарской истории, арабского, татарского и русского языков, а также светских наук. Срок обучения мог достигать 14 лет. Программа медресе Мухаммадийа включала три уровня (разряда): начальное обучение (*ибтидаийа*), эквивалентное уровню мектеба (начальной школы), включало в себя 5 классов, в т. ч. подготовительный; второй уровень — среднее обучение (*санавийа*) — включал 6 классов, по окончании которых выпускались азанчи (муэдзины, т. е. чтецы азана), муллы, муаллимы (учителя); высшее образование (*алийа*) предполагало наличие трех классов, завершение которых предусматривало подготовку мулл более высокой квалификации и мударрисов — руководителей медресе. Медресе Хусаинийа имело несколько иную программу, включавшую 4 разряда: начальное обучение (*ибтидаийа*) из трех классов, среднее обучение (*рушдийа*) из четырех классов, подготовительное к высшему обучению (*идадийа*), предполагавшее четыре класса, и высшее обучение (*алийа*) — три класса. Данный вариант был также характерен для медресе Усманийа и Галийа в Уфе.

Следует отметить, что на рубеже XIX–XX вв. значительную роль в общественной жизни российских мусульман начинают играть благотворительные общества (*джамийат хайрийа*), основной задачей которых было обеспечение образования для людей с небольшим достатком — сначала в джадидистских школах, затем наиболее способные могли продолжить обучение в медресе, российских и зарубежных учебных заведениях. В 1903 г. таких обществ было восемь, в 1915 г. — уже восемьдесят семь. Кроме того, что речь идет об образовании, здесь учащиеся могли заниматься музыкой или театральным искусством. Особенно активно такие общества функционировали в Казани, Оренбурге, Троицке. В Уфе и Оренбурге, кроме того, открываются женские благотворительные общества, обеспечивавшие не только базовое обучение, но и готовившие учителей.

Здесь следует отметить благотворительную деятельность татарских купцов, покровительствовавших мусульманской культуре. В частности, это семейство симбирских купцов Акчуриных или Яушевых из г. Троицка, жертвовавших деньги на строительство мечетей и медресе. Таковой была деятельность Ерзиных в Москве и Мусиных в Семипалатинске. Так, именно купец Ахмет Хусаинов (1837–1906) основал в 1890 г. в Оренбурге упомянутое выше медресе Хусаинийа, прославившееся на весь мусульманский мир России.

Активность татарских предпринимателей распространялась и на окраины империи. Так, например, в 70-е годы XIX в. начинается активное движение татарских предпринимателей в Финляндию. Когда в конце XIX в. было начато строительство Китайско-Восточной железной дороги, немалое число татарских купцов выехало на Дальний Восток с желанием спонсировать проект. В 1898 г. был основан г. Харбин, где в 1904 г. была официально создана татарская община (в 1906 г. открыта мечеть, имамом-хатибом которой стал Иниятулла Селихметов (Ахмедиди) (? — 1907)).

Для представителей джадидизма, в отличие от их оппонентов, заочно отвергавших все новое, приходящее извне, было

характерно стремление к расширению своего кругозора за счет ознакомления с новыми философскими, политическими, правовыми взглядами и идеями благодаря чтению работ русских и западных авторов, что давало им новую почву для размышлений, материал для сопоставления, направления для развития и углубления собственных мыслей. Вместе с тем, как ни странно, взгляды кадимистов и их противостояние очевидному прогрессу, смыкались со стремлением имперских властей не допускать усиления позиций национальных меньшинств.

Особое значение в масштабах России имеет общественная деятельность Исмаил-бея Гаспралы (1851–1914), известного так же как Гаспринский. Выходец из крымско-татарского народа, писатель, публицист, общественный и политический деятель, он сделал многое для развития мусульманского просвещения, способствуя открытию школ, медресе, созданию печатных органов. В 1874–1875 гг. он провел два года в Османской империи, где ознакомился с идеями младотурок, реформаторскими воззрениями, отраженными в трудах мусульманского индийского мыслителя Саид Ахмад-хана (1817–1898), афганского идеолога Джамаль ад-Дина аль-Афгани (1839–1897) и египетского муфтия-реформатора Мухаммада Абдо (1849–1905). Уже вернувшись из поездки, Гаспринский совмещает политическую деятельность с образовательной, устроившись учителем русского языка в медресе Зынджырлы, где учился сам и где пытался теперь апробировать новые методы обучения. Только в 1884 г. ему удается открыть в Бахчисарае первое новометодное учебное заведение.

Важен вклад Гаспринского в сближение российских мусульман-тюрков. Не менее важной была его деятельность в масштабах государства — он активно поднимал вопрос о поисках путей взаимодействия русскоязычного населения и российских мусульман, преимущественно тюрков, в рамках одной государственной системы. Он излагал свои мысли в выпускаемой им первой и в какое-то время единственной легальной в стране тюркоязычной газете «Терджуман» («Переводчик») (выходила с 1883 по 1918 г.). Говоря о культурном и языковом единстве

российских тюрков, Гаспринский в то же время выступал с мнением о необходимости для них изучать русский язык, объективно являвшийся ключом к взаимопониманию между разнородным населением Российской империи, как он выразился в одной из работ, — «нашего обширного великого отечества». Таким образом Исмаил-бей стремился провести объединение русского общества, учитывая несколько срезов на высших уровнях самоидентификации: тюрк — мусульманин — подданный Российской империи. Подробно свои взгляды он обобщил и сформулировал в книге «Русское мусульманство» (1881 г.). При этом важно отметить, что, будучи человеком своей эпохи, он употреблял слово «русский», как это было с подачи правительственной политики распространено тогда, в качестве синонима к понятию «российский».

Взгляды Исмаил-бея имели основополагающее значение, оказав влияние на идеи других представителей мусульманской интеллигенции — принимали ли они их в той или иной мере и развивали дальше или же отрицали, но, тем не менее, полемизировали с ним, что в любом случае также демонстрирует их фундаментальный характер.

Важно отметить также и другой теоретический момент. Значение идей Гаспринского имеет более глобальные масштабы — фактически он предвосхитил зародившиеся несколько позже, уже среди русской интеллигенции, идеи евразийства. Эта проблематика выходит гораздо шире за рамки вопросов о судьбе исламской уммы, поскольку он ставил вопрос в национальном аспекте, говоря фактически о создании многокомпонетной политической российской нации.

Наряду с Бахчисараем, где печаталась газета «Терджуман», ведущими центрами мусульманского книгопечатания были Казань, Оренбург, Баку, Санкт-Петербург. В частности, например, казанская «Типография, литография и словолитня братьев Каримовых» за период 1901–1917 гг. выпустила 1763 издания, составившие более 20 миллионов экземпляров. Для мусульманских издательств характерно разнообразие выпускаемой

литературы: как с точки зрения жанровой принадлежности — от традиционных религиозных текстов до современной образовательной и художественной литературы и публицистики, так и с точки зрения политической направленности — консервативные, либеральные, социалистические издания.

Общие тенденции, характерные для западной интеллектуальной элиты, не могли не найти отражения в умах передовых представителей мусульманской общественности в России. Формирование национальных государств в XIX в., зарождение социальных противоречий между буржуазией и сформировавшимся пролетариатом, развитие идей либерализма и социализма, — дискуссии вокруг этих явлений и процессов также доходили до российской интеллигенции, обретая здесь свою специфику.

На Северном Кавказе, как и Волго-Уральском регионе, ряд лидеров джадидистов были связаны с суфийской традицией. В первой четверти XX в. через шейха Сайфуллу-кади Халида Башларова (1850–1919) из Поволжья в Дагестан проник орден шазилийа. Будучи среди прочих последователем (мюридом) З. Расули, Сайфулла-кади прошел долгий путь обучения, постигая богословские и светские науки, получив разрешения (*иджаза*) на деятельность шейха тарикатов кадирийа, накшбандийа-халидийа, шазилийа, он был и активным политическим деятелем. В частности — одним из учредителей и лидеров «Иттифак аль-муслимин» («Союз мусульман», см. след. главу). Преследовался властями, несколько раз ссылался.

В Дагестане, где господствовал в основном кадимизм, яркой личностью среди джадидистов был Али Каяев (Зами-Али) (1878–1943), лакец по происхождению, получивший образование в университете Аль-Азхар. В 1918 г. в родном с. Кази-Кумух он открывает медресе, где преподаются в том числе и светские науки.

Известна личность другого лакца — Бадави Саидова (1877–1928), который был офицером, начальником канцелярии генерал-губернатора Дагестанской области. Получил дворянское звание. Он инициировал государственное издание газеты «Джаридат

Дагистан» на арабском языке (1913–1918), был ее главным редактором. В газете публиковались литературные произведения, статьи мусульманских реформаторов и их противников. Газета стала настоящим местом дискуссий джадидистов и кадимистов.

Среди адыгских интеллектуалов может быть отмечена деятельность Сефер-Бея Сиюхова (1887–1966), педагога и публициста, активно занимавшегося проблемами внедрения светского образования в мусульманскую среду, ставившего в своих статьях методические проблемы, касавшиеся и межкультурного диалога.

В 1913 г. в с. Старая крепость (ныне — Баксан) было основано новометодное медресе Медрес-Али, открытое на деньги имама Махмуда-хаджи Гугова⁷. В его развитии сыграли роль два просветителя. Адам Дымов (1878–1937), получивший образование в университете Аль-Азхар, который закончил с отличием, последовательный сторонник идей Гаспринского, методику которого он реализовал в основанном им медресе, и Нури Цагов (1883–1936), выходец из черкесских переселенцев, родившийся в Сирии и получивший образование в Стамбуле. Основанная в 1913 г. так называемая «Типография братьев Дымовых» начала издание просветительской литературы на основе алфавита, разработанного А. Дымовым.

Джадидисты занимали особое место в общественно-политической жизни Средней Азии в начале XX в.

В 1901 г. Мунаввар-кары Абдурашидханов (1878–1931) одним из первых в Ташкенте открыл новометодную школу у себя дома. Позже аналогичные школы были открыты им в других частях города. Далеко не все новометодные школы Средней Азии были равноценными по качеству обучения. Но даже местные чиновники от образования признавали, что из всех джадидистских школ края по-настоящему новометодной можно считать только школу Абдурашидханова.

С 1905 г. в Туркестане начинает выходить целый ряд местных джадидистских газет. Однако в Средней Азии развитие

---

⁷ Годы жизни установить не удалось

джадидизма связано прежде всего с именем Махмудходжи Бехбуди (1875–1919), потомка шейха ходжи Ахмеда Йасави (1103–1166). Сам он получил религиозное образование, в 1900 г. совершил хадж, в 1903–1904 гг. посетил Петербург и Москву, в 1907 г. — Казань, Уфу, Нижний Новгород. Он довольно рано пришел к выводам о возможности развития исламского общества в контакте с западной цивилизацией. Он издавал просветительскую газету «Самарканд» (1913 г.), затем журнал «Ойна» («Зеркало» (1913–1915 гг.)). На основе идей Гаспринского и опыта татарских единомышленников уже в 1914 г. ему удалось начать открытие новометодных учебных заведений на территории Средней Азии.

Абдурауф Фитрат (1885–1938), как и многие другие, получил изначально религиозное образование, затем много путешествовал, продолжал обучение в Османской империи, где увлекся идеями младотурков. Организовал движение «Бухоро таълими маориф жамияти» («Общество образования Бухары»), продвигавшее идеи светского образования в Бухарском эмирате. На родине работал в школах, где пропагандировал идеи джадидизма. В 1915 г. в Петрограде издал свой труд «Рахбар-и-Наджот» («Путеводитель освобождения»). Издавал в 1917–1918 гг. в Самарканде газету «Хуррият» («Свобода»). Позже был активным участником революционного движения.

Поскольку интеллектуальная элита мусульман России была представлена преимущественно поволжскими татарами, осознание именно этого обстоятельства многими из ее представителей сводило в их умах в одну плоскость вопросы о будущем российской уммы и вопросы о судьбе народа, к которому они принадлежали. Пробуждение национального самосознания происходило непосредственно в условиях размышлений о путях развития российского мусульманства. Уже Ш. Марджани выступал за необходимость четкого понимания различий между двумя уровнями самоидентификации — «татар(ин)» и «мусульманин». Эти тенденции среди интеллигенции стали наиболее заметны и очевидны к концу XIX в.

Большую роль в развитии национального самосознания татарского народа сыграл писатель, литератор и публицист Гаяз Исхаки (1878–1954). Будучи сторонником заимствования западных концепций общественного устройства, Г. Исхаки, хотя и увлекался социалистическими идеями, выступал с идеями оживления самосознания татарского народа, развития языка и культуры, остро и радикально ставил вопросы о будущем татарской нации в политическом аспекте. В 30-е гг. XX в. он сыграл большую роль в консолидации татарских эмигрантов в Японии, Корее, Китае, Финляндии, Германии, Польше.

Другой татарский деятель — Юсуф Акчурин (в эмиграции — Акчура) (1876–1935), получивший образование в Сорбонне, мыслил в этом же направлении, но уже видел будущее татарской нации в условиях политической самостоятельности. В 1904 г. опубликована его работа «Три вида политики» («Уч тарз-ы сайасат»), имевшая концептуальный характер. Размышляя над опытом национальной политики в Османской империи, он приходит к выводу о невозможности совмещения идеи создания тюркской нации и идеи «исламского единства», поэтому он делает ставку на создание «политической нации», в основе которой лежало бы именно единство языка и культуры. В отличие от Г. Исхаки, ограничивавшего свою деятельность преподаванием, написанием публицистических произведений и участием в подпольных организациях, Ю. Акчурин выступил непосредственным участником политической жизни Российского государства в рамках той законодательно-правовой базы, которой оно располагало на тот момент. В 1906 г. был избран членом первого Центрального комитета партии кадетов, заключил предвыборный союз кадетов с мусульманскими либералами в лице «Иттифак аль-муслимин» на выборах в первую Государственную думу России (см. след. главу). Позже, эмигрировав в Турцию, он стал одним из ближайших советников президента М. Кемалля Ататюрка (1923–1938). В 1931 г. он способствовал созданию Турецкого исторического общества.

Садри Максудов (в эмиграции — Максуди Арсал) (1878–1957) получил юридическое образование в Париже. В 1906 г. вернулся в Россию и активно участвовал в политических событиях (см. след. главу). После эмиграции жил в Финляндии, во Франции и позже был приглашен в Турецкую Республику, где сыграл большую роль в становлении исторической школы. Оставил множество трудов по истории права. Был очень близок к президенту Ататюрку. Неоднократно избирался в Турецкий парламент.

Все трое были сторонниками конституционного правового государства, признающего самостоятельность нерусских народов в сферах религии и образования. Г. Исхаки и Ю. Акчурин подвергались репрессиям, были арестованы перед выборами в Первую Государственную думу. После переворота 3 июня 1907 г., когда царским указом была досрочно распущена Вторая Государственная дума, в следующем году Ю. Акчурин уехал в Стамбул и уже не вернулся в Россию. Г. Исхаки до Манифеста об амнистии 1917 г. делил время между ссылками и эмиграцией в Стамбуле, получив возможность вернуться в родную Казань только после Февральской революции 1917 г.

Кутлу-Мухаммед Тевкелев (1850 — после 1917), военный по образованию, герой Российско-османской войны 1877–1878 гг., крупный землевладелец, был очень уважаемым человеком в широких кругах. Он единственный из мусульманской элиты, кому удавалось избираться депутатом во всех четырех Государственных думах, где он выдвигал конкретные идеи, отстаивавшие права мусульманского населения.

Уникальным и передовым явлением для своего времени, казалось бы порывающим с консервативным укладом российской уммы, была возросшая активность в общественной жизни женщин. Так, известно имя Мухлисы Буби (Нигматуллиной) (1869–1937), широко отстаивавшей права женщин и ставшей первой в истории российских мусульман женщиной-кади (см. Главу IX).

Другая представительница татарского народа — Сара Касимовна Шакулова (1887–1964) стала выпускницей Сорбонны, оставшись в истории как первая татарская женщина-математик.

В Азербайджане Баку так же стал центром джадидизма. Большой вклад в развитие мусульманского образования здесь внесли промышленники-благотворители. Так, прежде всего это бакинские миллионеры-нефтяники. Гаджи Зейналабдин Тагиев (1823–1924) выплачивал стипендии выдающимся мусульманским студентам, покровительствовал учебным заведениям, финансировал газеты, Муртуза Мухтаров (1855–1920) строил школы и мечети, Шамси Асадуллаев (1840–1913) и Иса-бек Гаджинский (1861–1919) оплачивали отличившимся студентам учебу за границей.

Среди значимых персон здесь следует отметить Али-Мардана Топчибашева (1862–1934), племянника востоковеда М. Дж. Топчибашева. В свое время он был редактором тюркоязычной ежедневной газеты «Хаят» («Жизнь»), издававшейся в Баку в 1905–1906 гг. А. Топчибашев принимал активное участие в создании программы партии «Иттифак аль-муслимин», после выборов в Первую Государственную думу весной 1906 г. стал председателем ее мусульманской фракции. На III Всероссийском мусульманском съезде в Нижнем Новгороде в августе 1906 г. был избран председателем Центрального комитета партии (см. след. главу).

Крупной фигурой был Ахмед-бек Агаоглу (Агаев) (1868–1939). Он получил богословское образование, затем светское, обучавшись в Петербурге и Сорбонне. Известен прежде всего как публицист. Выступал за модернизацию мусульман-тюрков. Позже сыграл важную роль в образовании Азербайджанской Демократической Республики.

Значительная активность мусульманской интеллигенции имела место в Крыму. Однако в силу специфики истории региона определенное влияние здесь находили идеи, характерные для интеллектуалов Османской империи. Среди представителей джадидистов благоприятную почву нашли достаточно оригинальные и в некотором роде радикальные идеи. Речь идет, например, о т. н. «младотатарах»⁸, также продвигавших идеи

---

⁸ В этом же аспекте следует упомянуть и так наз. «младобухарцев», «младохивинцев» и т. д.

новых методик образования, но с политических позиций выступавших против монархии в любом проявлении (хотя при этом речи не шло о каких-либо сепаратистских настроениях, наоборот — они выступали за тесное взаимодействие крымско-татарского народа с русскоязычным населением) и даже шедших на сотрудничество с революционными организациями. Одним из наиболее выдающихся деятелей здесь был Абдурешид Мехди (Медиев) (1880–1912), под руководством которого в Крыму развернулась активная публицистическая, организационная и благотворительная деятельность. Впоследствии он принял самое активное участие в революционных событиях 1905–1907 гг.

Рост политического сознания мусульманской интеллектуальной элиты пришелся на сложную для истории России эпоху. Тем не менее примечательно, что стремительный рост самосознания российских мусульман и активизация их деятельности происходили в период пребывания на посту обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева (1880–1905), яркого консерватора и шовиниста. Однако никакие репрессивные меры уже не могли помешать необратимости начавшегося в XIX в. процесса пробуждения российской уммы.

В начале первого десятилетия XX в. страну захлестнули события, которые не могли не коснуться и мусульманской части ее населения.

Вопросы по пройденному материалу:

1. Кто такие новокрещенцы?
2. Что за указ был издан императором Александром I 23 марта 1803 г.? В чем заключается его противоречивость?
3. Назовите имена выходцев из мусульманских народов, не связанных с религиозной средой, сумевших проявить себя на общероссийском уровне в середине XIX в.
4. Какие факторы оказали влияние на зарождение реформистского движения в среде российских мусульман?
5. Что такое джадидизм? Что такое кадимизм? В чем состояла сущность противоречий джадидистов и кадимистов?
6. В чем состояла суть идеи о реформе мусульманского образования?
7. Что такое новометодные школы?
8. Почему идеи джадидистов не находили поддержки среди широких слоев мусульманского населения?
9. Расскажите о наиболее видных деятелях джадидизма.
10. Как называлась первая легальная газета российских мусульман?

ГЛАВА VIII. РОССИЙСКАЯ МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В НАЧАЛЕ XX В.

Произошедшие в России революционные события 1905–1907 и 1917 гг. непосредственно отразились на жизни российских мусульман.

Понятно, что возросшая активность мусульманской интеллектуальной элиты привлекала внимание Министерства внутренних дел, функционал которого был гораздо шире современного. Любые крупные собрания сразу попадали в поле зрения соответствующих органов, а участвовавшие в них люди становились объектом надзора. В начале XX в. ситуация усложнялась также на фоне роста революционных настроений в стране, увеличения числа различных организаций и кружков, организованных оппозиционно настроенными деятелями. Не имея официально никакой возможности оказать влияние на политику Российского государства в условиях его законодательно-правовой базы, мусульманская интеллектуальная элита была вынуждена осуществлять свою консолидацию в рамках также подпольных организаций и неофициальных собраний. При этом подобные организации носили различный характер — это были как кружки, объединяющие людей различных политических взглядов внутри российской уммы, так и, например, чисто социалистические или националистические собрания.

Начало в 1904 г. войны России с Японией, развязанной правительством в том числе и с целью разрядить внутреннюю напряженность, только стимулировало рост недовольства царским режимом среди прежде всего интеллигенции, поскольку уже с первых месяцев боевые действия складывались неудачно, а российские войска начали нести тяжелые потери.

В середине 1904 г. лидеры джадидистов из разных городов по инициативе Габдрашита Ибрагимова начали подготовку петиций премьер-министру С. Ю. Витте с требованием о признании равноправия мусульман и проведения реформ. В марте 1905 г. Гаязу Исхаки удалось встретиться с С. Ю. Витте и лично передать ему петицию от делегации Чистопольского уезда.

Между тем 10–15 апреля 1905 г. в Уфе председателем Оренбургского магометанского духовного собрания муфтием Мухамедьяром Султановым (1837–1915) по договоренности с правительством было организовано заседание «Улама жэмгыяте» («Общества улемов») — фактически съезд мусульманского духовенства. В принятой петиции было обращение к правительству с просьбой разрешения избрания, а не назначения сверху муфтиев. Император должен был утвердить одну из трех избранных кандидатур. Петиция также предусматривала контроль ОМДС над *медресе, вакфами, сфере семейного и наследственного права*. Правительство не стало рассматривать петицию.

В мае 1905 г. лидеры джадидистов устроили встречу на свадьбе Мусы Бигиева в г. Чистополе, где обсудили ряд важных вопросов, в том числе по поводу организации первого съезда российских мусульман на Нижегородской ярмарке. Это мероприятие, не носившее еще официального характера, тем не менее состоялось 15 августа 1905 г. на пароходе «Густав Струве». Здесь под председательством Исмаил-бея Гаспринского собралось свыше ста человек представителей мусульманской интеллектуальной элиты России, преимущественно это были делегаты из Поволжья, Приуралья, Крыма, с Кавказа, из Средней Азии. Одним из важнейших результатов этого мероприятия было создание общественного объединения, ставшего затем основой для первой в России мусульманской политической партии — «Иттифак аль-муслимин» («Союз мусульман»). При этом в партию вошли далеко не все участники съезда.

Съезд высказался за равноправие российских мусульман и дальнейший созыв съездов для руководства их общественной жизнью. Его значение состоит в том, что это был первый опыт

самоорганизации российских мусульман, причем в масштабах всей империи.

В дальнейшем нашла развитие тенденция сближения джадидистов и кадимистов. Во Втором съезде российских мусульман, прошедшем нелегально 13–23 января 1906 г. в Петербурге, также скрытно от властей, приняло участие около ста делегатов — представителей Поволжья, Крыма, Кавказа, Казахстана и Средней Азии. Здесь было принято решение о создании на основе «Иттифак аль-муслимин» общему мусульманской политической партии, во главе с азербайджанским тюрком А. Топчибашевым, и также решение об участии мусульман в выборах в Первую Государственную думу. Теперь эта организация стала гораздо шире по своим масштабам, чем созданная изначально, и она была единственной реальной политической организацией мусульман.

Члены партии приняли участие в выборах в Первую Государственную думу, создав коалицию с либеральной партией кадетов, в которую также входили многие представители мусульманской интеллигенции, всего они получили 25 мест. Несмотря на то, что, сформированная в апреле, она была уже в июне 1906 г. разогнана, сам этот факт продемонстрировал политические возможности мусульман.

С мая 1906 г. в Крыму стала выходить газета «Ватан хадими» («Слуга Отечества»), организатором и главным редактором которой был А. Медиев (уже в ноябре она была закрыта, в декабре ее выпуск возобновлен и вновь прекращен весной 1907 г., затем опять возобновлен в ноябре 1907 г.). Значение этой газеты сложно переоценить — печатаясь в Крыму, она, тем не менее, пользовалась популярностью у мусульманской интеллигенции Урало-Поволжья и Южного Кавказа. На ее страницах освещались не только важные проблемы мусульманского просветительства и образования, но также поднимался ряд вопросов, касающихся истории, политики, экономики. Газета стала той платформой, на которой представители джадидистской среды могли вести между собой полемику, в полной мере

разворачивая аргументацию своих взглядов. Несмотря на ряд разногласий, сам факт возможности ведения такой полемики в рамках конструктивного начала продемонстрировал высокую дисциплинированность и значительный уровень этического и политического самосознания прогрессивных слоев российской мусульманской интеллигенции.

В августе 1906 г. в Нижнем Новгороде был организован Третий съезд мусульман России, в этот раз санкционированный правительством, однако, поскольку Оренбургское магометанское духовное собрание данное мероприятие проигнорировало, получилось так, что здесь приняли участие фактически одни джадидисты. На этом съезде было продолжено обсуждение настоящей и будущей политической деятельности мусульман, оговорено создание новых организаций, выработаны новые задачи. Основными целями стала единая религиозная автономия для российских мусульман, а в сфере внутренней политики — построение конституционной монархии, где суверенитет должен был перейти к парламенту.

Так, приняв участие в выборах во Вторую Думу (февраль — июнь 1907 гг.), мусульмане получили уже 36 мест. Получив возможность воздействовать на политическую ситуацию в стране, мусульмане стремились поднимать вопросы, связанные с отстаиванием интересов своих народов и своей религии, хотя уже здесь стало ясно, что, будучи в меньшинстве, они не встречали понимания у других членов Думы.

Вместе с тем приход в 1906 г. на должность премьер-министра Российской империи П. А. Столыпина ознаменовал радикальную смену правительственного курса в отношении национальных и религиозных меньшинств. Фактически П. А. Столыпин, будучи ярким русоцентристом, выступал за необходимость ассимиляции всех нерусских народностей. Он был сторонником избирательного закона от 3 июня 1907 г., сократившего число депутатов в Государственной думе от национальных окраин и лишившего избирательных прав мусульман Казахстана, Средней Азии и большей части Северного Кавказа.

В итоге в Третьей Думе, работавшей наиболее длительный срок (1907–1912), мусульмане получили всего 11 мест. Характерно, что именно этот состав Думы принял решение о необходимости государственного контроля над мусульманскими учебными заведениями.

Правительство начало предпринимать репрессивные меры по отношению к мусульманам, закрывая учебные заведения, вводя цензуру на печатные издания и т. д. Кроме того, многие активные мусульманские деятели попали под давление правительственных органов. Например, в 1907 г. был арестован и отправлен в ссылку Г. Исхаки (откуда, правда, потом бежал), в 1908 г. был сослан Г. Баруди. В 1908 г. Ю. Акчурин был вынужден покинуть Россию, навсегда эмигрировав в Османскую империю, а его друг Садри Максуди, бывший особо активным среди мусульманских депутатов, не был допущен к выборам в Четвертую Думу (1912–1917), где мусульманская фракция (группа) получила лишь 6 мест.

Таким образом, исторический опыт многим представителям мусульманской интеллектуальной элиты показал, что добиться каких-либо результатов для мусульман в рамках не просто действующего законодательства, но в рамках существующей на тот момент государственной системы невозможно. Это обстоятельство оттолкнуло многих деятелей от продвигаемой Исмаил-беем Гаспринским идеи о сотрудничестве с правительством. Одновременно возымела развитие другая тенденция — в условиях революционных потрясений, политических неудач и русоцентристской политики П. А. Столыпина происходит рост числа локальных мусульманских организаций, характеризующихся своими конкретными задачами и идеологической направленностью. Они отстаивали интересы отдельных национальных групп или социальных страт, связанных с конкретным регионом. Возросли именно националистические настроения, получавшие дополнительный стимулирующий импульс ввиду произошедших в 1908–1909 гг. событий в Османской империи, связанных с приходом к власти группировки «младотурок», выступавших вдохновителями

идей тюркизма. Многие активные интеллектуалы из российских мусульман приняли решение покинуть страну и продолжать свою деятельность из-за границы. Кроме того, некоторые российские мусульманские деятели отмежевались от бывших соратников, присоединившись к революционным партиям. Фактически произошел окончательный раскол в рядах джадидистов.

В это же время кадимисты предпринимают попытку создания собственной политической партии. В ноябре 1913 г. подается заявление в Департамент духовных дел иностранных исповеданий на одобрение создания партии «Сират аль-Мустахим» («Истинный путь»), одним из учредителей которой был ахун Петербурга Мухаммад-Сафа Баязитов (1885–1937). Официальной целью партии было «объединение всех российских мусульман для изучения мусульманства в его прошлом и настоящем, просвещения и всестороннего поднятия благосостояния единоверцев на почве строгой законности, верности монарху и единства и целостности России». В действительности это была попытка объединить силы кадимистов против джадидистов в организованную структуру. Однако этот проект не был одобрен в Департаменте. Когда же в 1915 г. М. Баязитов стал муфтием ОмДС, идея создания такой партии отпала, поскольку само Духовное управление превратилось в главного координатора.

Попытка консолидировать российскую умму со стороны джадидистов была предпринята на Четвертом съезде мусульман России, состоявшемся 15–25 июня 1914 г. в Петербурге, секретарем которого был М. Бигиев. Здесь среди прочих вопросов обсуждалась возможность возрождения партии «Иттифак аль-муслимин», однако делегаты посчитали такое решение нереальным. Основные решения съезда касались реформы духовных управлений, в том числе об учреждении двух новых духовных управлений — на Северном Кавказе и в Средней Азии. Как известно, позже это будет реализовано И. В. Сталиным (см. главу X).

Начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война, в которую в ноябре вступила и Османская империя, спровоцировала подъем националистических настроений. Мобилизации не были

подвержены мусульмане Казахстана, Средней Азии, Северного и Южного Кавказа. Представители Кавказа создали сформированную на добровольной основе Кавказскую Туземную кавалерийскую дивизию (Дикая дивизия), а также Дагестанский кавалерийский полк (существовал и раньше), а туркмены-текинцы — Текинский полк. Всего в царской армии находилось около полумиллиона мусульман, прежде всего — татар. В то же время, пока российские войска терпели поражение за поражением на Западном фронте, в стране ухудшалась экономическая обстановка, создавая благоприятную почву для роста революционных настроений. Летом 1916 г. Среднюю Азию и Казахстан захлестывает Туркестанское восстание, начавшееся против царского указа о мобилизации мусульманского населения для тыловых работ на фронте, выросшая из шествия недовольных в Ходженте. Несмотря на жестокое подавление восстания уже к началу 1917 г., именно оно дало импульс дальнейшим антиправительственным движениям. Многие представители мусульманского населения в знак протеста против репрессивной политики правительства предпочитали уходить в степи и горы, откуда вели вооруженную борьбу с колониальной администрацией. Они назывались *басмачи* (от тюркск. *бас* — «давить», «нападать»). Это движение вобрало в себя людей различного социального происхождения, распространившись на всю территорию Средней Азии, хотя организуемые ими отряды действовали совершенно автономно. Действия отдельных отрядов против властей продолжались вплоть до 1941 г.

Нужно, однако, вновь отметить, что наиболее массовым и активным в антиправительственных движениях было участие именно низших слоев населения, в то время как знать и интеллигенция сохраняли лояльность императорской власти. Так, например, хотя среди представителей казахской интеллигенции приобрела популярность антиколониаторская риторика, а Алиханом Букейханом и Ахмедом Байтурсуном еще в 1912 г. была организована партия «Алаш-Орда», ставившая своей целью прежде всего добиться равноправного отношения к казахскому

населению со стороны властей, представители этой партии не выступили в поддержку восстаний.

Неожиданностью для мусульманской интеллигенции была Февральская революция 1917 г., приведшая к отречению императора Николая II от престола. Умеренно настроенные деятели оказались в растерянности, в то время как либералы, социалисты и сторонники территориальной автономии, напротив, увидели благоприятные условия для реализации своих идей. Однако формирование Временного правительства и провозглашенное им равенство всех российских граждан открыло большие возможности для мусульман также принять самое активное участие в решении судьбы государства. Вместе с тем в Петербурге депутатами-мусульманами Государственной думы и представителями регионов было организовано Временное центральное бюро российских мусульман во главе с осетином Ахмед-беком Цаликовым (1882–1928), созвавшее 1–11 мая 1917 г. Первый Всероссийский мусульманский съезд в Москве. Некоторая часть мусульманской интеллигенции выступила с утопическими идеями в социалистическом духе. При этом речи о развале государства не шло, однако основным предметом дискуссии стал вопрос о политическом статусе и административно-территориальном устройстве земель мусульманских народов в составе государства в дальнейшем: большинство депутатов — представителей компактно проживающих национальностей выступили за создание ряда национальных автономий, меньшая часть, представленная преимущественно татарами, — за национально-культурную автономию всех мусульман внутри Российского государства. Съезд поддержал уравнительное распределение земли и равенство мужчин и женщин даже в вопросах шариатского семейного права, что вызвало крайне негативную реакцию представителей окраин. На съезде был избран Всероссийский мусульманский совет из 30 человек и в его составе — Национальный совет (Милли шуру) — фактически исполнительный орган — из 12 человек во главе с А. Цаликовым. Главой Оренбургского магометанского духовного собрания был избран богослов Галимджан Баруди,

а одним из кадиев — Мухлиса Буби. Показательно, что впервые в истории ислама этот пост заняла женщина, и, конечно же, это вызвало яростные протесты кадимистов.

Делегаты съезда выступили за формирование отдельных войсковых мусульманских частей по причине плохого знания русского языка и невозможности исполнять верующим предписания своей веры, прежде всего — в ее бытовых особенностях.

Одновременно началось создание «мусульманских социалистических комитетов». Такой комитет в Казани возглавили М. Вахитов (1885–1918) и М. Султан-Галиев (1892–1940).

В конце июля 1917 г. в Казани был организован Второй Всероссийский съезд мусульман, в работе которого, однако, ввиду общей ситуации смогли принять участие лишь представители мусульман Урало-Поволжского региона, поскольку их соратники с Кавказа, из Крыма, Казахстана и Средней Азии были заняты решением гораздо более актуальных для них тогда вопросов, связанных с их регионами. Так или иначе, на Втором съезде ярче обнажились противоречия между сторонниками создания национальных территориальных автономий, наиболее ярким представителем которых был башкирский общественный деятель и востоковед Ахмет-Заки Валидов (Валиди) (1890–1970), и сторонниками общемусульманской автономии в составе России, среди которых выделялись Садри Максуди и Гаяз Исхаки. Здесь также было объявлено о поддержке участниками съезда Временного правительства.

Почти одновременно здесь же, в Казани, прошел Первый всероссийский съезд улемов (мусульманского духовенства), постановивший создание Всероссийского союза улемов, а также Первый Всероссийский мусульманский военный съезд, избравший Всероссийский мусульманский военный совет (Харби шуро).

На объединенном собрании участников всех трех съездов, 22 июля, было объявлено о провозглашении Национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири, а также о созыве ее Национального собрания (Миллет меджлисе) и создании Национального управления (Милли

идарэ), председателем которого был избран Садри Максуди. Вместо Оренбургского магометанского духовного собрания было создано Диния назараты (букв. — «министерство веры») (1917–1920), возглавленное Г. Баруди. Это была действительная победа, ставшая достоянием всех российских мусульман независимо от их разногласий в политических вопросах. Как и прежде, речь не шла о выходе из состава России, напротив — руководство автономии стремилось наладить взаимоотношения как с Временным правительством, так и местными органами власти. Мусульмане Волго-Уральского региона были заинтересованы в формировании новой политической системы, которая бы теперь учитывала их права и интересы.

Иной сценарий имело развитие событий в других регионах разрушавшейся Российской империи. Здесь отразилась специфика этнической карты и глубина взаимодействия различных культурных укладов.

Так, многие представители интеллектуальной элиты народов Северного Кавказа провели в мае 1917 г. во Владикавказе Первый съезд горских народов Кавказа с дальнейшей целью создания «исламского государства», основанного на шариате. При этом Наджм ад-Дин из с. Гоцо (Гоцинский) (1859–1925), сын Доного Мухаммада, бывшего *наиба* имама Шамиля и участника войны с царскими войсками, а позже — офицера российской армии и царского чиновника, был избран муфтием и также председателем Горского духовного управления. В августе 1917 г., на Втором съезде горских народов, он был провозглашен имамом.

Лидером правительства и муфтием Крыма стал Номан Челебиджихан (1885–1918). В июле 1917 г. он создал партию «Милли фирка» («Национальную партию»). Партия «Милли фирка» создала Временный мусульманский исполком, действовавший через газету «Миллет», чья деятельность была направлена на распространение идей национальной автономии среди крымско-татарского населения. Представителям партии достаточно быстро удалось организовать фактически свое правительство.

В Бухаре сторонники революции организовали «Младобухарскую партию», попытавшуюся в марте 1917 г. провести активные выступления против власти эмира, которые, однако, были подавлены войсками эмира Бухары, а многие члены движения подверглись репрессиям. После этого была создана новая партия «Шура-и-Ислами», проявившая, однако, себя более умеренно. В июне от нее отмежевались более консервативные деятели, выступавшие за установление шариатских норм, они образовали партию «Шура-и-Уляма».

Более удачными были попытки младохивинцев в апреле 1917 г. склонить к реформам свое правительство. Симпатии войск были на их стороне, поэтому они смогли добиться от хана подписания манифеста, согласно которому власть хана ограничивалась образованием *меджлиса* (совета), который некоторое время представлял собой источник альтернативной власти, и Совета *назиров*. Однако в сентябре меджлис был разогнан ханскими войсками.

Ситуация в Средней Азии осложнялась тем, что значительная часть населения жила в категориях традиционного общества, все механизмы власти оставались, по существу, у знати и духовенства, выступавших сторонниками сохранения консервативного уклада; отдельные представители реформистской интеллигенции или сторонники революционных движений, будь то представители национальностей или русские, не имели здесь достаточных условий для распространения своих идей. Гораздо большее значение здесь приобретало противопоставление местных традиций и колониальных элементов, это противопоставление было ключевым, и уже в его контекст помещались все остальные противоборства — как в масштабе борьбы политических идей, так и собственно в рамках споров внутри российской уммы.

Чрезвычайно интересно участие мусульман в такой попытке восстановления монархии, какой явился Корниловский мятеж в августе 1917 г. Мусульмане приняли самое активное участие как в самом мятеже, так и в его провале. Основной

опорой Л. Г. Корнилова были две добровольческие воинские части, состоявшие преимущественно из мусульман — укомплектованный туркменами-текинцами Текинский полк, являвшийся его личным конвоем, а также сформированная в начале Первой мировой войны Кавказская туземная кавалерийская дивизия, прозванная «Дикой дивизией». Именно с этими частями он намеревался начать штурм Петрограда. Несмотря на то, что войск в столице было немало, в значительной части они состояли из тыловых частей, и неизвестно еще, к чему привело бы такое столкновение. Но остановили наступление опять же мусульмане в лице делегации под руководством Ахмет-бея Цаликова. Ключевую же роль сыграл выросший в Казани внук имама Шамиля — Загид Шамиль (1868–1924), которому удалось уговорить солдат и офицеров Ингушского и Черкесского полков Дикой дивизии отказаться от кровопролития.

Отречение императора от престола, фактическое появление республики в России (официально об этом было объявлено только 1 сентября 1917 г.), а также последовавшее за этим провозглашение религиозных свобод — все это стало большой неожиданностью для мусульман. Мусульманское население России было разбросано по территории и крайне неоднородно в уровне своего развития. Поэтому основная задача состояла в самоорганизации в общероссийском масштабе, обеспечении своих интересов в представительных и исполнительных органах власти. Эту миссию на себя взяли мусульмане-татары, как наиболее продвинутая в различные структуры власти часть мусульманского населения России. Не случайно, что период с марта по октябрь 1917 г. чрезвычайно насыщен всевозможными съездами и конгрессами мусульман России. Они принимали во многом судьбоносные решения о будущем мусульман России в новой исторической реалии, в которой оказалась страна. Главный вопрос: с кем и как идти дальше — оставался открытым. Все были едины только в одном: возврата к старому быть не может.

Вопросы по пройденному материалу:

1. Какие события в начале XX в. способствовали активизации мусульманской интеллектуальной элиты?

2. Расскажите о первом съезде российских мусульман, его предпосылках, обстоятельствах организации, участниках, итогах.

3. Как называлась первая политическая партия российских мусульман?

4. Какие политические обстоятельства препятствовали воплощению в жизнь идей российских мусульманских интеллектуалов?

5. Охарактеризуйте тенденции, приведшие к расколу интеллектуальной элиты российских мусульман.

6. Как мусульманская интеллигенция восприняла новость об отречении российского императора от престола?

7. Расскажите о работе Первого Всероссийского мусульманского съезда.

8. По поводу какого вопроса, касающегося государственного устройства России, возникли дискуссии в среде мусульманских интеллектуалов Поволжья?

9. Развитие каких тенденций, возникших как реакция на февральские события 1917 г., было характерно для Кавказского и Среднеазиатского регионов?

10. Расскажите о роли мусульман в событиях, связанных с Корниловским мятежом.

ГЛАВА IX. ОБРАЗОВАНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАН В СТРАНЕ (ОКТАБРЬ 1917 — 1922 Г.)

К октябрю 1917 г. нерусские народы на территории страны составляли 57% населения. Большинство из них испытывало различные формы национального угнетения и в разной форме оказывало сопротивление правящему режиму. Временное правительство, в отличие от имперского, предоставило равные гражданские права, независимо от принадлежности к какой-либо национальности и вероисповеданию, всем гражданам страны. Однако эти свободы рассматривались в рамках сохранения унитарного Российского государства, что в конечном счете не устраивало большинство национальностей.

Поэтому, придя к власти в октябре 1917 г., большевики, следуя положениям своей программы, предусматривающей право наций на самоопределение, издали два документа. 2 ноября 1917 г. была обнародована «Декларация прав народов России», где провозглашался принцип равенства и суверенности народов России, их право на самоопределение. 3 декабря 1917 г. появилось обращение советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В этом документе верования, обычаи, национальные и культурные учреждения народов Поволжья, Крыма, Сибири, Средней Азии и Кавказа объявлялись свободными и неприкосновенными. Декларировался отказ от присоединения к России новых мусульманских территорий: Константинополя и Северной Персии. Объявлялось о защите прав трудящихся мусульман. Последние призывались к восстанию против колониализма, под которым понимались европейские страны. Фактически предполагалось, что мусульмане должны были присоединиться к мировой революции, которую

начали большевики, на пути построения нового социального общества без эксплуатации и частной собственности. В данном документе советская власть нигде не обозначала тезис ограничения или какого-либо притеснения религиозных чувств. Однако очень активно пропагандировались различные пути дальнейших судеб элиты мусульманского общества и простого народа. В этом случае советская власть пока еще выступала с позиций защиты интересов самых незащищенных слоев населения.

В первые годы существования советского государства его руководители нигде в официальных документах не указывали на необходимость борьбы с религией и ее полного искоренения. Более того, в первые месяцы своего существования советское правительство приняло решение о возвращении народам реквизированных у них в свое время реликвий. Так, 6 декабря 1917 г. Национальному собранию (Миллет меджлисе) был передан «Коран Усмана», который в свое время был вывезен из Самарканда и передан императорской библиотеке в Санкт-Петербурге. Были возвращены башня Сююмбике в Казани и Караван-Сарай в Оренбурге.

В советском правительстве — Совете народных комиссаров — был создан Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) во главе с И. В. Сталиным, который рассматривал и религиозные вопросы. Структурно он представлял собой объединение национальных комиссариатов, каждый во главе с руководителем своей же национальности. Руководители каждого из комиссариатов, входивших в Наркомнац, считались послами, представлявшими в Москве национальные интересы своих народов. Советские руководители считали, что национальными делами должна управлять та же нация, т. к. они лучше ориентируются в своих внутренних проблемах, при жестком контроле центрального Наркомнаца.

В последний период своего существования в Наркомнаце появились и функциональные управления — сельского хозяйства, труда, образования, армии, прессы, социального обеспечения и даже лесничества. Все эти действия свидетельствовали

о том, что Наркомнац проявил себя твердым сторонником централизации: сначала собирал обломки Российской империи, а затем и возвращал их в новое государство, созданное 30 декабря 1922 г., — СССР. В итоге Наркомнац был упразднен после создания Совета Национальностей в первой половине 1923 г.

В период первых лет существования советской власти формировался динамичный механизм управления национальными и религиозными процессами. В центре и на местах создавались национальные секции, отделы, комиссии, издательства, библиотеки, клубы национальных меньшинств. Стали издаваться национальные журналы: «Жизнь национальностей», «Революция и национальности».

Одновременно события октября 1917 г., связанные с ликвидацией Временного правительства и самовольным захватом власти большевиками, кардинально изменили ситуацию, теперь полностью предоставив мусульман самим себе. Многие идеалистически настроенные представители мусульманской интеллигенции начали непосредственное сотрудничество с ними. В то же время Национальное собрание (Миллет меджлисе) отказалось признавать советскую власть, так как его лидеры считали законным только Всероссийское Учредительное собрание, однако внутри самого руководства автономии продолжали нарастать противоречия. 15 (28) ноября 1917 г. в одностороннем порядке была провозглашена автономия Башкурдистана во главе с Шарифом Манатовым (1887–1936) и Ахмет-Заки Валидовым, который был его заместителем. При правительстве автономной Башкирии (Малой Башкирии) в декабре 1917 г. был создан Башкирский муфтият, отделившийся от ЦДУМ, который, однако, не признал этого раскола. На пост муфтия были приглашен Ризаэтдин Фахретдин, но он отказался и в 1918 г. занял пост казья ЦДУМ, на который был избран еще в мае 1917 г. Тогда ДУМ Башкирии возглавил имам Сагит Мрясов (1880–1932).

Разгон 6 января 1918 г. большевиками Учредительного собрания, членами которого также были многие представители мусульман, похоронил все надежды на возможность мирного

диалога внутри страны. Однако 7 января Национальное собрание (Миллет меджлисе) приняло резолюцию о создании штата Идель-Урал в качестве субъекта Российской Федеративной Республики, провозглашенной Всероссийским Учредительным собранием.

В это же время состоявшийся III Всероссийский съезд Советов провозгласил «Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа», которая стала основой будущей Первой Конституции РСФСР, принятой 10 июля 1918 г. По этой Декларации Россия провозглашалась Советской Российской Республикой, которая учреждалась как федерация национальных республик.

23 января 1918 г. вышел декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». По нему все религиозные организации на территории советской России объявлялись частными обществами, школа провозглашалась светской, в официальных документах всякое упоминание о религиозной принадлежности отменялось. Запрещались принудительные сборы в пользу религиозных обществ, но при этом здания и предметы культа, предназначенные для богослужебных целей, отдавались в бессрочное пользование религиозным обществам.

В мусульманских регионах России происходили процессы, которые были различны, но объединяло их желание найти какие-либо формы самоорганизации для последующего существования. Во многом это было вызвано слабостью центральной власти. В Среднем Поволжье уже с мая 1917 г. часть социалистов выступала с идеей автономии в составе России. Эти идеи всецело поддерживали татарское и башкирское мусульманское население. После Первого Всероссийского мусульманского съезда в мае 1917 г., летом этого же года, практически все мусульманские народы России провели свои съезды, которые были проникнуты ярко выраженным религиозным духом. Исключение здесь составили казахи, которые создали совет «Алаш Орда», где националистические идеи перекрывали религиозные мотивы.

Поэтому не случайно, что советское руководство видело решение проблем мусульманских регионов исключительно на основе

ислама. 17 января 1918 г. большевики создали Комиссариат по делам мусульман в составе Наркомнаца. Лидер Всероссийского Милли шуро Ахмед Цаликов отказался возглавить его и председателем Мускома стал лидер Мусульманского Социалистического Комитета Мулланур Вахитов из Казани. В его задачи входило создание отделений в регионах с преобладанием мусульман. Однако первоначально возникающие в этих регионах национальные правительства поддержали противников большевиков.

Исходя из этого, Советская Россия с начала 1918 г. изменила тактику в отношении национальных правительств и повела с ними борьбу. Основное внимание было обращено на низы национальных образований с преобладанием мусульманского населения. Среди них стали провоцировать появление недовольства и искать сторонников большевистского пути развития. В марте 1918 г. была провозглашена Татаро-Башкирская Советская Республика в составе Российской Советской Федерации, в которую предполагалось вхождение чувашей и марийцев. Однако лидеры большевиков в центре и на местах сразу же выступили против нее. В итоге, несмотря на подготовительную работу, Татаро-Башкирская Советская Республика не была создана. Причины этой первой неудачи советской власти в мусульманских регионах страны имеют три основные причины. Во-первых, нежелание народов Среднего Поволжья и Приуралья объединяться в одну республику по причине различного уровня развития, и поэтому ставящих перед собой различные задачи. Во-вторых, непрочность власти большевиков в стране как минимум до конца 1919 г. и непопулярность их идей и лозунгов. В-третьих, нетерпимое отношение советских эмиссаров к мусульманской религии, которая оказывала большее воздействие на население, чем православная церковь. Ислам представлял собой институт социальный, правовой и политический, который регулировал почти все аспекты повседневной жизни. Кроме того, представители советской власти в данных регионах, как правило, были выходцами из Центральной России, которые до этого никогда не сталкивались с мусульманами.

В феврале 1918 г. сторонники большевиков созвали съезд Советов Поволжья и Южного Урала, поставив задачу провозгласить в регионе свою власть, ликвидировав автономии. 26 февраля Казанский Совет провозгласил создание Казанской советской республики. 28 февраля сторонники большевиков арестовали ряд руководителей Харби шура и участников Второго Всероссийского мусульманского военного съезда, проходившего в то время в Казани. Вскоре они были освобождены. Целью большевиков было не допустить создания штата Идель-Урал, которое намечалось всеми мусульманскими организациями на 1 марта 1918 г.

Одновременно после занятия в январе 1918 г. большевиками Оренбурга было объявлено о ликвидации автономии Башкурдистана. Руководство ее было арестовано, в том числе А. Валидов, которому все же удалось бежать.

В апреле 1918 г. представители Милли идарэ и Центрального духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири в лице С. Максуди и Г. Баруди направились к советскому руководству, но это ни к чему не привело. Попытки встречи Г. Исхаки и Г. Баруди с адмиралом А. В. Колчаком, в ноябре провозглашенным «верховным правителем России», тоже не вызвали положительных эмоций, поскольку его позиция была принципиальной и озвучена жестко: никаких прав мусульманам предоставлено быть не должно и ни о каких автономиях в будущей России, которую он видел «единой и неделимой», речи тоже идти не могло.

Принципиальность лидеров контрреволюционного движения и расчетливость большевиков во многих регионах привели к тому результату, что симпатии большинства мусульман оказались на стороне последних, если только они не имели возможности вовсе создать собственное государство, как получилось в мае 1918 г. в Азербайджане.

Поэтому с конца 1919 г. политика национальных правительств Поволжья меняется в сторону лояльности советской власти. Практически национальные правительства выбирали из двух зол меньшее, которое виделось им в лице большевиков и их идей социальной революции и всеобщего равенства. Они категорически

не соглашались на замыслы противников большевиков, которые выступали с уже известными им идеями единой и неделимой России без каких-либо национальных автономий.

20 марта 1919 г. советское правительство признало Башкирскую автономию как автономию советскую (так называемая Малая Башкирия, см. выше). Взамен башкирские части перешли на сторону большевиков. В соответствии со своей политикой в течение мая 1920 г. ВЦИК издал Декрет о создании Автономной Татарской Советской Социалистической Республики (АТССР) и Чувашской автономной области. Создание новых автономий привело к трудностям двоякого характера. Во-первых, начались бесконечные споры о границах вновь образованных объединений. Во-вторых, это вызвало недовольство отстраненных от власти старых национальных правительств. Так, отстранение от власти лидера Башкирии А. Валидова привело к массовым беспорядкам в этом регионе летом и осенью 1920 г. В результате в середине 1920 г. он ушел в Среднюю Азию, где начал вооруженную борьбу с большевиками.

В соседнем от Среднего Поволжья Казахстане в начале декабря 1917 г. было создано национальное правительство во главе с лидером «Алаш Орды» А. Букейханом (Букейхановым) (1866–1936). В течение 1918 — первой половины 1919 г. «Алаш Орда» вела вооруженную борьбу с большевиками. В итоге она распалась на две части, одна из которых перешла на сторону большевиков. Для перелома ситуации в Казахстане в свою пользу большевики в июне 1918 г. приняли декрет, по которому русским запрещалось дальнейшее поселение на землях казахов, и многие казахские роды перешли на сторону советской власти. Белые, прежде всего колчаковцы, никак не учитывали земельных прав казахов. 28 августа 1920 г. на территории Казахстана образовалась Автономная Киргизская Социалистическая Республика со столицей в городе Оренбург. 19 апреля 1925 г., она получила название Казахская АССР. После победы большевиков в Гражданской войне на этом направлении в марте 1920 г. правительство «Алаш Орды» было расформировано. В 30-е годы

большинство из них будут подвергнуты репрессиям: арестованы или расстреляны.

Таким образом, политика советской власти в период 1917–1920 гг. в Волго-Уральском регионе и Казахстане прошла три этапа;

1. Ноябрь 1917 — январь 1918 г. — декларативный курс на поддержку политики самоопределения наций в надежде на то, что они в конечном счете поддержат политику большевиков.

2. Февраль 1918 — декабрь 1919 г. — активная борьба национальных правительств с большевиками. Попытка большевиков расколоть национальное движение путем создания новых местных параллельных правительств, лояльных советской власти.

3. Декабрь 1919 — декабрь 1920 г. — борьба национальных лидеров против великодержавности белых и поворот к сотрудничеству с советской властью в надежде получить от нее в будущем гарантии национальной территориальной автономии.

Следующим крупным мусульманским регионом Российского государства была Средняя Азия. В ней выделялись ряд особенностей, которые наложили свой отпечаток на развитие революционных событий. Все народы Туркестана, за исключением таджиков, которые были иранского происхождения, связывала общность тюркского происхождения и языка. Отдаленность этих провинций и относительно недавнее их присоединение к России обусловили слабый контроль со стороны Центра. Основная масса русского населения — около 500 тысяч человек — была связана с хлопководством и железной дорогой. Центром российской колонии был Ташкент. В регионе оставались независимые государственные образования — Хивинское ханство и Бухарский эмират. Многие города Средней Азии своей историей уходили вглубь веков. В них сохранились самые древние мусульманские памятники архитектуры и письменности. Также в Туркестане присутствовало большое число немецких и особенно австрийских военнопленных, которых в массовом порядке отправляли в этот регион как наиболее отдаленный и труднодоступный до фронтов Первой мировой войны. Побег отсюда

были практически невозможны. Это накладывало свой отпечаток на жизнь региона.

Сразу после Февральской революции в Туркестане из сторонников Временного правительства был создан Туркестанский комитет и одновременно — Совет, где большинство принадлежало меньшевикам во главе с их лидером Г. И. Бройдо (впоследствии он перешел на большевистские позиции). Местная знать и духовенство создали организацию Шура-и-Уляма (Совет духовенства), где основной целью было провозглашено создание независимого мусульманского государства и переход под покровительство Османской империи.

1 ноября 1917 г. в результате переворота в Ташкенте власть ставленников Временного правительства была свергнута и перешла к Совету. В ноябре 1917 г. в результате восстания оренбургских казаков во главе с атаманом уральских казаков А. И. Дутовым связь между Европейской Россией и Средней Азией фактически прекратилась на два года. 30 апреля 1918 г. была создана Туркестанская АССР в составе РСФСР.

Ташкентское советское правительство, оказавшись в изоляции, продолжило активную деятельность по укреплению советской власти в регионе. Они отстранили нелояльных режиму мусульман от занимаемых ими должностей. Итогом этого стало вспыхнувшее в мусульманских кварталах города восстание, которое было подавлено. В это время в Коканде образовалось альтернативное правительство, сформированное представителями мусульманских кругов, которые объявили о создании Кокандской автономии (ноябрь 1917 — январь 1918 г.). Они стремились путем созыва Учредительного собрания легитимировать свою власть. В январе 1918 г. его возглавил Мустафа Чокаев (Шокай) (1890–1941), делавший ставку на культурное и языковое единство населения региона и создание единого мусульманского государства в Туркестане. В феврале 1918 г. власть в Коканде захватил *курбаши* Эргаш Ходжиев (1885–1918), имевший гораздо больший авторитет среди представителей мусульманского духовенства. Между их сторонниками начались столкновения.

Внутренними распрями воспользовались большевики, приславшие из Ташкента вооруженные формирования из красноармейцев и армянских боевиков из партии «Дашнакцутюн», которые устроили страшную резню мусульманского населения в Коканде, оправдывая ее родством тюркоязычного населения Средней Азии с ненавистными для дашнаков турками. Это вызвало недовольство всего мусульманского населения региона и объединило их в борьбе с советским правительством Ташкента.

В марте 1918 г. советское правительство в Ташкенте заключило договоры о признании независимости Хивинского ханства и Бухарского эмирата. Это было сделано с целью усилить безопасность собственной власти в наиболее тяжелый для нее период. Ташкентское советское правительство постоянно оказывалось перед угрозой антисоветских восстаний вследствие целого ряда ошибочных действий, которые они предпринимали в регионе. Они считали все крестьянство контрреволюционной силой, сохранили отношение к местному населению как к неполноценным гражданам и повели открытое наступление на ислам. В январе 1919 г. в Ташкенте произошло новое антисоветское восстание, которое также было подавлено благодаря способности и беспощадности местной большевистской власти. В июне 1918 г. была создана Коммунистическая партия Туркестана, которая должна была стать опорой режима. В ее ряды могли входить даже верующие мусульмане.

В октябре 1918 г. для руководства Средней Азией в регион была направлена Туркестанская комиссия ВЦИК и СНК РСФСР, которая руководила краем до августа 1922 г. Для укрепления местных войск в течение 1920 г. в Ташкент направляются подразделения Красной Армии. С их помощью в апреле 1920 г. был свергнут хан Хивы, несмотря на поддержку англичан, и провозглашена Хивинская Народная Советская Республика, а в начале октября того же года свергли эмира в Бухаре и образовали Бухарскую Народную Советскую Республику. Советское правительство в Москве настаивало на политике союза с мусульманскими народами, так как советская власть ощущалась только

в крупных городах и поселениях вдоль железных дорог, где работали в основном русские.

Как противовес большевизму в Средней Азии началось национально-освободительное движение — *басмачество*. Осенью 1921 г. борьбу с большевиками возглавил бывший главнокомандующий османской армии Исмаил Энвер-паша в восточной части бывшего Бухарского эмирата. В итоге многих месяцев борьбы выступление было подавлено, а Энвер-паша погиб в бою 4 августа 1922 г. После него крупнейшим предводителем сопротивления был Ибрагим-бек Локай, вплоть до лета 1931 г. активно боровшийся с большевиками на территории всей Средней Азии. В итоге он попал в плен и в августе 1932 г. был расстрелян. С его ликвидацией антисоветское сопротивление в Средней Азии приобрело менее организованный характер.

Несколько своеобразно развивалась в эти годы ситуация в Закаспии, где при поддержке англичан в июле 1918 г. возникло Закаспийское Временное правительство в Красноводске. Оно было создано как противовес власти большевиков в регионе. В январе 1919 г. англичане его разогнали и удерживали данную территорию под своей властью до апреля 1919 г. С апреля по июль 1919 г. в Закаспии находились деникинцы. Они продолжили проводить политику «единой и неделимой России», которую не поддерживали национальные окраины. С июля 1919 по февраль 1920 г. территория Закаспия перешла под контроль Красной Армии, и здесь были созданы большевистские органы власти.

Своеобразно развивались события в Крыму. Сразу после Февральской революции 1917 г. здесь возникла Директория, учрежденная Татарским национальным собранием (курултайем). В начале октября 1917 г. в Симферополе прошел Второй съезд представителей крымскотатарских организаций, где были учреждены местные органы Крымского мусульманского исполкома на местах, провозглашен курултай, игравший роль крымскотатарского Учредительного собрания. Созванный уже в ноябре 1917 г. курултай постановил создание Крымской Народной

Республики во главе с Национальной директорией из пяти человек под председательством Номана Челебиджихана, принял ее Конституцию и государственную символику. Началось создание вооруженных сил и организация законов. В декабре мусульманская директория Крыма объединилась с Советом народных представителей, созданным до этого русскими революционными организациями, оппозиционными большевикам. Было образовано единое командование военными частями. Однако внутри сторонников самой директории находили отражение обычные противоречия сторонников территориальной автономии, возглавляемых муфтием Н. Челебиджиханом, и сторонников шариатского правления. В январе 1918 г. большевики свергли Директорию и провозгласили Таврическую советскую республику Крыма. В результате чего муфтий Н. Челебиджихан был взят в плен, а в феврале зверски убит пьяными красными матросами. Большевики развернули репрессии, в результате которых погибло около шестисот известных в Крыму людей. Спасшийся директор по военным делам Джафер Сейдамет и некоторые другие лидеры «Милли фирка» сумели вернуться только в апреле 1918 г., когда в Крым вошли немецкие войска. Немцы поддерживали созданное здесь правительство российского генерала литовского татарина М. А. Сулькевича, правление которого продолжалось до окончания Первой мировой войны и вывода немецких войск в ноябре 1918 г. С конца 1918 г. в Крыму установилось Крымское правительство, которое пользовалось поддержкой Антанты и генерала А. И. Деникина. По своему составу и настроениям эта власть занимала исключительно прорусские позиции и не предполагала представлять интересы крымских татар. Соответственно Директория была расформирована.

В апреле 1919 г., с приходом Красной Армии, в Крыму восстановили советскую власть, создав Крымскую ССР. Уже в июне 1919 г. в результате наступления белой армии А. И. Деникина советская власть в Крыму очередной раз пала. После разгрома основных сил белой армии А. И. Деникина в феврале 1920 г. в Крыму укрепилась часть деникинской армии — группировка

генерала П. Н. Врангеля. После разгрома армии П. Н. Врангеля в ноябре 1920 г. татарское население Крыма стремилось к созданию национальной автономии. Наконец 18 октября 1921 г. была провозглашена Крымская АССР в составе РСФСР.

На Северном Кавказе в течение всего 1918 г. периодически вспыхивала борьба между большевиками и лидерами мусульманских народов. После ввода войск в Азербайджан по Брестскому мирному договору в марте 1918 г. османские войска заняли часть Дагестана, но покинули регион после заключения перемирия со странами Антанты в ноябре 1918 г. В июле 1919 г. эти районы были захвачены белой армией А. И. Деникина. Это не устраивало ни местных националистов, ни большевиков. После разгрома А. И. Деникина в феврале 1920 г. до конца года на всем Северном Кавказе возобновились столкновения между большевиками и сторонниками мусульманской государственности. Наиболее грозную силу у них представлял имам Наджм ад-Дин Гоцинский. Одним из его сподвижников был Саид-бек Шамиль, внук имама Шамиля.

Влиятельную силу представлял такой деятель, как Узун-Хаджи Салтинский (1848–1920), сначала поддерживавший Наджм ад-Дина Гоцинского, но позже разошедшийся с ним во взглядах. Узун-Хаджи сумел организовать совещание духовных лидеров Дагестана и Чечни, где 19 сентября 1919 г. был провозглашен Северо-Кавказский эмират во главе с самим Узун-Хаджи. В целом можно считать, что фактически с 1918 по 1923 г. в Дагестане существовало независимое мусульманское государство. Сам Узун-Хаджи не сумел противостоять большевикам и уже к весне 1920 г. был разбит и вскоре умер. Только летом 1925 г. основные силы Наджм ад-Дина Гоцинского были разгромлены, а сам он попал в плен, после чего был расстрелян. Крупные боевые действия продолжались до 1926 г. Однако борьба местных народов с большевиками также не утихла на протяжении еще многих лет, приобретя лишь новые очертания, поскольку недовольство местного населения позже провоцировали неграмотные действия советских чиновников по изменению уклада

местных народов, такие как разоружение населения, антирелигиозная кампания, коллективизация и т. д.

После поездки И. В. Сталина на Северный Кавказ в ноябре 1920 г. было принято решение о разделении мест проживания казаков и горцев рекой Терек, так как между ними постоянно происходили вооруженные столкновения. Казаки должны были перейти на северный берег, горцы — на южный. Однако до конца это размежевание не было проведено. В январе 1921 г. на Северном Кавказе возникли две автономные советские социалистические республики (АССР): Дагестанская (с центром в Темир-Хан-Шура) и Горская (центр во Владикавказе). В 1922 г. из Горской АССР выделилась Кабардино-Балкарская автономная область, Чеченский и Карачаевский национальные округа. 7 июня 1924 г. декретом ВЦИК Горская АССР была упразднена. На ее территории были созданы Северо-Осетинская и Ингушская автономные области.

Южный Кавказ показал наиболее сложный путь национально-государственного становления. Во многом это определялось чрезвычайно пестрым национальным и религиозным составом населения региона. Христианская Армянская апостольская церковь и православная Грузинская соседствовали с мусульманским турецким (преимущественно суннитами) и азербайджанским (в значительной степени шиитами, но с весьма весомым суннитским компонентом) населением. Значительное русское население составляли железнодорожные рабочие и нефтяники. Много русских проживало в Тифлисе, и особенно в Баку.

После Февральской революции национальный и религиозный вопросы на Южном Кавказе не решались ввиду их крайней запутанности и переплетения наций и религий. 15 ноября 1917 г. в Тифлисе возник Закавказский комиссариат. В его состав вошли южнокавказские делегаты, избранные в Учредительное собрание. Его главой избрали Е. П. Гегечкори. Большинство состава Закавказского комиссариата составляли грузины. Он действовал совместно с Советом Тифлиса во главе с лидером грузинских меньшевиков Н. Н. Жордания. Первоначально

Закавказский комиссариат претендовал только на осуществление власти до созыва Всероссийского Учредительного собрания и отличался антибольшевистской направленностью. После разгона Учредительного собрания отказался признать советское правительство и стал фактически независимой властью на Южном Кавказе.

5 декабря 1917 г. советская Россия подписала перемирие с Османской империей, и с фронта ушли российские части, которые подвергались нападениям при проходе через территорию Южного Кавказа. По условиям Брестского мира Османской империи передавались Батум, Ардаган, Баязет, Карс с окрестностями. Закавказский комиссариат осудил передачу этих территорий Османской империи. В ответ Османская империя ввела туда свои войска. 26 марта 1918 г. Закавказский комиссариат был упразднен, а вместо него возник Закавказский сейм во главе с Н. С. Чхеидзе, который 22 апреля 1918 г. провозгласил независимую Федеративную Закавказскую Республику. В нее вошли все южнокавказские территории бывшей Российской империи, кроме города Баку и районов, отошедших Османской империи по Брестскому договору. Однако единство трех южнокавказских республик было недолгим.

Во время переговоров о мире с Османской империей между Грузией, Арменией и Азербайджаном не было достигнуто единства. 26 мая Федеративная Закавказская Республика объявлялась несуществующей. 26 мая 1918 г. провозгласила независимость Грузия, 27 мая — Армения, 28 мая — Азербайджан. Уже через несколько недель османские войска заняли Армению и Азербайджан. Грузия обратилась за помощью к Германии и 28 мая 1918 г. заключила с ней договор, который давал гарантии от османского вторжения. Взамен Грузия отдавала под управление Германии Южнокавказскую железную дорогу и право распоряжаться грузинским сырьем. В Тифлисе был размещен немецкий гарнизон. 4 июня 1918 г. Грузия подписала мир с Османской империей.

В Баку, несмотря на все сложности, власть находилась в руках большевистски настроенных деятелей, состоявших

в основном из русских и армян, многие из которых были представителями партии «Дашнакцутюн». В марте 1918 г. дашнаки организовали страшную резню мусульманского населения в городе. В апреле большевики создали Бакинскую коммуну под руководством С. Г. Шаумяна. Бакинская коммуна продержалась до 31 июля 1918 г., когда англичане заняли город. 15 сентября того же года в Баку вошли османские войска под командованием Нури-паши.

Таким образом, к осени 1918 г. Южный Кавказ был поделен между Германией и Османской империей. Советскую Россию полностью исключали из сферы влияния на Южном Кавказе. После окончания Первой мировой войны 11 ноября 1918 г. германские и османские войска покинули территорию Южного Кавказа, и их сменили англичане, которые находились в регионе до конца 1919 г. К этому времени во всех республиках Южного Кавказа у власти утвердились националистические правительства: мусаватисты — в Азербайджане, дашнаки — в Армении и меньшевики — в Грузии.

В отсутствие других иностранных держав Россия стремилась вернуть свое влияние на Южном Кавказе. 28 апреля 1920 г. в результате подготовленного большевиками восстания в Баку Красная Армия вошла в город и взяла власть в Азербайджане, провозгласив здесь Азербайджанскую ССР. В течение осени 1920 — весны 1921 г. с помощью отрядов Красной Армии советская власть была провозглашена в Армении, а потом и в Грузии. Соответственно возникли Армянская ССР, Грузинская ССР и Абхазская ССР (позже ставшая Абхазской автономной советской социалистической республикой (АССР) в составе Грузии, наряду с Аджарской АССР). Южная Осетия получила статус автономной области в составе Грузинской ССР.

В течение периода с 1920 по 1922 г. РСФСР заключила двусторонние соглашения со всеми другими ССР. С единственной на тот момент мусульманской республикой — Азербайджанской ССР договор был подписан 30 ноября 1920 г. По нему предполагалось объединить под общим управлением (фактически

под управлением РСФСР) шесть основных отраслей: оборону, экономику и внешнюю торговлю, продовольственное снабжение, железнодорожный и речной транспорт, почту и телеграф, финансы. Азербайджанская ССР пошла на такое невыгодное для себя соглашение ввиду слабости власти. В марте 1922 г. советское руководство приняло решение об объединении всех трех республик Южного Кавказа в одну — Закавказскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику (ЗСФСР). Это вызвало бурные протесты, но решение в конечном счете было продавлено из Москвы.

После проведенной подготовительной работы 30 декабря 1922 г. на съезде делегаты РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР объявили о создании СССР. Это решение было закреплено в новой Конституции 31 января 1924 г. По новой Конституции ликвидировался Народный комиссариат национальностей (Наркомнац) и создавался двухпалатный ВЦИК в составе Совета Союза и Совета национальностей.

В 20–30-е годы XX в. происходило национально-государственное размежевание в мусульманских регионах страны, которое было окончательно закреплено в сталинской Конституции, принятой 5 декабря 1936 г. В 20-е гг. в Средней Азии были ликвидированы Хорезмская и Бухарская народные советские республики и 27 октября 1924 г. образовались Туркменская ССР и Узбекская ССР. 16 октября 1929 г. образовалась Таджикская ССР, а 5 декабря 1936 г. — Казахская ССР и Киргизская ССР и прекратила существование ЗСФСР. Образовались отдельные Грузинская ССР, Армянская ССР и Азербайджанская ССР.

В целом следует отметить, что большевикам удалось без значительного кровопролития склонить большинство мусульман Поволжья и Казахстана на свою сторону, установив в этих регионах свою власть. Несколько сложнее было на территории Крыма и совсем иначе было на Кавказе и в Средней Азии, где очаги сопротивления не угасали на протяжении десятилетий.

Одновременно, в 20-е — 30-е годы XX в. происходило уничтожение некоторых культурных традиций мусульманских

народов: выплата калыма, левират, многоженство и подобные им, которые объявлялись пережитками Средневековья и чуждыми новым социалистическим и коммунистическим идеалам. Начался переход тюркских, иранских и кавказских языков на латинский алфавит. В 1926 году для этих целей был создан Всесоюзный центральный комитет нового (латинизированного) алфавита при Совете национальностей ЦИК СССР (см. след. главу).

Когда к лету 1920 г. стало ясно, что основные контрреволюционные силы подавлены, большевики перенесли внимание на налаживание отношений с мусульманами, сделав ставку прежде всего на революционно настроенных деятелей. В начале сентября 1920 г. в Баку был созван Первый съезд народов Востока, суть которого состояла, в сущности, в повторении революционной агитации со стороны большевиков в адрес интеллектуальной элиты мусульманских народов и попытке распространить революцию на территории, находящиеся под контролем европейских колонизаторов.

16–20 сентября того же года в Уфе состоялся I Всероссийский съезд мусульманского духовенства (улемов) во главе с Г. Баруди, где было официально объявлено о восстановлении структуры Диния назараты (Центрального духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири) в центре и регионах.

В среде мусульман отыскивались собственные теоретики, выступившие со своими проектами совмещения революционных социалистических идей с мировоззрением мусульманских народов. Прежде всего это Мирсаид Султан-Галиев (1892–1940). Он попытался нащупать возможные способы безболезненной интеграции мусульман в строящееся новое социалистическое общество. Он акцентировал внимание на необходимости признания культурных и ментальных особенностей народов, считая стержневым методологическим принципом адаптацию именно социалистических идей под уже существовавшие нормы духовной культуры и быта, в том числе и мусульман. Он отмечал такие черты «восточного» общества в целом, как коллективизм,

приоритет общественного над личностным, сформировавшаяся традиция взаимопомощи, отсутствие института рабства в классическом понимании, отсутствие как таковой тенденции к жесткой социальной стратификации (высокая социальная мобильность). Даже отдельные *айаты* Корана, не впадая в противоречие с их смыслом, этот деятель нашел способ адаптировать под социалистическое учение.

Однако эти идеи М. Султан-Галиева не встретили понимания со стороны соратников по партии. Дело было как в простом непонимании того, что хотел донести до них этот татарский деятель, так и в заочном отрицании даже теоретической возможности любых отходо́в от казавшейся им универсальной схемы строительства социалистического общества. Недостаток знаний о Востоке сыграл здесь очень большую роль.

М. Султан-Галиев жестко критиковал размежевание территории страны на национальные республики на основе критериев, предложенных в 1922 г. И. В. Сталиным. Главное — он критиковал сам принцип, согласно которому одни нации почему-то признавались созревшими для создания союзных республик, другие оказывались достойными только автономий в составе этих республик. Не был, по его мнению, учтен и тот факт, что, например, во многих районах Средней Азии расселение различных этнических групп фактически носило чересполосный характер: в рамках небольших групп самоидентификация осуществлялась, исходя из родо-племенной принадлежности, в масштабах больших групп — на основе племенной у кочевых, и на основе территориальной принадлежности у оседлых народов.

В целом М. Султан-Галиев предложил создать мусульманскую социалистическую республику в составе СССР при присоединении Восточного Туркестана, тюркских районов Ирана и Афганистана. Фактически своими идеями М. Султан-Галиев поддерживал освободительную борьбу угнетенных народов Востока против «империалистического Запада».

Однако в мае 1923 г. М. Султан-Галиев был обвинен в антипартийной и антигосударственной деятельности, исключен

из большевистской партии и арестован. В его защиту выступили многие представители национальностей. Уже в июне он был освобожден, но был отстранен от работы. Второй раз его арестовали в 1928 г., обвиняя его в национализме. В 1930 г. М. Султан-Галиев был приговорен к расстрелу, но приговор заменили на 10 лет заключения, до 1934 г. он отбывал срок на Соловках. Хотя в 1934 г. его выпустили, в 1937 г. он был вновь арестован, а в декабре 1939 г. снова приговорен к расстрелу. Его казнили 28 января 1940 г.

В Советском Союзе его имя стало нарицательным, поскольку под борьбой с «султангалиевщиной» понималась любая, рассматриваемая большевиками как антиправительственная, деятельность, хоть как-то затрагивающая вопросы национальной самобытности, истории, культуры. С конца 20-х по 40-е годы XX в. прошла волна репрессий в отношении национальной интеллектуальной элиты, в том числе мусульманских народов. Любые прогрессивные идеи, хоть как-то шедшие в разрез с официальным курсом И. В. Сталина, даже любые попытки обратить внимание на особенности национальных культур, сводились под единый знаменатель контрреволюционности и реакционизма, фабриковались дела о шпионаже и подрывной деятельности.

С идеями, близкими к взглядам М. Султан-Галиева, выступил один из коммунистических лидеров Туркестана, председатель Мусульманского бюро Туркестанской коммунистической партии Т. Р. Рыскулов (1894–1938). Он предложил концепцию мусульманского социализма и создание коммунистической организации тюркских народов. Также им была предложена идея проводить выборы в ЦК ВКП (б) на основе национального представительства — от каждой национальной республики и области. Т. Р. Рыскулов высказал идею об организации при каждом наркомате в Москве особого представительства национальных республик. Однако все его предложения не были приняты. В середине 30-х годов Т. Р. Рыскулов был объявлен «врагом народа» и расстрелян 10 февраля 1938 г.

Уничтожение национальной элиты стало одним из главных итогов деятельности И. В. Сталина на посту лидера многонационального государства. Вместе с тем нужно, по-видимому, объективно признать тот факт, что, несмотря на все недостатки, большевики, так или иначе признали хотя бы сам факт существования национального вопроса в огромной стране.

Вопросы по пройденному материалу:

1. *Какие документы были изданы советским правительством в первые месяцы после событий октября 1917 г.?*

2. *Какие меры в отношении локальных мусульманских правительств предпринимало советское руководство?*

3. *Каково было отношение российской мусульманской интеллигентной элиты к Временному правительству и к советской власти?*

4. *Почему не состоялось сотрудничество российских мусульман с Белым движением?*

5. *Что такое штат Идель-Урал? В чем его историческое значение?*

6. *Как изменилась политика большевиков в отношении национальных правительств после разгрома основных контрреволюционных сил?*

7. *Охарактеризуйте процессы, сопутствовавшие становлению советской власти, в Кавказском и Среднеазиатском регионах.*

8. *Каким мусульманским народам удалось создать свою государственность в ходе распада Российской империи?*

9. *В чем, по Вашему мнению, причина неудач мусульманских народов в борьбе за свой суверенитет?*

10. *Расскажите об идеях М. Султан-Галиева.*

ГЛАВА X. МУСУЛЬМАНЕ В СССР 1922–1991 ГГ.

Если в 1917 г. многие идеалисты из мусульманской среды встретили революцию благожелательно и даже с энтузиазмом, в 20-е годы упорно сотрудничали с большевиками, то уже к 30-м годам XX в. многое изменилось. Несмотря на проводимую советским правительством политику «национального размежевания», тем не менее конституция СССР 1924 г. гарантировала свободу вероисповедания и неприкосновенность объектов культа. Но эти обещания не поднялись выше уровня формального декларирования.

После смерти в 1921 гг. Баруди, бывшего муфтием Центрального духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири, на втором Всероссийском съезде мусульманского духовенства, состоявшемся в июне 1923 г. в Уфе, на его место был избран Ризаэтдин Фахретдин (1923–1936). Кадиями были утверждены Кашшаф Тарджемани (1877–1943), Зия Камали (1873–1939), Абдулла (Габдулла) Сулеймани (1886–1937) и Мухлиса Буби (1869–1937). Мусульманское духовенство подтвердило свою готовность сотрудничать с советской властью, обратившись к ней с просьбой восстановить мусульманское образование в школах. В 1923 г. было разрешено преподавание основ ислама детям с 14 лет при условии их обучения в советских школах.

При этом новым уставом ЦДУМ, утвержденным НКВД 30 ноября 1923 г., подконтрольными ему объявляются «территории Татарской, Башкирской, Киргизской [Казахской] и Украинской республик, Чувашской, Вотской и Калмыцкой автономных областей, а равно и губерний Внутренней России и Сибири», вводится централизованная система подконтрольных мухтасибатных (районных) округов, одновременно под присмотром НКВД создается Духовное управление «Назарат-и диния» в Ташкенте

во главе с муфтием Зухреддином Аглямом⁹, которое планировалось использовать для стабилизации обстановки в Средней Азии. В Крыму группой активистов было создано Народное управление религиозными делами мусульман Крыма (НУРДМК), или «Кырым муслман халык идареи шарыйеси», просуществовавшее до 1928 г.

В связи с голодом в Поволжье в 1921–1922 гг. советская власть распорядилась изымать ценности, которые использовались при богослужении. После прихода к власти большевиков этот шаг стал первым в наступлении на религию в СССР. В 1922 г. при ЦК ВКП (б) была создана антирелигиозная комиссия и комиссия по делам культов. Главой секретариата комиссии по делам культов стал П. Г. Смидович, который являлся также членом антирелигиозной комиссии. В 1929 г. он становится председателем Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК. Он был основным лицом, с которым вели переписку представители всех религиозных конфессий СССР, включая и руководство Центрального духовного управления мусульман.

В 1925 г. была создана организация «Союз безбожников» (в июне 1929 г. на Втором съезде «Союза безбожников» она была переименована в «Союз воинствующих безбожников» (СВБ)). Бессменным ее руководителем был Е. М. Ярославский. Ее цель состояла в организации агитационной и пропагандистской работы против всех религиозных направлений и течений, существовавших в СССР.

До середины 1929 г. в СССР проводилась политика ограничения религии. После этого периода начался процесс, который называют искоренением религии. Несмотря на некоторые религиозные ограничения, в 20-е годы в целом религия в СССР продолжала существовать без элементов резкого давления на нее. До середины 20-х годов XX в. в мусульманских регионах открыто праздновали Ураза-байрам, Курбан-байрам, не скрывали поста в месяц Рамазан (Рамадан). Продолжалось преподавание мусульманского вероучения в мечетях. Советская власть

---

⁹ Годы жизни установить не удалось.

в этот период стремилась через внимание к проблемам мусульман побудить их единоверцев в других странах, зачастую находившихся в колониальной зависимости от европейских стран, к освобождению и следованию по пути, который предложили для сторонников ислама советские руководители. Фактически в этот период советское руководство еще не оставило надежду использовать мусульман в СССР для мировой мусульманской социалистической революции, где на первое место выходила борьба с колониализмом империалистических государств.

Однако уже в середине 20-х годов XX в. появляются первые признаки антирелигиозных проявлений на бытовом уровне. На эти моменты обращает внимание муфтий ЦДУМ Р. Фахретдин в своих письмах на имя председателя ВЦИК СССР М.И. Калинина. В основном обращается внимание на ущемление прав мусульман на бытовом уровне, где большое место заняла антирелигиозная пропаганда, которая активно проводилась в стране и подталкивала население к противоправным действиям против верующих мусульман. Особенно это было заметно в сельской местности, где случаи оскорбления религиозного чувства мусульман со стороны деревенской партийной молодежи, которая никем не удерживалась от этих поступков, и совершавшие их оставались всегда безнаказанными. Школы первой и второй ступени превратились в места, где непрерывно происходило поношение Бога, религии и лиц, почитаемых верующими. Дети верующих мусульман или страдали от этого, или начинали относиться отрицательно к убеждениям родителей. 4 декабря 1924 г. в поселке Никольском Орского уезда Оренбургской губернии учитель школы на глазах учеников сжег в печке Коран. Кроме того, несмотря на стремление охватить всех детей образованием, детей мусульманского духовенства зачастую не брали в школы или же выставляли их родителям невыполнимые материальные условия.

Происходила дискриминация молодых людей из семей мусульманских религиозных служителей при прохождении армейской службы. Призываемые в Красную Армию дети

мусульманского духовенства демонстративно назначались на самые грязные и унижительные работы, как, например, чистка отхожих мест.

В июне 1926 г. в Мекке состоялся Всемусульманский конгресс, или Конгресс мусульман мира, на котором присутствовали 57 делегаций различных мусульманских стран и территорий и 157 приглашенных лиц и представителей прессы. Советские власти разрешили участие в конгрессе делегации мусульман СССР по главе с муфтием Р. Фахретдином. Такая благосклонность была проявлена для противодействия другому мусульманскому конгрессу, который проходил в Каире по избранию халифа. Делегация мусульман СССР была одной из самых многочисленных. Кроме муфтия Р. Фахретдина в нее входили его заместитель К. Тарджемани (1877–1943), имамы: от духовенства г. Астрахани — Г. Гомери (1887–1937), от духовенства Татарии — Т. Ильяси (1881–1930), муфтий Крыма — Х. Мусляхеддинов (?–?), от духовенства Петропавловска (Казахстан) — Махди Магкулов (1862 (1874?)–1937), от мусульман Туркестана — Абдулвахит Кари-ев (1859–1937), от мусульман г. Москвы — М. Бигиев, которому делегировали свои полномочия мусульмане Восточного Туркестана. Всего в конгрессе участвовали представители всего Ближнего и Среднего Востока, мусульманской Индии, Восточной Африки и острова Ява. Данный конгресс был еще важен для советских властей тем, что на нем одной из основных задач ставилась борьба мусульманских народов против колониализма западных стран. В итоге так и получилось. Основной идеей конгресса стала задача объединения мусульман для борьбы за независимость. Р. Фахретдин, от имени мусульман СССР выступил в поддержку власти, подчеркивая ее заслуги прежде всего в создании условий для развития мусульманского образования, рассуждая о дальнейших возможностях и широких перспективах, но в действительности его надежды не оправдались.

В конце октября 1926 г. в Уфе состоялся Третий Всероссийский съезд мусульманского духовенства. Помимо того, что собрание было малочисленно, большая часть поднятых

здесь вопросов была сочтена советскими органами безопасности «нежелательными» для разработки. Здесь муфтием и председателем был переизбран Р. Фахретдин, его заместителем избран К. Тарджемани.

Резкая смена курса правительства во второй половине 20-х годов XX в. ознаменовала попытки насаждения единой схемы социалистического общества, создания универсального механизма управления на местах, борьбу с религией, отражавшуюся в упразднении мухтасибатов, закрытии религиозных учебных заведений, разрушении мечетей, конфискации земель, уничтожении богословской литературы, арестах и казнях мусульманских учителей и духовных лиц как «контрреволюционных элементов». В 1927 г. были ликвидированы шариатские и адатские суды, конфискованы вакфы, которые существовали на Северном и Южном Кавказе, в Казахстане и в Средней Азии. С февраля 1929 г. после соответствующего постановления ЦК ВКП (б) начинается активная фаза борьбы с религиозными организациями, позиционируемыми как контрреволюционные силы. Коран попадает в список запрещенных книг, начинается массовое изъятие экземпляров изданий из библиотек. С конца 20-х годов начинают массовые аресты мусульманского духовенства, особенно в тех регионах, где они выступали сторонниками сохранения мусульманского права. Так, в Дагестане в 1930–1933 гг. были репрессированы 1212 религиозных деятелей.

А. Валидов, бывший в это время в эмиграции, еще в 1925 г. писал многим мусульманским деятелям, бывшим соратникам и соперникам, призывая их раскрыть глаза — он предсказывал, что советская власть будет стремиться стереть память народов об их прошлом и через социализм опять насаждать русоцентризм.

В Средней Азии ситуация усложнялась ввиду продолжающегося сопротивления басмаческого движения и одновременно развития в середине 20-х годов движения так называемых прогрессистов — представителей мусульманского духовенства, сторонников продолжения курса джадидистов, направленного

фактически на национальное развитие и освобождение. Они приобретали в массах широкую популярность. Идеологически им противостояло консервативно настроенное духовенство, объединившееся в организацию «Махкаме-и Шарийа» (Совет праведения). В городах прогрессисты распространяли свое влияние на духовенство, организовывавшее собственные областные Духовные управления, которых к 1927 г. насчитывалось несколько: в Ташкенте, Самарканде, Коканде, Андижане, Намангане, Маргелане, Старой Бухаре, Хиве, Оше и др. ОГПУ явно утрачивало влияние на марионеточное Ташкентское Духовное управление, в то время как остальные продолжали активно открывать школы и принимать учащихся в медресе, что беспокоило Москву, однако, в докладе полномочного представителя ОГПУ в Средней Азии от 4 июня 1927 г. констатировалось, что «в аул» влияние духовных управлений глубоко не проникает. Одновременно их беспокоили попытки ЦДУМ распространить здесь свое влияние, выражающееся, в частности, в открытии мухтасибатов.

В конце 1920-х гг. многим народам, в том числе мусульманским, была навязана система письменности, основанная на латинице (затем заменена на кириллицу), несмотря на возражения общественных деятелей, выступавших за сохранение исторически сложившихся в этих культурах систем письма (у мусульманских народов — преимущественно, арабица). Для ряда республик, в составе которых было множество этнических групп, был объявлен официальный «литературный» язык, назначенный попросту из какого-либо одного из множества диалектов, равноправно бытовавших в языковой среде этих народов. При этом нередко выбирались диалекты, наиболее далеко отстоящие от других родственных языков, например, для башкирского — говоры челябинских и курганских башкир (не вошедших в БАССР), наиболее далекие от татарского, впрочем, в других случаях ситуация была не лучше. Это повлекло не только начало искусственного отдаления родственных народов, таких как, например, тюркские, но и утрату мусульманской образованности, предполагавшей владение арабицей.

Во второй половине 20-х годов XX в. создаются еще две организации, которые имели своей целью влияние на умы и настроения верующих. В 1927 г. создается «Общество развития и распространения идей кремации в РСФСР». С 1932 г. оно стало называться Всероссийское кремационное общество. Одной из основ, как христианства, так и ислама, является ритуал погребения усопшего в землю. Кремация же предполагала полное уничтожение умершего в огне и превращение его в пепел. В качестве крематориев предлагалось использовать церкви и мечети. Советская власть решала введением кремации сразу две задачи. Первая — не просто закрытие культовых зданий, но и практическое их осквернение через проведение в них кремационных мероприятий. Вторая — наглядный пример нерелигиозного подхода к одной из главных инициаций — концу земной жизни человека. Второй организацией стал возникший 1 июля 1925 г. в городе Теплице (Чехословакия) «Интернационал пролетарских свободомыслящих», который включал и представителей СССР. Его задачей являлось проведение массовой атеистической работы среди молодежи и трудового населения как на Западе, так и на Востоке.

Отношение к религии в СССР изменилось после проведения второго съезда Союза безбожников в 1929 г. 14 февраля 1929 г. по итогам съезда был издан Проект резолюции Политбюро ЦК ВКП (б) за подписью секретаря ЦК Л. М. Кагановича «О работе антирелигиозной комиссии ЦК и циркулярные письма о мерах по усилению антирелигиозной работы». В отношении мусульманских регионов отмечалось, что борьба с религиозным влиянием часто ведется неправильно, указывалось на недопустимость административного запрещения исполнения религиозных обрядов мусульман без серьезной общественной надобности и без необходимой подготовки общественного мнения населения. Запрещалось закрывать мухтасибаты, как единственно легально действующие очаги религиозной жизни. Власти опасались, что после их ликвидации вся религиозная жизнь перейдет на нелегальное положение и бороться с этим будет еще труднее. В документе религиозные организации (подразумеваются,

например, мутаваллиаты или церковные приходы) открыто называются «легально действующими контрреволюционными организациями, имеющими влияние на массы».

В этом же документе указывается на то, что протестантские организации являются сектами, а все католики связаны с западными спецслужбами и борются против СССР. Поэтому в отношении них предлагался полный запрет и ликвидация. В этих условиях в середине 30-х годов самораспустился ДУМ Крыма, было уничтожено Башкирское Духовное управление. К началу войны с Германией в СССР на легальном положении, среди официальных религиозных организаций, остались только православный Московский патриархат, Обновленческая (сторонники реформации православной церкви) православная российская церковь (в период 1925–1943 гг. — Поместная российская православная церковь) и мусульманское ЦДУМ. Все остальные религиозные направления и течения были запрещены.

В этот же период издаются два документа, которые регламентировали жизнь верующих в СССР до периода его распада: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. и «О религиозных объединениях» от 16 января 1931 г. От этого же дня — инструкция ВЦИК «О порядке проведения в жизнь законодательства о культурах». В них выделялось шесть основных положений:

1. Есть два вида религиозных объединений: свыше 20 верующих и менее 20.

2. Обязательная их регистрация в ЦИКах и горсоветах. Для регистрации нужна заявка не менее чем от 20 человек.

3. Верующие берут на себя ответственность за содержание и охрану культового здания, а также оплату налогов.

4. Всякое публичное отправление культа законодательно запрещено за исключением похорон на кладбище и шествий в ограде культового здания в дни больших религиозных праздников. Другие публичные шествия требуют своего согласования.

5. Служители культа рассматриваются законом как наемные лица данного религиозного общества и не входят в состав правления. Район их действия устанавливается при регистрации.

6. Религиозные общества не пользуются правами юридического лица и не могут заниматься другого рода деятельностью, кроме отправления культа.

Ужесточение отношения к религии на законодательном уровне вызвало еще большее рвение на местах в искоренении религиозных чувств. Муфтий Р. Фахретдин в своих письмах к Председателю ВЦИК СССР М. И. Калинину, датированных началом 30-х годов XX в., отмечает эти проявления. Наиболее часто встречающиеся: поголовное изъятие мечетей у верующих под различные нужды, налоги на духовенство, которые не соответствуют их фактическим доходам. Духовные лица, вне зависимости от размера их хозяйства, были раскулачены и под разными предлогами лишены свободы или высланы, имущество их конфисковано, семейства выселены из домов на улицу зимой и оставлены без всяких продуктов питания. В итоге многие их дети отмораживают себе ноги. Такое поголовно происходило в Татарской и Башкирской АССР. В этих же республиках во время сбора железного лома, тряпья и утильсырья по деревням у мулл и верующих забирали Коран и другие религиозные книги. Запрещались пятничные молитвы и соблюдение поста в месяц Рамазан. Служители правопорядка в это время обходили дома верующих и накладывали штрафы на соблюдающих этот обряд.

Многие служители культа высылаются на принудительные работы по заготовке леса и на унижительные работы по очистке отхожих мест. Примером крайнего беспредела по отношению к духовенству может служить следующее: в начале марта 1930 г. 80-летний мулла деревни Бугульминского кантона ТатАССР Ханиф Абдулкаюмов после длительной болезни лежал в предсмертной агонии. Когда над ним читалась отходная молитва, явились 5 милиционеров. Они арестовали его, завернули в одеяло, положили в сани и увезли в неизвестном направлении. Его судьба неизвестна.

Итогом всех этих постановлений и действий стало резкое сокращение к концу 1930 г. религиозных обществ в мусульманских регионах СССР. В ТАССР из 24 мухтасибатов уцелели 3;

в БашАССР из 23 — 3. В других мусульманских регионах РСФСР из 39 мухтасибатов осталось 11. Во всем Казахстане осталось 2. Всего по стране 87% мухтасибатов закрылись. Осталось лишь 13%. Основная их масса закрылась в последние месяцы 1929 и в начале 30-х годов. Более всех пострадали ТАССР, БашАССР и КазССР. К середине 30-х годов из 14 тыс. мечетей, действовавших на период 1918 г., 12 тыс. было закрыто.

После завершения в 1929 г. «земельно-водной реформы» в Средней Азии, которую поддержали прогрессисты, предполагавшей, в сущности, то же раскулачивание, власти усилили натиск на ислам, перенаправив его с «кулаков, баев и манапов»¹⁰ на мусульманское духовенство.

Вторая половина 30-х годов XX в. стала наиболее мрачным периодом для мусульманской веры и духовенства за все время существования СССР. Р. Фахретдин не дожил до тех событий, когда было сфабриковано «Дело о заговоре руководителей ЦДУМ». После его смерти среди его последователей начались разногласия между К. Тарджемани и Г. Расулевым по назначению преемника, что во многом сыграло на руку НКВД.

В январе 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР было осуждено и приговорено к высшей мере наказания (расстрелу) руководство ЦДУМ. Они были признаны виновными в том, что якобы, являясь участниками контрреволюционной татарской националистической организации, одновременно были связаны с агентурой иностранных разведок, собирали и передавали за границу шпионские сведения о Советском Союзе. Главами этой самой организации были объявлены заместитель председателя ЦДУМ Кашшаф Тарджемани и Зия Камалетдинов (Камали). Также были расстреляны Абдулла Сулеймани и Мухлиса Буби. В заключении умер историк Хасан-Гата Габяши (1863–1936), были расстреляны писатель Фатих Карими (1970–1937), историк Хади Атласи, публицист и драматург Абдурауф Фитрат и др. Тысячи религиозных деятелей и активистов стали жертвами

¹⁰ *Мананы* — главы кыргызских родов.

репрессий на Северном и Южном Кавказе, в Казахстане, Средней Азии. Их обвиняли в создании контрреволюционных организаций, шпионаже, подготовке терактов и связях с иностранными спецслужбами и лидерами, включая короля Сауда. Надо сказать, что большой резонанс в мусульманском мире вызвала казнь Карима Хакимова (1892–1938), первого полномочного представителя СССР в арабских странах, пользовавшегося огромным уважением в Саудитском государстве, которое было первым признано «страной Советов», и Назира Торекулова (Тюрякулова) (1892–1937), второго посла СССР в Саудовской Аравии (до 1932 г. — Королевство Неджда и Хиджаза). Лишь во второй половине 50-х гг. все они были реабилитированы.

Главный орган того времени, который регулировал религиозные отношения в СССР — комиссия по культам. Членами этой комиссии к 1937 г. были: П. А. Красиков — председатель; Н. А. Семашко (от Президиума ВЦИК); Б. Л. Борисов (от Прокуратуры СССР); И. Н. Мартемьянов (от Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС)); Е. М. Ярославский (от ЦС СВБ — Союза воинствующих безбожников); Ф. Н. Олещук (от ЦС СВБ).

В их обязанности входило: разработка и предварительное рассмотрение проектов законодательных актов по вопросам, связанным с культами; общее руководство правильным применением этих законов; систематизация законов, касающихся культов; представление Президиуму ВЦИК заключений по вопросам культов; рассмотрение жалоб на неправильные действия ЦИКов АССР, краевых и областных исполкомов по вопросам, связанным с отправлением культов, о закрытии молитвенных зданий и расторжении договоров с религиозными обществами и группами верующих; общий учет религиозных объединений и составление статистических сводок по ним.

Одной из основных обязанностей комиссии являлось рассмотрение жалоб и прием ходяков с мест. В 1936–1937 гг. по мусульманским регионам самое большое количество жалоб пришло из Татарской АССР: 1936 г. — 91, 1937 г. — 115. По Оренбургской

области соответственно 60 и 110, Башкирской АССР — 90 и 79, Казахской ССР — 55 и 38, Киргизской ССР — 0 и 10, Дагестанской АССР — 0 и 40, Таджикской ССР — 0 и 5, Туркменской ССР — 0 и 2, Узбекской ССР — 0 и 2. Всего в комиссию за 1937 г. со всего ССР поступило 8679 жалоб и принято 2637 ходоков.

Характер письменных и устных (от ходоков) жалоб по мусульманским регионам (по мере убывания на 1937 г.) был следующий: на закрытие молитвенных зданий; на временное изъятие молитвенных зданий; жалобы служителей культа на обложение налогами (включая культурный сбор); на привлечение к поставкам, заявления на освобождение от поставок по старости; на неправильное обложение налогами молитвенных зданий (страховые платежи, налог со строения, земельная рента); на закрытие кладбищ, на бесхозяйственное состояние их, на снос надмогильных памятников, на снос оград около культовых зданий); на неправильную регистрацию или отказ в регистрации служителей культа и религиозных обществ; изъятие сторожек около мечетей; штрафы на религиозные общества и служителей культа. Также были ходатайства об открытии молитвенных зданий.

На какие цели изымались мечети (по мере убывания): под школы, на снос, под клубы, кинопрокаты, кино, пионерские клубы, больницы, театры, музеи, детские ясли, библиотеки, архивохранилища, спортклубы, техникум, родильные дома, электростанции, общежития, мастерские, водонапорные башни, красные уголки, под культпросвет на цели без точного назначения, для использования по согласованию с Комитетом по охране памятников.

Комиссия по культурам разбирала и действия советских и партийных работников, которые в той или иной мере способствовали сохранению действующих мечетей. Бывший председатель ЦИК Татарской АССР Г. Г. Байчурин не разрешал работникам Комиссии по культурам Татарского ЦИКа отправку в Москву докладных записок и материалов о состоянии религиозного движения и о практике проведения в жизнь законодательства

о культах в Татарской АССР. Будучи ответственным работником аппарата республиканского парткома Татарской АССР, Байчурин при ликвидации мечетей давал установки по запрещению снимать минареты, объясняя это тем, что местные плотники не сумеют хорошо заделать отверстия в крыше... Второй секретарь Татарского ОК ВКП (б) Г. М. Мухаметзянов у себя на родине в селе Татарская Бездна на собраниях колхозников под предлогом того, что Конституция 1936 г. предоставила избирательные права служителям культа, проводил на них выборы мулл.

Но бывало, комиссия по культам нередко по рассмотрении жалоб и отказывала в закрытии мечетей. Это касалось, как правило, четырех причин: закрытие мечетей без установленного законом порядка, когда нет постановления Президиума ОбЛИКа или ЦИК АССР или ССР; нет объявления о закрытии, верующим не дается положенного времени на обжалование решения в ЦИК республики; закрывали, не дождавшись решения по жалобе верующих; закрытие за ветхостью. В последнем случае религиозному обществу давался преувеличенный план по ремонту и нереальные сроки его выполнения. При этом сборы денег на ремонт культовых зданий запрещали. Закрытие мечетей по причине «эпидемий». Обычно это делалось только по отношению к культовому зданию и перед большими религиозными праздниками без объявления карантина в районе. Изъятие культовых зданий под ссыпку зерна, когда не хватало мест для его хранения. Свои действия комиссия по культам объясняла отсутствием массовой разъяснительной работы среди населения на местах и желание местного руководства быстрее отпортовать о выполнении положений об антирелигиозной работе во вверенном им регионе.

В двух случаях по жалобам верующих комиссия всегда запрещала закрывать мечети: дальность расстояния до ближайшего действующего религиозного храма (расстояние колебалось от 10 до 30 км) и последнее открытое молитвенное здание в районе.

Подобные комиссии по культам были созданы во всех ССР, кроме Таджикской ССР. В Азербайджанской ССР такая комиссия

установила завышенную норму для создания религиозного общества — 50 человек. В других регионах страны эта цифра колебалась от 10 до 20 человек. Комиссия по культурам в Узбекской ССР пошла дальше всех. В республике насчитывалось 3457 закрытых мечетей, которые вообще никак не использовались. Особенно много таких закрытых мечетей было в Андижане и Маргелане. В Шарабадском районе Узбекской ССР были закрыты все (101) мечети. Такого не было в тот период ни в одном другом регионе СССР.

В 1937–1940 гг. в результате репрессий погибли не только люди, причастные к политической деятельности, но и историки, филологи, литераторы, публицисты — реально представлявшие собой мыслящий контингент, интеллектуальную элиту, способную возглавить свои народы. На руководящие посты в регионах были поставлены люди, либо совсем не знакомые со спецификой местных культур, либо малограмотные выходцы из национальной среды, беспрекословно выполнявшие предписания партии большевиков.

Итогом такой политики был, например, голод в Казахстане в начале 30-х годов XX в., начавшийся из-за того, что советские руководители решили начать борьбу с кочевым образом жизни как пережитком прошлого и признаком отсталости. В результате радикальных мер была разрушена не только складывавшаяся веками система социальных отношений, но и уничтожена вся система хозяйствования, поскольку многие земли, где предполагалось развивать земледелие, для этого не годились, люди этого делать не умели, а инвентаря не хватало. В результате голода и вынужденных миграций погибло до 30% казахов. Позже на эти обезлюдившие земли переселили русских крестьян. Параллельно с этим приобрел массовый размах феномен «откочевников» — казахов, уходивших со своих родовых земель в Казахстане на пограничные в России или Узбекистане.

Подобные массовые миграции населения были достаточно распространены и по своим масштабам сопоставимы

с пореформенной урбанизацией 1870–1900 гг., промышленным освоением Сибири и Дальнего Востока или современными нам миграционными процессами. Результаты относительно изменения этнодемографии примерно также совпадают. На примере анализа ряда мусульманских общин городов и рабочих поселков Центральной России (Иваново, Тула, Владимир, города и поселки Московской обл. — Щелково, Востряково Домодедовского р-на, Подольск и др.), Урала, Сибири (Прокопьевск Кемеровской области и др.) и даже Дальнего Востока (пос. Тавричанка Приморского края) мы можем фиксировать образование этих общин в 20-е — 30-е гг. XX в. Масса людей, опасаясь репрессий или же раскулачивания, покидала родные места и переселялась в другие регионы страны; нередко переселение происходило «в одну ночь», тайным образом. Так как государством был взят курс на индустриализацию, то становится понятен процесс переселения именно в города и рабочие поселки. С другой стороны, советское государство получало для работы на стройках пятилеток наиболее трудолюбивое население. В качестве инструмента переселения использовался и оргнабор, куда завербовывались потенциальные жертвы раскулачивания. В новых местах они старались селиться компактно, образуя поселки выходцев из той или иной местности, зачастую в частном секторе (предприятия давали участки земли под застройку, на которых самостоятельно ставились жилища, на первых порах — нередко землянки или саманные мазанки).

Но переселение само по себе не означало отказа от привычного образа жизни, и вследствие этого поддерживалась религиозная практика, главным образом выраженная обрядами жизненного цикла (имянаречение, брак, погребальная молитва, поминки по умершим в то время носили множество региональных названий). При этом отмечается проведение и пятничных и праздничных намазов. Насколько известно, институционализация общин данного типа начала происходить лишь в 90-е годы XX в., хотя их образование приходится на период с 20-х по 50-е — 60-е годы XX в. Единственной доступной его формой было

выделение земли либо под кладбища, либо мусульманских участков на уже существовавших. Интересен тот момент, что местные власти (города, района города или же поселка) именно по вопросам функционирования кладбищ поддерживали отношения с лидерами общин (*имамами*), признавая в них авторитетов местного татарского населения. В тех случаях, когда мы можем выявить личности неофициальных имамов таких общин, то наблюдается такая закономерность: все они получали образование в дореволюционных медресе, часть имамов известна по времени сотрудничества с ними советской власти (*хуррият*), многие из них избежали репрессий путем официального сложения с себя имамских обязанностей. В некоторых общинах, сформировавшихся из ссыльных (Кемеровская обл.), часть неофициальных имамов успела отбыть наказание в ссылке или на поселении (раскулаченные). Даже в тех случаях, когда образование моноэтнических поселков или кварталов было невозможно (Москва, Ленинград и др.), мусульмане-переселенцы из сельской местности образовывали собственные социальные сети, в состав которых входили неформальные религиозные лидеры (неофициальные имамы). Несмотря на то, что в данном изложении привлечены преимущественно полевые материалы по образованию новых городских общин с татаро-башкирским и казахским этническим наполнением в Центральной России, Урало-Поволжье и Сибири, аналогичный механизм присутствовал и в формировании новых городских общин в Средней Азии и на Кавказе (главным образом в промышленных центрах).

К 1941 г. в округе ЦДУМ осталось менее 100 мечетей из 14 825, действовавших в 1926 г.

Неудивительно, что подобные меры вызывали среди местного населения лишь антипатию к советской власти. Однако так как национальная интеллигенция была уничтожена, оказать реальное противодействие большевикам было практически некому. Только эмигрировавшие деятели могли каким-то образом пытаться вести борьбу с большевиками, но она ограничивалась лишь пропагандой. Мусульманская эмиграция принимала

активное участие в деятельности различных эмигрантских организаций, в том числе в Харбине, Стамбуле и Варшаве.

Еще 1925 г. в Хельсинки была зарегистрирована первая татарская община «Исламийа», созданная группой татарских эмигрантов в объединении с соотечественниками, переселившимися сюда еще во второй четверти XIX в. В 1935 г. здесь был организовано Татарское культурное общество. В 1930-е гг. во многом благодаря стараниям Г. Исхаки открылась первая мечеть в г. Кобе в Японии, имамом которой стал Модияр Шамгуни (Мадьяр Шамгулов) (1874–1939) — выпускник медресе Хусаинийа. В октябре 1937 г. открылось новое здание татарской мечети в Харбине. Благодаря стараниям Г. Исхаки в ноябре 1935 г. в Харбине было налажено издание татароязычной газеты «Милли Байрак», выходявшей вплоть до марта 1945 г. и пользовавшейся популярностью у всех татарских общин зарубежья. Они не теряли надежды вернуться на родину и активно способствовали, насколько позволяли возможности, поддержке друг друга и своих сородичей, оставшихся в СССР. Представители мусульманских народов, преимущественно Южного и Северного Кавказа, принимали активное участие в работе эмигрантского общества «Прометей», созданного в 1926 г. в Париже, но базировавшегося преимущественно в Польше (отделения — в Харбине, Хельсинки, Берлине и Тегеране).

Следует обозначить и еще одну непростую тему в проблематике истории советских мусульман, восприятие которой целиком зависит от ракурса рассмотрения. Начиная с 1941 г. в составе германской армии фиксируется наличие антибольшевистских военных частей, набиравшихся из взятых плен представителей мусульманских народов, призванных в Красную Армию. Отдельные формирования составляли выходцы из различных мусульманских регионов, находившихся в составе Советского Союза: из народов Поволжья — легион «Идель-Урал», из народов Средней Азии — «Туркестанский легион», азербайджанцы сформировали отдельный «Азербайджанский легион», народы Северного Кавказа были объединены в «Северокавказскую дивизию».

Однако немецкое командование само опасалось этих частей, поэтому не предпринимало больших усилий для их обучения и снабжения, отправляя их в основном на тыловые охраняемые работы, борьбу с партизанами и т. д. Кроме того, именно в подобном мусульманском формировании — одном из двух батальонов «Идель-Урал» — произошел переход всего личного состава на сторону партизан. Второй батальон немедленно был расформирован и отправлен обратно в концлагерь. В ходе следственных действий немецкими властями было установлено, что с самого начала в батальонах действовала подпольная организация. Имя одного из ее руководителей — Мусы Джалиля (1906–1944) известно почти всему миру, но при этом почти никто, кроме специалистов, не знает об обстоятельствах его ареста и судьбах десятков и сотен его соратников. Послевоенная советская пропаганда явно передергивала и переоценивала роль этих частей, потому что их участие в боевых действиях, да и сама численность несравнимы с такими, например, частями коллаборационистов, как Российская освободительная армия, украинские дивизии «Галичина» и «Нахтигаль», ОУН — УПА и многие другие воинские части, сформированные из немусульманских национальностей. Что же касается полицейских частей, то там служили представители всех народов, не исключая даже обычно не упоминаемых в этой связи евреев (в Варшавском и других гетто и т. д.)

Во время войны Советского Союза с Германией представители мусульманского населения, как и все, призывались в Красную Армию и участвовали в сражениях. В мае 1942 г. советским правительством было инициировано принятие на совещании улемов при ЦДУМ в Уфе «Обращения ко всем мусульманам Советского Союза», от имени муфтия Габдрахмана Расулева призывавшего к джихаду против немецко-фашистских захватчиков.

Вместе с тем не должно удивлять то, что и среди советских мусульман существовали группы, не обнаружившие понимания необходимости и значимости этой войны, принимая участие в которой чуждый для них большевистский режим

руководствовался собственными интересами. Еще не до конца утихли бои с сопротивлением горских (например, восстание Хасана Исраилова в 1940 г.) и басмаческих отрядов, а население устало от репрессий и навязывания ему чуждых культурных стереотипов. Поэтому не должно вызывать удивления то, что ряд активных национальных деятелей благожелательно встречали немецкие войска, наивно полагая, что германские власти выступят в роли защитника от произвола. В целом данный вопрос гораздо сложнее той банальной двухмерной картины, которая была нарисована по итогам войны.

Недалековидная политика большевистских властей только способствовала тому, что симпатии непонятого ими населения были не на их стороне. Необходимо сказать, что и лозунги, выдвигаемые немецкой пропагандой, отнюдь не соответствовали действительным планам германского руководства. Однако, как когда-то большевикам, им удавалось создать привлекательные условия, чтобы склонить к сотрудничеству часть представителей национальных элит.

В условиях неудачно протекавшей войны И. В. Сталин принял решение задействовать все рычаги для мобилизации населения. Мусульмане активно участвовали в сборе средств для фронта и оказания помощи семьям солдат, героически проявляли себя и в рядах Красной Армии. Это не раз получало отражение в благодарственных речах И. В. Сталина.

В октябре 1943 г. на Первом курултае мусульманских улемов, одобренном И. В. Сталиным, от имени мусульманских богословов Казахстана и Средней Азии с призывом бороться с германской агрессией выступил освобожденный из тюрьмы авторитетный богослов Эшон Бабахан (1858–1957). Здесь же было объявлено о создании Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) с центром в Ташкенте. Бабахан был выбран муфтием.

Далее И. В. Сталин еще несколько смягчил свой курс в отношении мусульман в целом, вероятно стремясь избежать усложнения внутренней обстановки в стране с разрушенной экономикой.

Уже в мае 1944 г. при СНК СССР был создан Совет по делам религиозных культов, который должен был координировать работу с религиозными организациями. 19 ноября 1944 г. им было принято постановление «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов», касавшееся прежде всего религиозных сооружений на прежде занятых немцами территориях. Настоящего результата это постановление не принесло, однако сам факт таких намерений говорит о том, что советское руководство стало уделять значительно большее внимание религиозным вопросам.

Еще в апреле 1944 г. было объявлено о создании Духовного управления мусульман Закавказья (ДУМЗАК) с центром в Баку, которое возглавил шейх-уль-ислам Ага Али-заде (Зейнал Абидин) (1871–1954), в июне того же года было одобрено создание Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) с центром в Буйнакске¹¹, где и произошло собрание мусульман Северного Кавказа, инициировавшее этот проект, возглавил организацию Хизри-кади Гебеков (ум. 1950).

Духовные управления находились в подчинении новосозданного Совета по делам религиозных культов (СДРК) при Совете Министров СССР. Советская власть приложила значительные усилия по децентрализации мусульман страны, сохранив, в сущности, у региональных ведомств лишь богословские функции, изъяв функции развития религиозного образования и создания структур на местах. При этом уже в 1942 г. в ЦДУМ происходит избрание шести новых кадиев, одновременно ставших главами мухтасибатов, объединивших по несколько регионов. В составе САДУМ были созданы кадияты по каждой из республик.

Однако большевики не извлекли никакого опыта и из происходивших событий. Уже в 1944 г., когда немецкие войска были вытеснены с контролировавшихся советским правительством территорий, начались репрессии в отношении целых республик. Из мусульманских народов были подвержены депортации

---

¹¹ В 1975 г. перенесен в Махачкалу.

чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы (ахыска), аджарские турки-османы, хемшилы, курды и др.¹² Даже представители этих этносов, находившиеся на прифронтовой полосе, арестовывались и отправлялись в места ссылки — в Казахстан и Среднюю Азию. Огромные потери эти народы понесли во время самого процесса депортации, огромный урон культуре этих народов был нанесен в период их пребывания в этой ссылке. Травля этих народов началась и на идеологическом уровне — их фактически вычеркивали из официальной истории. Закон о реабилитации большинства репрессированных народов (кроме крымских татар и немцев Поволжья) вышел в 1956 г. Им было разрешено вернуться в 50-е годы XX в., когда была восстановлена территориальная автономия мусульманских народов Северного Кавказа, но ряд районов, где когда-то они проживали, были заняты новыми поселенцами. Вместе с тем советские власти Украины не допустили возвращения крымских татар, а Грузии — турок-месхетинцев, турок-османов и хемшилов. В 60-е годы XX в. началось движение за возвращение крымских татар на родину, но они смогли это сделать лишь на рубеже 80-х–90-х годов XX в. Длительное время существовали проблемы с возвращением чеченцев-аккинцев в бывший Ахуновский район Дагестана (ныне Новолакский и частично Казбековский р-ны) и Пригородный район Северной Осетии. Если с ауховцами вопрос хотя бы частично был решен, то ситуация вокруг Пригородного района послужила поводом для осетино-ингушского конфликта 1992 г., принесшего многочисленные жертвы с обеих сторон.

Что касается групп мусульманского населения, выселенного из Грузии в 1944 и 1948 гг., — турок-месхетинцев (ахыска), хемшилов (армян-мусульман или же группы, имеющей сложное армяно-турецкое происхождение и самоидентификацию) и турок-османов из Аджарии (поначалу выселены были также частично

---

¹² В ходе пребывания у власти И.В. Сталина депортированы были не только мусульманские народы, но также приморские корейцы, финны-ингерманландцы, поволжские немцы, калмыки, с территории Крыма — также понтийские греки, болгары, цыгане.

аджарцы, но впоследствии они вернулись, доказав свою аджарскую (грузинскую) принадлежность), то ситуация с этими группами продолжает оставаться напряженной. Представители всех трех групп по советским переписям регистрировались турками и проживали преимущественно в Узбекской, Киргизской и Казахской ССР. В ферганском конфликте 1989 г. турко-месхетинское население серьезно пострадало и было преимущественно эвакуировано из Узбекской ССР в сельские районы российского Нечерноземья, а также в Казахстан и Азербайджан. Не имея нормальных условий жизни в местах нового проживания, большинство турок-месхетинцев переехали в более южные регионы России — Ростовскую область (почти половина турок России), Краснодарский и Ставропольский края, Белгородскую, Астраханскую, Воронежскую, Орловскую, Курскую области, Калмыкию и Кабардино-Балкарию. Позже в эти же регионы переселилась часть турок из Кыргызстана. Часть российских турок выехала в 1990-е — 2000-е гг. по специальным программам переселения в Турецкую Республику и в США. Для возврата их на историческую родину, в Грузию, от них требуют отказа от турецкой самоидентификации и смены ее на грузинскую.

И. В. Сталин словно не хотел замечать культурные особенности народов. У советского руководства целью было создание единой «советской нации», для чего было необходимо уничтожить какие-либо зачатки национального самосознания у представителей различных народов. За некий «эталон» был по традиции взят русский народ. Это отразилось и на системе образования. Программа предмета История СССР строилась на базе истории русского народа, явившегося якобы ядром для основания будущего государства, начиная с Киевской (Древней) Руси как одного из его начальных этапов. Остальные народы рассматривались походя, их вхождение в состав России декларировалось как добровольное (кроме тюркских ханств), при этом русским отводилась роль «старшего брата». Понятно, что собственно историю этих народов и их предков рассматривали лишь в отношении славян и русских и все исторические этапы до «добровольного»

вхождения в подданство России замалчивались либо преподносились в негативных тонах, иногда вплоть до полной их демонизации. Разумеется, эта тенденция в совокупности с тем фактом, что мыслящая национальная интеллигенция, имевшая возможность возразить, была уничтожена, дала свой эффект. Характерно, что любые попытки исследователей углубленно заниматься проблемами древней истории, литературы, эпоса своего народа рассматривались как «воспевание байской старины» или «феодално-байского наследия». С 1944 г. история Золотой Орды была изъята из истории тюркских народов Волго-Уральского региона и Сибири. Таким образом, великодержавный шовинизм, являвшийся неотъемлемой характеристикой правительства Российской империи, никуда не делся, он лишь по-новому выступил, будучи облаченным в новые формы.

Догматическое понимание социологических построений К. Маркса и Ф. Энгельса советскими общественными деятелями и опосредованное этим представление о единой схеме всеобщего исторического процесса породили тенденции рассматривать «восточные» общества через призму закономерностей, в которые вписывалась лишь история Западной Европы. Это значительно ограничивало потенциал гуманитарных наук в СССР. Поэтому вместо того, чтобы действительно исследовать историю «восточных» обществ, ее ход просто подгонялся под заочно разработанную пятиступенчатую схему из «формаций», отражавших этапы «классовой борьбы». Не было никаких национальных историй, историй культур, была только история «развития способов производства», отражавшаяся в смене постоянно противостоящих друг другу «эксплуатирующих» и «эксплуатируемых» классов. В том числе изучение условий и причин возникновения ислама, трансформации его понимания в разные периоды, в разных регионах, у разных народов сводилось к попыткам объяснения возникновения тех или иных течений через «классовый антагонизм». С этих позиций образ любого исторического деятеля мог быть искусственно подогнан под «типичного представителя господствующей верхушки» (понятное дело, всегда оцениваемой

негативно), либо под «выразителя интересов угнетенных масс». Объяснение любых народных движений, восстаний и т. д., возникновения идейных течений подавалось через представления о борьбе какого-либо «угнетенного класса» против «эксплуататоров». И только установление советской власти преподносилось как самое светлое и значимое событие в истории вообще.

Понятно, что в этих условиях не могло идти речи ни о каком религиозном образовании и углубленном изучении вопросов богословия, кроме как тайно, в совершенном сокрытии и конспирации от широкой общественности и, тем более, властей. На официальном же уровне даже Коран исследовался лишь как источник по социальной истории и, разумеется, в рамках заданной схемы. Исключение составлял возрожденный в 1944 г. Восточный факультет Ленинградского государственного университета, где Коран изучался как литературный памятник арабского языка, что являлось предметом особой гордости представителей этой школы арабистики.

Учитывая опыт утраты влияния ЦДУМ и высокий авторитет Э. Бабахана, бывшего в состоянии мобилизовать мусульманское население Средней Азии, Среднеазиатское Духовное управление (САДУМ) неофициально рассматривалось правительством как наиболее значительное, хотя, разумеется, все они были автономны по отношению друг к другу и имели собственную юрисдикцию. В 1945–1946 гг. обсуждался проект «единого религиозно-административного центра» советских мусульман на основе САДУМ, когда председатели основных ДУМ были бы лишь его заместителями на местах. Это могло облегчить как внутреннюю координацию, так и более активное участие мусульман в советской внешней политике. Однако на деле такая мера по поддержке мусульман советским руководством, как показывает указание, данное в 1948 г. Советом Министров СССР Совету по делам религиозных культов (СДРК), задумывалась в рамках охлаждения отношений с Израилем, что вытекает из самого этого документа, где также говорится о запрете создания всесоюзного центра иудеев.

К тому же, несмотря на поддержку инициативы по созданию единой организации мусульман СССР представителями ДУМов, анализ ситуации, проведенный комиссией СМК, показал, что в действительности значительная часть мусульман Казахстана и Средней Азии также достаточно формально подчиняется САДУМ и, в общем-то, им не контролируется. Кроме того, эта идея объединения натолкнулась на сопротивление местных властей. Например, еще в том же 1944 г. из Таджикистана поступило предложение учесть различия между суннитами и шиитами и создать два управления — соответственно с центрами в Ташкенте и в Баку. В итоге Совет Министров СССР решил отложить эту меру.

Возглавлявший с 1936 г. Центральное духовное управление мусульман Внутренней России и Сибири в Уфе, переименованное теперь в Духовное управление мусульман европейской части СССР и Сибири муфтий Г. Расулев также начал предпринимать усилия для получения у правительства разрешения на открытие медресе, курсов и мечетей. В большом масштабе этого осуществить не удалось, но некоторых уступок от советской власти в этом направлении он добился. Сам Г. Расулев ежегодно публиковал мусульманские лунные календари (на арабском шрифте), а в 1945 г. даже издал свое религиозное пособие «Ислам дине» («Религия Ислама»). В 1945 г. Расулев вместе с муфтием САДУМ Эшоном Бабаханом и еще с 15 паломниками-имамами впервые за многие годы совершил хадж. Однако его ходатайство властям об открытии богословских курсов в марте 1946 г. не было удовлетворено. Между тем известно, что сразу после войны И. В. Сталин одобрил инициативу мусульман-ветеранов по строительству двух мечетей — в г. Ишимбае в Башкортостане и на хуторе Миасский (район Челябинска). Бывший имам мечети хутора Миасский Файзихан Мавлявиев считается последним татарским Коран-хафизом из числа воспитанных еще в рамках дореволюционной системы исламского образования.

Муфтий Средней Азии и Казахстана Эшон Бабахан проявлял большую активность в возрождении мусульманского образования — уже во время войны ему удалось добиться одобрения

И. В. Сталиным открытия ряда мечетей в крупных городах на подведомственной ему территории, а в 1945 г. — возобновления работы медресе Мир-и Араб в Бухаре, на длительный срок оно стало единственным образовательным учреждением мусульман на территории Советского Союза, хотя набор в него был строго регламентирован (60 человек).

Характерно, что одновременно было дано разрешение на открытие медресе в Ташкенте (с квотой на 30 мест), но эта мера не была реализована тогда из-за отсутствия подходящего здания. В декабре 1947 г. СДРК дал согласие на открытие медресе в Баку с квотой на 40 мест, которое не состоялось также «за неимением помещения» и, что любопытно, «ввиду малочисленности лиц, изъявивших желание учиться и посвятить себя духовной деятельности».

Одним из главных проявлений смягчения мер советской власти в отношении религии в СССР было разрешение на проведение съездов мусульманского духовенства. В декабре 1948 г. в Ташкенте состоялся Четвертый съезд мусульманского духовенства, объединивший представителей Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Казахстана и Киргизии, где в качестве почетных гостей присутствовали председатели других ДУМ. Здесь было подтверждено председательство в САДУМ Э. Бабахана, был принят новый устав и решение проводить съезды раз в 5 лет.

В октябре в Уфе был организован съезд мусульманского духовенства и верующих европейской части СССР и Сибири, где были подтверждены решения ташкентского съезда, а Центральное духовное управление мусульман Внутренней России и Сибири (ЦДУМ) было переименовано в Духовное управление мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС). Согласно новому принятому уставу ДУМЕС лишалось права образовывать новые мухтасибаты, открывать новые приходы и учебные заведения.

На 1952 г. по официальным данным на территории, подконтрольной ДУМЕС, приходилось 129 мечетей, САДУМ — 146 мечетей и 4 мазара, ДУМСК — 52 мечети, ДУМЗАК — 20 мечетей.

Следует отметить, что кроме официальных структур на 1949 г. СДРК зафиксирован феномен «бродячих» мулл, проявлявших свою активность в местах отсутствия зарегистрированных религиозных учреждений. Одной из эффективных мер борьбы с их деятельностью рассматривалось обложение их подоходным налогом.

Для понимания того, как происходила передача знаний и традиции от людей, воспитанных в системе дореволюционных медресе, к современному нам поколению, необходимо учесть «бродячих» — неофициальных мулл. Судя по всему, нередко они имели бóльший реальный вес в мусульманском сообществе, нежели представители официальных религиозных структур. Даже если просто посмотреть на количественную статистику религиозных общин, становится понятной правомерность данного утверждения. Количество официальных мечетей и их сотрудников было просто физически не в состоянии удовлетворить даже потребности населения в совершении обрядов жизненного цикла. Если добавить к этому отсутствие мечетей на весьма значительных территориях страны (на территории современного Центрального федерального округа, например, всего одна), то мы получаем цифры о многократном превосходстве количества неофициальных мулл советского времени над официальными. Кроме того, следует учесть и тот факт, что советская власть своим неравномерным курсом в отношении религии также способствовала развитию параллельной, неофициальной, составляющей советского ислама. Причем речь идет в значительной степени именно о двух частях одного и того же механизма. В самом деле, после смерти Г. Расулева в 1951 г. муфтием становится прибывший гостем на съезд бухгалтер из Казахстана Шакир Хиялетдинов — человек, не принимавший участия в деятельности официальных мусульманских структур как минимум с 1930 г. При этом он упоминается как делегат I Всероссийского съезда улемов в Уфе в 1920 г. (от Атбасара в Казахстане, где в это время был имамом, согласно «Памятной книжке» Г. Баруди, он упомянут, как Хаялетдинов). В свою очередь сам

Ш. Хиялетдинов в 1956 г. рекомендовал вторым имамом Московской Соборной мечети Ахметзяна Мустафина, выпускника медресе Мухаммадийа, на тот момент известного неофициального имама в Москве. Известнейший в Казани имам, учитель многих современных религиозных деятелей (Талгат Таджуддин, Равиль Гайнутдин, Габдулла Галиуллин, Гусман Исхаков и др.), Ахметзаки-хазрат Сафиуллин, получивший образование еще до революции и бывший до коллективизации имамом в родном селе, в 30-е годы XX в. уехал в Среднюю Азию, а по возвращении в Поволжье длительное время был рабочим. Лишь после выхода на пенсию, в 70-х годах, стал официальным имамом в единственной в Казани мечети Марджани. Преподавал, будучи как неофициальным имамом, так и перейдя на институционализированное положение. Таким образом, мы видим, что переход из официальных имамов в неофициальные и обратно совершался, исходя из ситуации и возможностей. При этом обучение ими велось практически повсеместно нелегально, т. к. официальное преподавание религиозных дисциплин происходило лишь в рамках медресе Мир-и Араб в Бухаре и в Исламском институте, после его открытия, в Ташкенте. Более того, официальные имамы, в их числе не только Ахметзаки Сафиуллин, но также и имам мечети Чархи в Душанбе Мухаммаджон Рустамов (более известен как Домулло Хиндустанани или Шейх Мавляви) преподавали в достаточно широком масштабе, как будучи официальными имамами, так и до того.

Отмечается крайне интересный факт взаимодействия представителей официального и неофициального ислама; по крайней мере это имело место быть в Волго-Уральском регионе с его центральнороссийским и сибирским продолжениями. Например, молодые люди, имевшие только неофициальное образование, полученное от «бродячих мулл», с легкостью получали направление в Мир-и Араб от муфтиев и имам-мухтасибов ДУМЕС (Аббас Бибарсов, Хафиз Махмутов и др.). Эти факты красноречиво говорят о единстве этой системы. Пожалуй, то же можно говорить и о Средней Азии.

Говоря о неофициальных муллах в целом на территории СССР, можно отметить следующее: первое их поколение было полностью представлено людьми, получившими образование в дореволюционных медресе. Значительная их часть — это люди, официально отошедшие от религиозной деятельности (но не от религии) и занимавшиеся ею на неофициальной основе. Второе поколение — получившие образование на неофициальной основе, зачастую от родителей или близких родственников. В силу того, что в исламской традиции принято уважать своих учителей, помнить их и оказывать им почтение, они помнили своих учителей, но при этом нередко не по их официальным именам и фамилиям, а по прозвищам (Хиндустани, Сукур-мулла, Изновр-молла, Абдульхаким-кори, и т. п.). Последнее происходило в т. ч. по причине неофициального характера преподавания. Ввиду атеистического характера государственной политики неофициальные имамы повсеместно были людьми, отказывавшимися от социальных лифтов, работая на непрестижных должностях (при этом надо помнить, что официальные имамы тоже не могли надеяться на какой-либо официально признанный высокий социальный статус, и, кроме того, они были первыми мишенями в случае очередного витка атеистических кампаний).

Напротив, в современном ДУМ Дагестана ведут цепочку передачи знания исключительно по суфийским линиям, находившимся в оппозиции к ДУМСК. Разные цепочки передачи знаний восходят к Али-хаджи Акушинскому, Сайфулле-кади Башларову, Хасан Хильми-афанди Кахибскому и другим религиозным деятелям дореволюционной эпохи. Один из известных в Чечне исламских наставников, Изнаур Несерхоев (Изновр-молла) на протяжении всей своей жизни имел неофициальный статус и работал сторожем.

В 1952 г. Совет Министров СССР дал разрешение на издание мусульманских лунных календарей на кириллице (опасаясь нелегальных изданий на арабице, отражающих, по мнению советских чиновников, ориентацию советских мусульман, как сказано в одном документе, «на Турцию, Иран, арабские государства»).

Многие послабления советского руководства в отношении мусульман были вызваны вовлечением в сферу влияния СССР мусульманских стран. Так, в феврале 1952 г. Али-заде и Э. Бабахан приняли участие в конференции улемов в Карачи (Пакистан). В сентябре того же года первая партия советских студентов (из трех человек) была командирована на учебу в каирский университет Аль-Азхар. До этого там стажировался в 1947–1948 гг. лишь Зияуддинхан Бабахан (1908–1982), сын Эшона Бабахана.

Вскоре после смерти И. В. Сталина в 1953 г. последовало постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июня 1954 г., ознаменовавшее начало новых действий властей по вмешательству в религиозную жизнь населения, хотя они и не были столь масштабны. Стремясь противодействовать приобщению населения к религии, власти приняли меры по ограничению возможностей открытия новых мечетей и по сокращению доходов религиозных учреждений.

В последующие годы вопрос о судьбе ислама в СССР не становился специальным предметом внимания властей.

С середины 50-х годов XX в., с приходом власти Н. С. Хрущева, советские власти перешли в новое наступление против религии — так же не разрешалось (официально: «не одобрялось») строительство новых мечетей (даже на средства верующих), закрывались старые.

В 1956 г. муфтий ДУМЕС Шакир Хиялетдинов (1951–1974) тщетно пытался добиться от властей открытия в Уфе медресе джадидистского типа с квотой на 30 мест. С трудом решались огромные проблемы с нехваткой литературы, поэтому беспрецедентным выглядит такое событие, как получение ДУМЕС от САДУМ в 1957 г. 1000 экземпляров Корана.

Ш. Хиялетдинову принадлежит заслуга введения молодежи в состав руководства ДУМЕС. Если ранее все кадрии были представителями дореволюционной формации, и на тот момент были люди пенсионного возраста, то его молодое

пополнение — Ф. Саттаров, Х. Махмутов, А. Бибарсов родились и выросли в советское время, получили советское школьное и параллельно сначала неофициальное, а потом уже и официальное религиозное образование. Таким омоложением кадров муфтий способствовал развитию руководимой структуры и гарантировал ее дальнейшую жизнь. Также он потребовал увеличения наличия мест для студентов от ДУМЕС в единственном в СССР медресе. Сразу после его кончины на стажировку в Аль-Азхар был отправлен выпускник Мир-и Араб Т. Таджуддин.

В 1961 г. на XXII съезде КПСС официальной целью было объявлено построение коммунизма к 1980 г., что обозначало ликвидацию религии, а также целый ряд мер по сокращению образования на нерусских языках (особенно в РСФСР). Власти массово стали бороться с любыми публичными проявлениями религии ислама («громкий такбир», поклонение так называемым святым местам), участие в мусульманских обрядах создавало препятствие для карьерного роста. Вне какого-либо официального распоряжения, тем не менее, находилась демонстрация своей религиозной принадлежности, наглядное акцентирование внимания на каких-либо аспектах, связанных с религией, не были популярны, однако при этом ничто не мешало исповедовать свою религию и выполнять необходимую обрядность в непубличных местах или в узком общественном кругу.

Экспортные модели существенно отличались от внутренних. Например, пропаганда идей «исламского социализма», чьи сторонники были репрессированы перед войной, активно продвигалась за рубеж и нашла отклик в лице египетского лидера Г. А. Насера (1956–1970), многочисленных коммунистических и националистических партий стран Востока (БААС и др.). Мечети в крупных городах СССР — Москве, Ленинграде, Ташкенте, Баку выполняли парадно-выставочные функции, их демонстрировали иностранным делегациям, эти визиты отражались в кино- и фотохронике, подчас ориентированной больше на экспортный вариант. Считается, что Ленинградская соборная мечеть даже была возвращена верующим в 1955 г. по просьбам

руководителей других государств — прежде всего президента Индонезии доктора Ахмеда Сукарно (1947–1967). Последний очень хотел посетить мечеть во время своего визита в СССР в августе 1956 г., и это немало способствовало тому, что она была быстро отремонтирована и приведена в порядок. Имамом-хатибом Ленинградской мечети был назначен тогда Абдельбари Исаев (1907–1982), будущий муфтий (1974–1980). В мае 1958 г. мечеть посетил также президент Египта Г. А. Насер. Впоследствии ее гостями становились делегации Йемена, Ливии, Палестины и др. Сотрудники Духовных управлений и имамы мечетей крупных городов, принимая иностранные делегации, работая с ними, были активно включены во внешнюю политику советского государства.

В условиях отсутствия системы мусульманского образования, под давлением антирелигиозной и атеистической пропаганды в СССР происходило формирование нового сознания интеллектуальной элиты. Очевидно, что уже второе поколение выходцев из народов национальных республик Советского Союза, особенно в центральных районах РСФСР или в Казахстане, включавшихся в состав интеллигенции страны, были достаточно далеки от исламской религии. Нужно отметить и тот факт, что в значительной массе они подвергались ассимиляции, часто не зная языка своего народа и отрываясь от его культуры вовсе.

Однако в условиях сохранения базовых культурных установок у представителей национальной элиты коллективизм и общинное мышление продолжали играть роль важных индикаторов, определявших их поведение и в политической жизни. Постепенно происходило своеобразное внедрение патриархальной структуры как естественно сложившейся характеристики общества в новую систему социальной иерархии — на партийных и политических постах оказывались родственники и соратники тех или иных лиц.

Вместе с тем исламские традиции продолжали свое бытование среди рядового, преимущественно сельского, населения, постигавшего их, однако, на уровне быта, в рамках семьи.

Естественно, они получали определенный запас знаний, впитывали интерпретации Писания из уст сельских, в том числе и неофициальных, мулл. Свою специфику имели эти процессы в каждом регионе, ввиду особенностей местных культур, например, на Кавказе или в Средней Азии. Однако отсутствие цельной системы образования привело к появлению вакуума в области не только глубинного знания, но и понимания даже основ исламского вероучения. Значительное распространение в народном восприятии в условиях советского режима получают суфийские формы ислама, больше адаптированные по своему характеру к скрытости и локальности. Значительной была роль нелегальных придомовых школ (*худжра*), где люди так или иначе могли получать основы религиозного образования. Между тем в регионах, где традиционно имел силу культ могил суфийских святых, например, в Туркменистане и Киргизии, ритуальные практики сохраняли публичный характер. В Узбекистане и Таджикистане ислам развивался «за дувалом» — все знали, что он есть, но никто о нем открыто не говорил. При этом происходили парадоксальные вещи, когда, например, один из создателей сети подпольных *худжр* (домашних школ) Мухаммаджан Рустамов (Домулла Хиндустани, шейх Мавлави) (1892–1989) одно время работал в системе Академии наук Таджикистана. Вторым ученым, стоявшим у истоков создания сети *худжр*, считается Абдульхаким-кори Восиев (Абдулхаким Кори Домла) (1897–2011). В этой системе существовало определенное разделение *худжр* по предметам — например, считалось, что фикх лучше изучается в Таджикистане, а коранические науки — в Узбекистане. Существовал обмен учениками между *худжрами*, в том числе из разных регионов. Обучение происходило по старым учебникам дореволюционного издания, преимущественно казанского (использовались репринты и копии). При этом возник некий синтез — учебники использовались в основном джадидистские, но сама система напоминала больше кадимистскую. По окончании обучения ученик получал иджазу на преподавание. Узнав, какие книги человек изучил, можно было сразу определить

уровень его знаний. Эти два уроженца Ферганы последовательно выступали за сохранение ханафитского мазхаба и сложившихся исламских традиций. К началу 90-х годов XX в. в СССР имелись десятки Коран-хафизов, при том что экземпляры Корана хранились в спецхранах. Были люди, знающие наизусть такие книги, как «Хидайа» и умеющие ее разъяснить. В то же время на соседних с ними улицах проживали люди, искренне верящие, что в путешествии можно сократить вечерний намаз (*ахшам*) до 2 ракаатов. Религиозное мусульманское сообщество в СССР существовало, но нередко оно замыкалось само в себе и все свои усилия прикладывало исключительно для самосохранения.

Интересны в этом плане воспоминания Аббаса Бибарсова о том, как к нему в бытность его заместителем муфтия ДУМЕС и имама Соборной мечети Уфы в 1975–1984 гг. приезжали по ночам водители секретарей Башкирского и Татарского обкомов партии и увозили его совершать обряды (исем кушу, никях, и др.) для членов семей высокопоставленных партийных и советских чиновников. Имеются воспоминания о соблюдении ряда элементов исламской религиозной практики также в других мусульманских регионах СССР.

Благодаря деятельности второго председателя Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) Зияуддинхана Бабахана, сына Эшона Бабахана, удалось добиться у властей разрешения на открытие в 1971 г. в Ташкенте первого в СССР мусульманского высшего учебного заведения (Высший исламский институт), созданного на базе действовавших с 1970 г. курсов повышения квалификации имамов-хатибов мечетей. В 1974 г. оно получило название Ташкентского исламского института имени Имама Бухари, став единственным в СССР учебным заведением подобного масштаба. Ташкентский институт стал кузницей кадров для мусульманской религиозной элиты страны. С 1968 г. в Ташкенте стал выходить журнал «Мусульмане Советского Востока». Он издавался Духовным управлением мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ), выходил на узбекском, арабском, английском, французском

и персидском языках. Это было единственное мусульманское печатное издание в СССР.

В 1980 г. после такого беспрецедентного акта, как добровольный уход со своего поста муфтия Абдельбари Исаева, главой ДУМЕС был назначен Т. Таджуддин, выпускник медресе Мир-и Араб и университета Аль-Азхар. Он начал активную деятельность по возрождению ислама и на территории РСФСР. Надо отметить, что в целом на начало 80-х годов XX в. в СССР было зарегистрировано 1330 мечетей, на территории РСФСР — лишь 94.

В годы перестройки создались гораздо более благоприятные условия для развития исламского образования. Одним из основополагающих факторов здесь стала именно либерализация отношения к религии со стороны властей, а одним из катализаторов возросшего интереса к исламу среди масс — бесславная Афганская война (1979–1989) и Исламская революция в Иране (1979). Оба этих события показали восставшую из небытия казавшуюся навсегда утраченной субъектность ислама и дали понять, что рано говорить об исламе, как о чем-то мертвом и отжившем.

Пришедший к власти в 1985 г. М. С. Горбачев вскоре объявил о новом политическом курсе. На вопросах религии это отразилось таким образом, что в 1988 г. с большим размахом было отмечено 1000-летие крещения Руси, а в 1989 г. — 1100-летие принятия ислама в Волжской Булгарии (по лунному календарю) с участием делегаций более чем из 20 стран. В честь этого события был осуществлен ремонт многих мечетей и даже был разработан проект строительства в Казани мечети Булгар, но реализован он был только в 1991–1993 гг.

Принятие 8 августа 1986 г. постановления Политбюро ЦК КПСС «Об усилении борьбы с влиянием ислама» не сыграло никакой исторической роли, но отразило обеспокоенность советского руководства ситуацией в Средней Азии, на территорию которой уже начинали проникать радикальные идеи с территории Афганистана, где местные правительственные и советские войска явно терпели поражения.

Однако в качественном отношении говорить о *новом этапе* в истории ислама в России в данный период не дают оснований два важных обстоятельства. Во-первых, это сам факт отсутствия категории высокообразованных богословов, которая не могла появиться, поскольку за предыдущие годы в СССР была уничтожена почти вся система мусульманского образования и тем самым нарушена преемственность передачи традиции и знаний. Во-вторых, — что, в сущности, вытекает из предыдущего, — это отсутствие какого-либо централизованного учреждения или авторитетной организации общесоюзного масштаба.

С 1988 г. начинается активная регистрация мусульманских общественных и религиозных организаций, количество которых значительно возрастало в последующие годы. В Москве было воссоздано первое медресе Исмаилийя, а при Московской Соборной мечети открыты курсы по изучению арабского языка и основ ислама, в 1989 г. преобразованные в медресе. В 1989 г. в Уфе было открыто медресе имени Р. Фахретдина, в том же году — медресе в г. Октябрьском и Набережных Челнах. В 1990 г. в Казани открывается Закабанное медресе. В том же 1989 г. начинает работу медресе в Баку, в 1991 г. ставшее основой для института.

1 октября 1990 г. издан закон «О свободе совести и религиозных организациях», который можно рассматривать как официальный признак грядущей оттепели.

Однако здесь были свои проблемы. Так, уже в апреле 1989 г. возглавивший за месяц до этого Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана муфтий Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф (1952–2015) заявил о необходимости поднимать исламское образование, обозначив существование таких проблем, как нехватка мечетей, недостаток религиозной литературы и отсутствие качественных кадров.

Запрос на высокообразованных богословов и необходимую религиозную литературу отчасти покрывался возможностью приглашения специалистов из мусульманских образовательных учреждений арабских стран, Турции и Ирана, завоза

оттуда же необходимых книг. Оттуда же велось спонсирование создания различных фондов, строительства мечетей, открытия учебных заведений и т. д. Однако в условиях возросшего интереса к исламу, при дефиците знаний и необходимой литературы, благоприятная почва создается также для ряда негативных явлений — распространяемая религиозная литература имела очень разнообразную направленность, в то же время коммерциализация издательского дела в самой России лишь способствовала массовому появлению литературы не очень высокого качества, а прибывавшие из-за границы преподаватели, будучи далеки от традиций, сложившихся в среде российских мусульман, приносили в местную среду элементы чуждых ей течений.

Не должно вызывать удивления то обстоятельство, что в сознании лишенных базового образования и потому имеющих лишь самые поверхностные представления об исламской религии народных масс легко находили прибежище экстремистские трактовки ислама, сводящиеся не просто к упрощенному, но именно к одностороннему, примитивному и прежде всего тенденциозному толкованию религии Пророка. Таким образом, советский режим, лишив мусульманское население образовательной базы, фактически сам подготовил благодатную почву для появления самых разных течений, спекулирующих исламским вероучением, в том числе — течений радикальной направленности.

Кроме того, на ситуацию значительно повлиял и продолжает влиять негативный исторический опыт взаимодействия как ислама и православия в Российской империи, так и атеистической системы и ислама в СССР. Накладываясь на непреодоленные до их пор многие вопросы, все это оставляет крайне неблагоприятный отпечаток на всей системе государственно-исламских и общественно-исламских связей.

Вопросы по пройденному материалу:

1. Охарактеризуйте политику советского правительства в отношении мусульман в первой половине 20-х годов XX в.

2. Какие тенденции были характерны для отношений советской власти и мусульманского населения в период второй половины 20-х – начала 40-х годов XX в.?

3. Расскажите о репрессиях в отношении мусульман в 30-е годы XX в.

4. Что можно сказать об участии мусульман в событиях войны 1941–1945 гг. с обеих сторон.

5. Как сложилась судьба депортированных в 40-е годы XX в. мусульманских народов.

6. Расскажите о создании И. В. Сталиным духовных управлений мусульман в середине 40-х годов XX в.

7. Что можно сказать о роли Эшона Бабахана в возрождении ислама на территории СССР.

8. Охарактеризуйте положение мусульманского населения СССР, начиная с 50-х годов XX в.

9. Какие события 80-х годов сыграли важнейшую роль во всплеске интереса к исламу у населения СССР?

10. Какие тенденции в развитии ислама на территории СССР возобладали после смягчения религиозной политики советского правительства в конце 80-х годов XX в.?

ГЛАВА XI. ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Можно сказать, что к началу 90-х годов XX в. в Советском Союзе сформировалось новое поколение мусульманских интеллектуалов, хотя и немногочисленное. Это выпускники Бухарского медресе и Ташкентского института. Именно они в период оттепели развернули на местах (Москва, Уфа, Казань и др.) активную деятельность по возрождению исламских традиций в тяжелейших условиях недостатка образованных кадров и религиозной литературы. К этому добавились политические проблемы, обусловленные распадом Советского Союза.

Начало 90-х годов XX в. ознаменовано чередой кризисных явлений, пронизывавших все сферы жизни общества на постсоветском пространстве. Это и ломка идеологических установок, политическая нестабильность, социальные и экономические потрясения и др. Многие регионы оказались погружены в вооруженные конфликты, в которые вылились этнические и территориальные разногласия, оставшиеся в наследство от преобразований советской власти 20-х — 30-х годов XX в.

Весной 1988 г. начались столкновения в Карабахе между мусульманским азербайджанским и христианским армянским населением, переросшие к 1991 г. в масштабный вооруженный конфликт. Летом 1989 г. происходят первые столкновения в Абхазии между смешанным мусульманско-христианским абхазским и христианским грузинским населением. В мае 1989 г. произошли столкновения в Фергане между узбеками и турками-ахыска, депортированными туда И. В. Сталиным. В июне 1990 г. столкновения между кыргызским и узбекским населением произошли в г. Ош в Кыргызской ССР¹³. В мае 1992 г. разгорелось

---

¹³ Официальное название республики на русском языке содержало именно форму «Кыргызская», в то время как самоназвание народа — «кыргыз».

вооруженное противостояние в уже суверенном Таджикистане, где немалую роль сыграли новые религиозные течения, проникавшие в том числе и из соседнего Афганистана. В октябре 1992 г. переросли в вооруженное противостояние на территории РФ противоречия между ингушским (мусульмане) и осетинским (преимущественно христиане) населением из-за занятых последним в период депортации ингушского народа территорий. Разумеется, эти конфликты имели преимущественно политическую подоплеку, где-то будучи вызваны территориальными спорами, однако религиозный фактор начинал играть здесь роль идеологического катализатора.

По большей части основная часть населения была занята вопросами собственного выживания, борясь с социально-экономическими проблемами, в то время как политическая элита, старая и новая, на различных административных уровнях развертывала борьбу за собственное влияние на массы. Религия как форма идеологии также становилась здесь своеобразным орудием для достижения политических задач. Одновременно она стихийно заполняла вакуум, возникший в умах людей после падения коммунистической идеологии.

Одним из проявлений этих тенденций в жизни мусульман страны может считаться образование Исламской партии возрождения (ИПВ), учрежденной на съезде в июне 1990 г. в Астрахани. Она была по своей сути общественной организацией всесоюзного масштаба. У ее основания стояли преимущественно диссиденты, часть из которых даже подвергались прежде преследованиям. Это такие неоднозначные личности, как врач и богослов Ахмад-Кади Ахтаев (1942–1998) — известный в будущем общественный деятель, избранный *амиром* — председателем партии; диссидент-общественник и известный впоследствии деятель Гейдар Джемаль (1947–2016); этнолог и публицист Валиахмет Садур (1939–2006); идеологи Багаутдин Кебедов (Магомедов) (род. 1942/1945) — будущий участник экстремистских формирований под именем Багаутдин Дагестани, и Супьян Абдуллаев (1956–2011) — впоследствии также

сторонник радикальных исламистских идей; один из первых выпускников университета Аль-Азхар Аббас Кебедов (род. 1953), сводный брат Б. Кебедова; мулла Мохаммадшариф Химматзода (Химматов) (1951–2010) — будущий лидер отделения партии в Таджикистане; богослов Мухаммад Карачай (Биджиев) (род. 1965), избранный ответственным секретарем партии; и др.

В сущности, она стала первой советской политической организацией мусульман. Изначально она носила именно общесоюзный масштаб, насчитывая в своем составе до 10 тыс. чел., представителей разных республик. Однако распад СССР фактически свел ее действия до территории России (на территориях других освободившихся республик стали действовать собственные отделения), а впоследствии стал основанием для ее самороспуска, а динамика изменений политической ситуации не дала партии возможности принять участие в жизни страны. В итоге пути основателей партии разошлись, и позже многие входившие в нее лица нашли себя в иных сферах деятельности. Но именно состав партии и обзор дальнейших действий ее отделений на территории образовавшихся после распада СССР республик демонстрируют тот факт, что она объединяла самые разнообразные персоналии, не имеющие общего четкого представления о будущем мусульман в создававшихся политических условиях, о способах решения возникших на тот момент проблем, глубинного понимания их специфики. Сегодня, исходя именно из состава ее участников и их судеб в последующем, она оценивается как фундаменталистская по своей направленности.

В это же время началось создание мусульманских общественных организаций. В 1990 г. в Москве образовалась религиозная организация «Аль-Каусар» (с 2000 г. — «Нур»), сконцентрировавшая свою деятельность на нравственном воспитании и развитии мусульманского образования. В апреле 1991 г. был образован Исламский культурный центр Москвы, через год — Исламский культурный центр России. В 1992 г. был создан Исламский клуб Москвы, с осени 1993 г. переименованный в Исламский конгресс России (в настоящее время, с 2004 г., функционирует в качестве

ассоциации общественных организаций «Собрание»). Существовал также ряд других организаций (с 1995 г. «Исламский комитет», «Союз мусульман России», и др.).

Сразу после общесоюзного закона «О свободе совести и религиозных организациях», 25 октября 1990 г. вышел закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», пока еще в рамках существовавшего Советского Союза. В это же время началось создание региональных мусульманских общественных организаций. Следует отметить, что к 1991 г. в России действовало уже 870 мечетей.

На фоне «парада суверенитетов» бывших советских республик подобные тенденции происходят в РСФСР. В период августа по октябрь 1990 г. большинство автономных республик в ее составе провозглашают себя носителями суверенитета: Карельская АССР, Коми ССР, Удмуртская Республика, Якутская-Саха ССР, Бурятская ССР, Башкирская ССР — Башкортостан, Калмыцкая ССР — Хальмг Тангч, Марийская ССР — Марий Эл, Чувашская ССР, Горно-Алтайская Автономная область. Эти моменты были зафиксированы в Конституции РСФСР 24 мая 1991 г.

30 августа 1990 г. Верховным Советом Татарской АССР была провозглашена Декларация о государственном суверенитете Татарской ССР, где не регламентировалось нахождение ее ни в составе РСФСР, ни в составе СССР. После образования СНГ 26 декабря 1991 г. была принята Декларация о вхождении республики в СНГ в статусе учредителя.

В начале июня 1991 г. была провозглашена Чеченская Республика Ичкерия, в июне заявившая о своей независимости. В феврале 1992 г. вопрос о выходе из состава СССР и РСФСР был поставлен Верховным Советом Карелии.

13 марта 1992 г. Конституционный суд РСФСР признал ряд положений о декларации 30 августа не соответствующими Конституции РСФСР 1978 г., а также результаты февральского референдума в пункте о признании Татарстана субъектом международного права (но не саму правомочность проведения референдума). 31 марта 1992 г. все республики

РСФСР, за исключением Татарстана и Ичкерии, подписали федеративный договор. В феврале 1994 г. на основе договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» были детально прописаны полномочия республики.

Переговоры с Ичкерией, как известно зашли в тупик, и руководством РФ было принято решение о силовом методе выхода из сложившейся ситуации, что привело к войне 1994–1996 гг.

В целом именно политическая дезинтеграция стала важнейшим фактором для окончательного раскола мусульман бывшего Советского Союза, а особенности политической обстановки в каждом из регионов определили и специфику функционирования ислама на постсоветском пространстве. Продолжилось не только умножение общего количества различных организаций, выступающих со своеобразными трактовками ислама, но и децентрализация уже существовавших мусульманских религиозных учреждений, располагавшихся в различных регионах единого прежде государства — как в масштабах республик, так и более мелких субъектов. Рост сепаратистских и националистических настроений оказал свое влияние и на организацию официальных религиозных структур.

Уже весной 1989 г. стали заметны тенденции по расколу Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМСК), причины которого крылись в далеких от религиозной сферы проблемах. В январе 1990 г. здесь выделились ДУМ ингушей Северной Осетии (не было зарегистрировано), ДУМ Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии и Дагестана. Последнее, в свою очередь, раскололось на четыре ДУМ, в основе деления на которые лежал этнический признак: аварского, кумыкского, лезгинского (ДУМ Южного Дагестана) и даргинского (Даргинский казыят).

Названные выше конфликты на национальной почве подогревались общей слабостью центральной власти. Однако ни один из них в начале 90-х годов XX в. не носил религиозного характера. Так, военные действия, начавшиеся в декабре

1994 г. на территории Чеченской Республики, были следствием отсутствия налаженных механизмов взаимодействия между центральным правительством и региональной элитой. Идеологическим вектором самопровозглашенного руководства Республики Ичкерия было именно достижение суверенитета. Лишь после гибели генерала Джохара Дудаева в апреле 1996 г. и вследствие притока на территорию республики значительного числа военных специалистов и наемных солдат, принесших с собой радикальные идеи, изначально преподносимое как национально-освободительное по своей природе, движение обрело религиозную оболочку, что вылилось во вторжение вооруженных отрядов с территории Чечни в Дагестан в мае 1999 г. Именно радикализированная окраска их действий дает основание рассматривать дальнейшие меры федеральных сил как контртеррористические операции.

Это наиболее наглядный пример того, какие проблемы несет тенденциозность, переданная через упрощения, поскольку именно в такой форме среди необразованных масс находят распространение любые идеи, адаптированные под восприятие этих масс. Речь идет не только о людях, пополнявших отряды экстремистов, прикрывающихся исламом, но также и о той части российского населения, которая сформировала свое отношение к исламу на основе преимущественно этих событий. Как следствие, возникли определенные тенденции к дискредитации образа ислама в обществе. К сожалению, вновь приходится говорить именно об отсутствии базовых знаний у населения страны в целом, явившемся следствием атеистической политики советского руководства.

Вместе с тем в 90-е годы XX в. в регионах, характеризующихся более стабильной обстановкой, стало возможным осуществление попыток возрождения традиций российской мусульманской уммы как единого организма и как части населения России.

Формирование новой структуры мусульманских учреждений на территории РСФСР было регламентировано на Пятом съезде Духовного управления мусульман европейской части

СССР и Сибири (ДУМЕС), состоявшемся 6–8 июня 1990 г. в Уфе, где было вынесено постановление об автономизации управления мусульманскими религиозными объединениями от государственных органов. Председателем организации был избран возглавляющий ее с 1980 г. муфтий Талгат Таджуддин (род. 1948), за которым на этом съезде было утверждено звание *шейх-уль-ислам*. Важнейшими решениями съезда 1990 г. стало избрание муфтия на пожизненный срок, и предоставление ему широких полномочий в определении руководства ЦДУМ (половина членов назначается им). Эти реформы не могли не вызвать отрицательной реакции мусульманской религиозной элиты. Следует отметить, что по Уставу Диния Назараты (принят Национальным собранием (Миллет меджлисе) в январе 1918 г., формула избрания сохранена в Уставе ЦДУМ, утвержденном НКВД РСФСР в 1923 г.) все руководители Духовного управления, включая муфтия, избирались на съезде на 3 года. Даже муфтий ОМДС никогда не назначал казыев — членов собрания.

Данные меры Таджуддина были не только важными шагами на пути к возрождению самостоятельности российской уммы, но это также была серьезная попытка организовать централизованную структуру, сумевшую бы объединить по крайней мере часть российских мусульман, которая исторически была тесно связана с центральными территориями бывшей Российской империи.

Но и эта значительная по территориальному охвату организация также нуждалась в создании четкой структуры, в рамках которой реализация ее функций могла бы осуществляться наиболее эффективно. 15 января 1991 г. президиум ДУМЕС принял решение о восстановлении системы мухтасибатных округов. Их центрами стали: Казань, Бугульма, Зеленодольск, Чистополь, Набережные Челны (все — Татарстан), Уфа, Октябрьский, Сибай, Стерлитамак (все — Башкортостан), Куйбышев (Самара), Астрахань, Нижний Новгород, Омск, Ленинград, Пермь, Пенза, Симферополь (Крымский), Свердловск (Екатеринбург), Тюмень, Москва, Саратов, Ростов-на-Дону, Рига

(Прибалтийский), Ульяновск, Оренбург. Мухтасибаты строились, по сути, вокруг личностей своих лидеров, которые получили свободу действий от ДУМЕС. Взамен им предстояло выстроить практически заново мусульманскую инфраструктуру. Многие мухтасибаты находились на территории Татарстана и Башкортостана, провозгласивших Декларации о государственном суверенитете и проводивших во многом самостоятельную от Центра политику.

На состоявшемся в ноябре 1992 г. шестом чрезвычайном съезде Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС), считающемся шестым Всероссийским съездом мусульманского духовенства, было принято решение о переименовании организации в Центральное духовное управление мусульман России и Европейских стран СНГ (ЦДУМ), Т. Таджуддин сохранил пост председателя.

Однако недостаточная эффективность механизмов организации, неспособность гибко адаптироваться к политическим реалиям, не всегда последовательные и подчас противоречивые действия ее руководства привели к быстрой утрате ею авторитета среди ряда представителей региональной мусульманской элиты. В августе и сентябре 1992 г. соответственно были созданы самостоятельные Духовные управления мусульман вначале в Башкортостане и Татарстане, неподконтрольные Духовному управлению мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС). В 1993 г. был организован Высший координационный центр Духовных управлений мусульман России (ВКЦ ДУМ) в Москве. Его учредителями стали руководители региональных Духовных управлений, изначально подведомственных ДУМЕС: Татарстана, Башкортостана, Поволжья, Тюменской области. В феврале 1994 г. организация была официально зарегистрирована.

Кроме того, в январе 1994 г. было создано Духовное управление мусульман Центрально-Европейского региона России (ДУМЦЕР), возникшее на базе Исламского центра Москвы и Московской области, образованного еще в ноябре 1990 г.

на базе Московской Соборной мечети. На состоявшемся учредительном съезде мусульманских религиозных объединений и общин европейской части России председателем и муфтием был избран Равиль Гайнутдин (род. 1959), занимавший с 1991 г. пост президента упомянутого Исламского центра, а с 1987 г. бывший имамом Московской Соборной мечети.

23 сентября 1994 г. руководство Духовного управления мусульман Центрально-Европейского региона России (ДУМЦЕР) приняло решение о выходе из состава Центрального духовного управления мусульман России и Европейских стран СНГ (ЦДУМ).

Седьмой, внеочередной съезд мусульман России прошел 1 ноября 1994 г. в Уфе. На нем было отменено решение ЦДУМ о пожизненном избрании муфтия.

Однако руководство ЦДУМ России и Европейских стран СНГ перешло в наступление. 17 января 1995 г. чрезвычайным съездом мусульман России и Европейских стран СНГ Т. Таджуддин был избран верховным муфтием и председателем ЦДУМ России и Европейских стран СНГ, а решения седьмого съезда были отменены. Таким образом, в условиях распада СССР и размежевания в среде религиозной элиты, реагируя на эти процессы, Т. Таджуддин пытается организовать регулярные съезды, чтобы провести реформирование всех религиозных структур и системы управления, однако эти попытки не приводят к положительному результату.

В то же время именно активная деятельность Р. Гайнутдина способствовала сближению и определенной консолидации российских мусульман. Так, 2 июня 1996 г. по его инициативе был образован Совет муфтиев России (СМР), зарегистрированный 21 августа и объединивший значительную часть духовных управлений мусульман России. Председателем Совета был избран сам Р. Гайнутдин, позже переизбранный на этот пост в 2002, 2007, 2012 и в 2017 гг.

25 ноября 1998 г. в состав Совета вошли Высший координационный Центр ДУМ России (ВКЦ ДУМ) и Координационный

центр мусульман Северного Кавказа (КЦМСК), созданный в августе того же года. 9 декабря 1998 г. на съезде Духовного управления мусульман Центрально-Европейского региона России (ДУМЦЕР) было принято решение о переименовании организации в Духовное управление мусульман европейской части России (ДУМЕР).

Сконцентрировав внимание на актуальных проблемах современного российского общества, Р. Гайнутдин направляет усилия на налаживание межкультурного диалога, поиск путей взаимопонимания между представителями различных народов, населяющих единое Российское государство. Продолжая традиции И. Гаспринского и прогрессивной части российской мусульманской интеллигенции XIX — начала XX в., он выступает с идеей интеграции российских мусульман в современное светское общество, что предстает, по-видимому, неизбежным и потому необходимым процессом. Шире — речь идет об интеграции мусульманских народов в единое гражданское общество, но данная интеграция, конечно, подразумевает сохранение своей национальной, религиозной и культурной идентичности.

В середине 2000-х гг. символом перехода связей России с исламским миром на качественно иной уровень стало открытие мечети Кул-Шариф в Казанском Кремле, совпавшее по времени с вступлением России в «Организацию Исламская Конференция» (ОИК, ныне — «Организация Исламского сотрудничества») в качестве наблюдателя.

О снижении тем временем значимости Центрального духовного управления мусульман России и Европейских стран СНГ (ЦДУМ) говорит хотя бы тот факт, что в 2000 г. оно было переименовано в Центральное духовное управление мусульман России. Между 1999 и 2012 гг. ЦДУМ не проводит ни одного съезда. В 2005–2006 гг. предпринимаются действия по возрождению существовавшего в 20-е годы XX в. Совета улемов как органа, объединяющего ведущих богословов России (вначале без региона Северного Кавказа) для развития мусульманской богословской и правовой мысли, противостояния экстремизму

и радикализму. Однако руководство ЦДУМ выходит из этого интеграционного процесса. Внутренние конфликты внутри ЦДУМ в первой половине 2010-х гг. приводят к постепенному выходу из него ДУМ Санкт-Петербурга и Северо-Запада, Омской области, Чувашии, ХМАО.

Вместе с тем активное развитие Духовного управления мусульман европейской части России (ДУМЕР), отражающееся в масштабах его деятельности, позволило небезосновательно свершиться такому факту, как переименование организации в Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ), произошедшему 21 сентября 2014 г.

Сегодня под эгидой Духовного управления мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ) и Совета муфтиев России (СМР) происходит возрождение российской мусульманской богословской мысли. Функционирует открытый еще в 1999 г. Московский исламский университет (МИУ, с 2005 г. — Московский исламский институт (МИИ)), готовящий специалистов в области религиозно-богословского образования, имамов, имамов-хатибов. Кроме подготовки профессиональных кадров, курсов переподготовки и повышения квалификации имамов, деятельность МИИ направлена на организацию научно-практических мероприятий: семинаров, кружков, лекций. Организован процесс выпуска учебной, научной и научно-популярной литературы по истории ислама и исламским традициям. Выпуск и распространение литературы огромными тиражами осуществляет Издательский Дом «Медина». Существует ряд периодических изданий (журналов, газет и др.), знакомящих читателя с историей ислама, жизнью мусульман как в России, в ее различных регионах, так и за рубежом.

Одним из приоритетных направлений деятельности ДУМ РФ также является возрождение российского исламоведения (и востоковедения в целом), оказавшегося в связи с обстановкой 90-х годов XX в. в состоянии некоторого кризиса. Имеются в виду как проблемы с кадрами, так и некоторая изоляция отечественной школы от мировой науки. Под эгидой ДУМ РФ

организовано переиздание классических трудов востоковедов, издание новых работ. Запущены проекты по выпуску переводной продукции — работ крупнейших востоковедов Запада. Усилия руководства ДУМ РФ направлены на восстановление достижений отечественной школы исламоведения — когда-то одной из сильнейших, продолжения славных традиций, заложенных трудами В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, Е. Э. Бертельса и других, и дальнейшее развитие этих традиций. Одной из задач здесь является налаживание диалога и сотрудничества между представителями исламской богословской традиции и представителями светского знания, для чего также проводится ряд соответствующих мероприятий (конференций, семинаров, круглых столов и т. д.).

Таким образом, на сегодняшний момент времени в России существует два наиболее крупных центра объединения мусульман страны, однако, вероятно, в будущем предстоит ожидать их взаимной интеграции и образования единой общероссийской структуры.

Если оценивать изменения в российской мусульманской умме в целом, то они носят тектонический характер. Во-первых, значительно расширилась география ислама. Если в имперское время за счет миграции населения возник ряд мусульманских общин в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в Центральной России и на Северо-Западе страны, то в советское время большая их часть перешла на неофициальное положение. В то же время именно в советское время происходило интенсивное освоение районов Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока, в том числе и с участием мусульман, хотя советская власть не придавала значения их религиозной самоидентификации. В постсоветский же период интенсивность миграций приобрела еще больший размах, кроме того, институционализировались уже де-факто имевшиеся общины. Результатом стало следующее: в Российской Федерации почти не осталось регионов без официально зарегистрированных мусульманских организаций. К таковым регионам относятся: Чукотский и Ненецкий

округа, Республика Тыва, Псковская область. Чукотка в период — 2000 гг. обезлюдела более чем на 2/3, Тыва в 1990-е гг. потеряла большую часть нетувинского населения, в Псковской области попытки зарегистрировать МРОМ уже были, но пока безрезультатно. В связи с ростом горнодобывающей промышленности в Ненецком округе образование там мусульманской общины остается лишь вопросом времени. Таким образом, распространение ислама в России можно считать повсеместным, чего никогда не было за всю историю страны.

Вторым трендом в развитии уммы следует признать ураганный рост количества самих мусульман. Речь идет не о номинальных (этнических) мусульманах, легко фиксируемых обычной демографической статистикой, хотя здесь тоже наблюдается устойчивая тенденция к росту. Под ростом количества мусульман подразумевается рост именно религиозно активного, религиозно практикующего населения. Вообще эта тенденция также не является исключением для российских мусульман, и процесс десекуляризации характерен для российского общества в целом. Мы можем видеть процесс роста православных (в настоящее время замедлился, но есть), протестантов (был чрезвычайно активен в 90-е годы XX в. потом замедлился, было даже некоторое уменьшение, сейчас опять рост), иудеев, буддистов и сторонников традиционных верований (язычников). Просто у мусульман этот рост происходит быстрее, и результаты этого крайне интересны. По факту во многих крупных городах (причем речь идет не о Махачкале или Грозном, где это ожидаемо), количество религиозно практикующих мусульман сравнимо с количеством православных или превысило его. К сожалению, здесь мы сталкиваемся с несколькими проблемными моментами: целенаправленный сбор таких данных носит эпизодический и несистемный характер, не разработаны методики статистического учета. В силу последнего фактора подсчеты можно вести по праздничной статистике, которая коррелируется с религиозной активностью весьма условно; для корректности подсчетов следует вводить различные коэффициенты, например, поправку

на гендерную составляющую и на выезжающих для совершения праздников в другие места, и если первый коэффициент понятен, то второй в подсчете весьма условен.

Третьей существенной тенденцией в развитии уммы является усложнение ее состава. Крайне высокого уровня достигло усложнение этнического состава, особенно в городских общинах. Большинство из них стали полиэтничными, причем в весьма высокой степени. По сути моноэтничные городские общины наблюдаются только в районных центрах или в практически моноэтничных регионах, вроде Ингушетии. Отчасти связано с этим, а отчасти имеет и другие причины усложнение субконфессионального состава. В наших городских, а подчас и сельских общинах, в один ряд (*саф*) становятся суннит и шиит, ханафит, шафиит, джафарит и исмаилит, салафит и суфий (в свою очередь: накшбандийа, кадирийа, шазилийа, и даже экзотичные негматуллахи и тиджания). Ввиду нехватки молельных помещений, особенно в городах, не происходит обособления по этническому и/или субконфессиональному признаку, как это наблюдается в Европе. Данный процесс ведет к усложнению системы и, как следствие, к прорыву в ее развитии, или разрыву самой системы. Кроме того, происходит усложнение и социального состава. В конце советского периода и сразу после него среди религиозно активных мусульман преобладали малообразованные люди с низким социальным статусом. Сейчас ситуация изменилась, и социальный срез состава молящихся в мечетях более или менее отражает картину российского общества в целом.

Вырос интеллектуальный уровень. Ведь, если на рубеже 80-х — 90-х годов XX в. лица с исламским образованием, как правило, имели светское образование в объеме средней школы или техникума, то сегодня весьма значителен процент практикующих мусульман, имеющих высшее светское и вместе с тем начальное (мактаб), среднее специальное (колледж) или высшее исламское образование. И доля таких людей продолжает расти. Можно констатировать, что на смену отдельным

мусульманским интеллигентам (в количестве нескольких десятков человек на весь Советский Союз) приходит социальный слой, достаточно многочисленный, со значительно выросшим уровнем образования. Изменились и стоящие перед ним задачи. Если сохранившие для нас ислам в СССР носители мусульманской традиции видели свою задачу в ее воспроизводстве и даже консервации, то сегодня она состоит в адекватном ответе на все возрастающие вызовы, опять же опираясь как на собственные традиции, так и на опыт умм других стран.

Наконец, последней тенденцией можно было бы отметить социализацию уммы. Процесс этот, несмотря на то, что фиксируется с 2000 г. и необходимость его даже заявлена президентом России в октябре 2013 г., имеет целый ряд объективных и субъективных трудностей. Во-первых, это груз исторического прошлого, к сожалению, не всегда позитивного. Во-вторых, не все и не всегда равнозначно положительно расценивают сам факт количественного и качественного роста мусульманских общин, преследуя свои личные или корпоративные интересы, не совпадающие при этом с интересами российского общества в целом. Но тем не менее мы видим, что целый ряд мусульманских общин во множестве регионов все активнее включается в различные общественные процессы. Активно развивается процесс вовлечения мусульман в социальное служение, причем направленное на все слои российского общества. Мусульмане как включаются в чужие проекты, созданные представителями иных общин, так и создают свои. По своей направленности они могут быть самыми различными: патриотические, культурные, спортивные, благотворительные и т. д.

Важнейшим процессом воссоздания инфраструктуры российской уммы стало возрождение системы религиозного образования. Образовательные учреждения объединены в Совет по исламскому образованию (СИО), учрежденный 10 марта 2010 г. на юридическом адресе Московской Соборной мечети, его создание было инициировано Р. Гайнутдином. В настоящее время в Европейской России действует ряд высших

мусульманских учебных заведений: Московский исламский институт, Российский исламский институт в Казани и Российский исламский университет при ЦДУМ в Уфе. Аналогичные высшие учебные заведения действуют на Северном Кавказе: Ингушский исламский университет им. Хаматхана-хаджи Барзиева (г. Малгобек), Российский исламский университет имени Кунта-Хаджи (г. Грозный), Карачаево-Черкесский исламский институт им. имама Абу-Ханифа (г. Черкесск), Северо-Кавказский исламский университет им. имама Абу Ханифы (г. Нальчик), Дагестанский гуманитарный институт (г. Махачкала). В СИО также объединены медресе, охватывающие регионы от Пермского края до Республики Крым. Важнейшим феноменом мусульманского просвещения стали вечерние и воскресные школы, которые ежегодно охватывают десятки тысяч учащихся, и наиболее многочисленны в Дагестане, Чечне и Татарстане. В 2017 г. состоялось открытие Болгарской исламской академии в г. Болгар (респ. Татарстан, Спасский р-н).

Символическим моментом, демонстрирующим возрождение российского мусульманства, может рассматриваться такое событие, как состоявшееся 23 сентября 2015 г. открытие нового здания Московской Соборной мечети в присутствии Президента Российской Федерации В. В. Путина и приглашенных в качестве гостей глав и представителей ряда мусульманских государств, в частности Президента Турецкой Республики Р. Эрдогана и Президента Палестины М. Аббаса, а также видных политических, общественных и религиозных деятелей. Именно это событие окончательно показало роль Московской Соборной мечети как главной мечети России, а Москвы как центра российского мусульманства. Имеющаяся и развивающаяся в столице образовательная, просветительская, благотворительная, социальная, научная, издательская инфраструктура показывает роль российской столицы не только как центра православия, но и как исламского центра мирового уровня, к чему призывали лидеры российских мусульман уже более столетия назад.

Вопросы по пройденному материалу:

1. Расскажите о попытках возрождения ислама на территории России в начале 90-х годов XX в.

2. Что Вам известно об Исламской партии возрождения? Охарактеризуйте ее состав и подумайте, каково было значение ее существования?

3. Какие проблемы явились препятствием для возрождения традиций российского мусульманства после распада СССР?

4. Какие военные конфликты, затронувшие мусульманское население, на территории бывшего СССР после его распада Вам известны? Можно ли какие-то из них охарактеризовать как «религиозные»? Если да, то почему?

5. Расскажите о трансформации структуры мусульманских административных учреждений в России.

6. Что, по Вашему мнению, обусловило невозможность создания централизованной организации российских мусульман на территории Российской Федерации?

7. Расскажите о деятельности Духовного управления мусульман Российской Федерации на протяжении всего периода существования этой организации (в том числе под другими официальными названиями).

8. Назовите основные векторы развития мусульманской уммы России.

9. Назовите высшие мусульманские учебные заведения, действующие сегодня на территории России.

10. Что Вам известно о международных связях российских мусульманских организаций?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кажущаяся теоретической и умозрительной проблема взаимодействия культур обнаруживает действительную практическую значимость, в особенности в тех случаях, когда речь идет о трудностях разрешения ряда вопросов, связанных с межнациональными и межконфессиональными отношениями. Важной задачей для правительства любого многонационального государства является сохранение внутренней консолидации населения. Значительной опорой в этом должно стать повышение уровня гуманитарного образования граждан Российской Федерации и нравственного воспитания.

Различие культур и, соответственно, систем мировосприятия у людей, принадлежащих к разным культурам, — объективный факт. Возвращаясь к теме населения Российской Федерации, следует отметить первоочередную необходимость понимания того обстоятельства, что в данном случае люди, принадлежащие к разным культурам, оказываются не просто соседями, но членами одной семьи, живущими в одном доме, свой вклад в строительство которого внесли представители каждой культуры, и потому не должно быть так, что кто-то воспринимается как хозяин, а кто-то — как гость. К такому пониманию истории России, к сожалению, длительное время вела политика в сфере образования. Однако следствием пропагандируемого этноцентризма является лишь программирование населения на внутренний раскол.

Ислам появился на западных территориях современной Российской Федерации гораздо раньше тех времен, когда можно было бы говорить о формировании здесь каких-либо централизованных государственных образований.

Вместе с первыми арабскими военными поселенцами, а затем и торговцами ислам приходит на Кавказ еще в середине

VII в., практически одновременно с созданием первого поликультурного государства на территории России — Хазарского каганата, взявшего под контроль огромные пространства Восточной Европы от верховьев Оки и междуречья Волги и Камы до Большого Кавказского хребта и от Карпат до Урала. Это был тот период, когда происходило оформление исламской политической культуры. Хорошо известно, что арабы, являвшиеся изначальными носителями и распространителями ислама, не навязывали свою религию силой оружия и не угнетали людей иных религий. С признавших их политическое подданство народов арабы ограничивались сбором *хараджа* — поземельного налога и *джизьи* — подушного налога с тех, кто землей не владел. Сами же мусульмане, как арабы, так и те, кто принял ислам от них, собирали *садаку* или выплачивали *закят*, а также *хумс* (в ранний период), что в сумме иногда составляло гораздо больше, чем выплаты, взимаемые с немусульманского населения. Мусульмане мирно сосуществовали с представителями других религий на Кавказе и в составе Хазарского каганата.

Это было первое государственное образование на территории современной Российской Федерации, объединявшее в своем составе население различной этнолингвистической, культурной и религиозной принадлежности. Мусульмане играли активную роль во внутривнутриполитической и экономической жизни страны, руководство которой предоставляло конфессиональным сообществам значительную автономию в регулировании внутренней жизни. Мусульманское население здесь было значительным, проживая в городах Дагестана, Нижнего и Среднего Поволжья.

В 922 г. ислам становится, в сущности, государственной религией в Волжской Булгарии — политическом образовании, постепенно обретшем независимость от разрушавшейся из-за внутренних смут Хазарии. При этом нужно отметить, что как письменные источники, так и археологические, и нумизматические данные свидетельствуют в пользу того, что болгары были хорошо знакомы с исламом уже к этому времени.

Гибель Хазарского каганата под натиском печенегов, огузов и русов в X в. расколола хазарских мусульман по территориальному признаку — общины городов Дагестана оказались предоставлены сами себе, а Волжская Булгария начала свою самостоятельную историю как независимое, первое на территории современной России мусульманское государство. Степные же районы Нижнего Поволжья, где пересекались торговые интересы кочевых народов и мусульманских государств, вскоре вновь стали зоной межкультурных контактов. Там, по течению Волги, возникали торговые точки, выросшие затем в города (например, Саксин), населенные мусульманскими — прежде всего хазарскими, хорезмийскими и болгарскими — купцами и ремесленниками. Есть исторические сведения о проникновении ислама в среду кочевников волжских и причерноморских степей, печенегов и половцев, в XI–XII вв.

Мусульманские традиции на территории Волжской Булгарии не только сохранились, но и продолжали развиваться даже после гибели Булгарского государства в 30-х годах XIII в. в результате войн с монгольскими завоевателями. Войдя в состав Монгольской империи, территории Волго-Уральского региона, Северного Кавказа, Крыма и Причерноморья, Сибири стали частью единого политического пространства, в рамках которого наладились новые экономические связи и продолжал осуществляться культурный обмен между различными регионами Евразии.

Распад Монгольской империи в результате политического кризиса и автономизация в 60-е годы XIII в. Улуса Джучи, способствовали усилению в Поволжье позиций местного мусульманского населения, издавна связанного с торговой деятельностью. В 1313–1320 гг. ислам становится государственной религией Золотой Орды, ханы покровительствуют богословам и ученым, распространению мусульманского образования и вакфов. Золотая Орда предстает как такое же поликультурное государство, в рамках которого население различного происхождения, культурной и религиозной принадлежности находит условия для осуществления автономного внутреннего

управления, одновременно черпая опыт организации эффективных механизмов взаимодействия власти и общества. Сотрясшие в конце XIV в. Золотую Орду смуты привели в итоге к ее распаду уже в середине XV в. на ряд независимых владений: мусульманских тюрко-татарских ханств и русских княжеств.

Тем не менее образовавшиеся Казанское, Крымское, Астраханское и Сибирское ханства представляли собой пример мусульманских государств с городской цивилизацией, системой образования, сетью мечетей и мест поклонения.

Ослабленные усобицами мусульманские государства, как и русские княжества, постепенно влились в состав Великого княжества Московского, ставшего в 1547 г. царством. Находясь под влиянием византийских идей, московские цари активно брались за политику христианизации, одновременно стараясь избавляться от служивших им татарских военных частей, представлявших, по их мнению, потенциальную угрозу для власти.

XVII в. играет роль переломного периода, когда происходит становление Российского государства, а в рамках его начинается давление на мусульманское население, постепенно теряющее свои позиции в политической и экономической жизни. В первые десятилетия XVIII в., с одной стороны, у государства, теперь уже империи, возникает необходимость обращения к изучению основ ислама для налаживания диалога с соседними мусульманскими государствами, но с другой — начинается еще большее давление на мусульманское население внутри страны, ликвидация мусульманского сословия крупных землевладельцев в лице служилых татар. Наиболее сложными были 40-е — первая половина 50-х годов XVIII в., связанные с откровенными репрессиями против мусульман — уничтожением мечетей, насильственной христианизацией и т. д. Только вооруженные восстания заставили правительство пересмотреть свою политику и начать относиться к мусульманам именно как к своему населению.

Начиная с Екатерины II (1762–1796), правительство постепенно ищет пути налаживания диалога с мусульманами, создается Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС),

мусульмане Крыма получают ограниченную религиозную автономию, строятся мечети, действуют стабильные медресе и мечтебы. Так прошел фактически весь XIX в., в течение которого мусульмане постепенно обретали свои права в стремлении почувствовать себя полноценными гражданами. Именно в этот период внутри самой российской уммы начинают подниматься вопросы о необходимости собственных действий с целью интеграции в систему российского государства и общества. К концу XIX в. в Российской империи существуют регионы с мусульманским большинством на Северном и Южном Кавказе, в Казахстане и Средней Азии.

В конце XIX — начале XX в. представители прогрессивной мусульманской интеллигенции, джадидистов, выступают за превращение России в конституционное правовое государство, где суверенитет принадлежит парламенту, избираемому на основе всеобщего избирательного права, выдвигают планы единой религиозной автономии российских мусульман. Вместе с тем ограничения для мусульман в сфере приобретения недвижимости, на занятие постов и т. п. были отменены только Временным правительством в марте 1917 г.

Революционные события начала XX в. не обошли стороной и российскую умму. Начало полноценного включения мусульман в политическую жизнь страны совпало с кризисом власти в стране. Образовавшийся в 1917 г. политический вакуум расколол мусульманское интеллектуальное сообщество по политическим предпочтениям, многие светские деятели навсегда пропали для России в ходе Гражданской войны 1917–1922 гг., будучи вынуждены эмигрировать из страны вследствие победы большевиков. Те, кто остался и пошел на сотрудничество с новой властью, были в итоге обмануты. Абсолютное большинство религиозных лидеров российских мусульман оставались со своими единоверцами, помогая им в дни войны, голода и террора.

Со второй половины 20-х годов XX в. советская власть начинает предпринимать радикальные меры по борьбе с религией как явлением, в т. ч. и с исламом. Следует уничтожение

богословов и мударрисов, разрушение мечетей, закрытие образовательных учреждений — эти меры фактически перечеркнули все результаты длительного процесса налаживания диалога мусульман и власти на протяжении истории Российской империи. Определенные послабления последовали в военные годы, когда значение религии осознавалось руководством страны как идеологического оружия. Хотя особых репрессий в 50-е — 80-е годы XX в. мы уже не видим, ислам в России оказался предоставленным самому себе и сохранялся в основном на бытовом уровне.

Однако в целом именно факт полного разрушения советским руководством складывавшейся столетиями на территории России традиции мусульманского образования сыграл главенствующую роль в том, что к концу 80-х годов XX в., в период либерализации, открывшей возможности для развития ислама в России, базис отправной точки развития был крайне низким. Становление исламского образования проходило словно с нуля. Благодаря усилиям наиболее активных деятелей достаточно быстро удалось создать систему религиозных учреждений, наладить взаимосвязь между общинами различных регионов страны, обеспечить подготовку духовенства. Но эти усилия, направленные на возрождение традиций именно российского ислама, встречают огромное препятствие в виде такого явления, как распространение радикальных экстремистских идей, прикрывающихся исламом, но на деле искажающими его. Это тоже стало во многом результатом непродуманной репрессивной религиозной политики руководства Советского Союза.

Главными задачами российских мусульман сегодня является, во-первых, консолидация при координации из единого центра, во-вторых, интеграция в современное российское общество.

Сам факт существования многонационального и полирелигиозного характера населения Российской Федерации требует налаживания внутри него взаимного равноправного диалога. Как отметил 23 сентября 2015 г. в своем выступлении на открытии Московской Соборной мечети Президент Российской

Федерации В. В. Путин: «Россия всегда была многонациональной и многоконфессиональной страной, она так и создавалась. Во взаимообогащении культур, традиций, религий заключались и заключаются до сих пор и своеобразие, и сила нашей общей Родины — России».

Нельзя не согласиться и со следующими словами президента: «На протяжении веков в нашей стране развивались традиции просвещенного ислама. И в том, что в России мирно сосуществуют разные народы, религии, безусловно, огромная заслуга мусульманской уммы. Она внесла достойный вклад в обеспечение согласия в нашем обществе и всегда стремилась строить внутри- и межрелигиозные отношения, общение на принципах веротерпимости».

Хотелось бы рассматривать фактический материал, собранный в представленном пособии, как наглядное подтверждение этой важной мысли.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Азаматов Д. Д. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание в конце XVIII — XIX в. Уфа: Гилем, 1999. 194 с.

Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.). М.: МПГУ, 2004. 287 с.

Асадуллин Ф. А. Ислам в Москве. М.: Логос, 2007. 128 с.

Бартольд В. В. Сочинения. Т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Наука, 1966. 784 с.

Беннигсен А. Мусульмане в СССР. Казань: Изд-во КГУ, 1999. 184 с.

Война и ислам на Северном Кавказе XIX–XX вв. / отв. ред. Л. С. Гатагова, В. В. Трепавлов. М.: Изд-во ИРИ РАН, 2000. 54 с.

Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мусульманская община в Санкт-Петербурге. XVIII — начало XX в. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. 179 с.

Загидуллин И. К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 452 с.

Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и авт. ввод. ст., коммент. и прил. Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. 367 с.

Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность: очерки / под ред. Р. Мухаметшина. Казань: Мастер Лайн, 2002. 452 с.

Ислам и советское государство: (по материалам Восточного отдела ОГПУ, 1926 г.) / вступ. ст., сост. и коммент. Д. Ю. Арапова и Г. Г. Косача. М.: ИД «Марджани», 2010. 152 с.

Ислам и советское государство / сост., авт. предисл. и примеч. Д. Ю. Арапов. Вып. 2: (1917–1936). М.: ИД «Марджани», 2010. 208 с.

Ислам и советское государство / сост., авт. предисл. и примеч. Д. Ю. Арапов. Вып. 3: (1944–1990). М.: ИД «Марджани», 2011. 528 с.

Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М.: Вост. лит-ра РАН, 1995. 312 с.

Логинов А. В. Евразия и ислам: евразийский вектор: мусульманская религиозная и общественно-политическая мысль о цивилизационном единстве России — Евразии. М.: Большая Российская энциклопедия, 2017. 343 с.

Малашенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М.: Московский Центр Карнеги, 1998. 222 с.

Московская Соборная мечеть — путеводный маяк уммы: альбом / сост.: Д. З. Хайретдинов, Д. В. Мухетдинов; текст Д. З. Хайретдинов; пер. на англ. Д. Рубин; гл. редактор Д. В. Мухетдинов. — М.: Издательский дом «Медина», 2015. 240 с.: фото.

Мухаметшин Р. М. Ислам в Татарстане. М.: Логос, 2007. 104 с.

Мухетдинов Д. В. Российское мусульманство: традиции уммы в условиях евразийской цивилизации. М.: ИД «Медина», 2016. 84 с.

Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А. Ю. Ислам в России в XVIII — начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород: ИД «Медина», 2011. 281 с.

Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А. Ю. История Духовных управлений мусульман России в XVIII–XXI вв. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2012. 260 с.

Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А. Ю. Мусульманские духовные лидеры России Нового времени. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011. 218 с.

Фаизов С. Ф. Ислам в Поволжье. VII–XX вв.: очерк истории. М.: Спутник, 1999. 76 с.

Хабутдинов А. Ю. Миллет Оренбургского духовного собрания в конце XVIII — XIX веках. Казань: Иман, 2000. 160 с.

Хабутдинов А. Ю. Российские муфтии от екатерининских орлов до ядерной эпохи (1788–1950). Н. Новгород: Медина, 2006. 60 с.

Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX века. Казань: Идел-Пресс, 2001. 300 с.

Хабутдинов А. Ю., Мухетдинов Д. В. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. Н. Новгород: НИМ «Махинур», 2005. 64 с.

Хайретдинов Д. З. Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX века. Н. Новгород: ИД «Медина», 2002. 248 с.

Хайретдинов Д. З. Старинные мечети и мусульманские объекты юга Москвы. Москва: ИД «Медина», 2015. 333 с.

Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала: Даг. ФАН СССР, 1969. 250 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ИСТОРИИ ИСЛАМА В РОССИИ

- 642/643 — появление первых арабских отрядов у Дербента
650/651 — занятие арабами Дербента
ок. 650 — ок. 1016 — существование Хазарского каганата
652/653 — разгром и гибель в Дагестане Абд ар-Рахмана и Салмана б. Рабиа аль-Бахили
642–653 — арабо-хазарская война
722–737 — арабо-хазарская война
732/733 — походы Масламы б. Абд аль-Малика на территорию Дагестана
737 — победоносный поход Марвана б. Мухаммада на территорию Хазарского каганата
Ок. 740 — обращение хазарского кагана в иудаизм
869–1075 — правление династии Хашимидов в Дербенте
889 — приход печенегов в Восточную Европу
912/913–914 — грабительский поход русов в Азербайджан и уничтожение их на обратном пути мусульманской гвардией хазарского кагана
921–922 — посольство Волжской Булгарии в Багдад и ответное посольство Аббасидского халифа в Волжскую Булгарию
922, май — официальное принятие ислама Волжской Булгарией
Конец 920-х — совершение хаджа сыном правителя Волжской Булгарии, посещение двора аббасидского халифа
966 — разгром тюрками-огузами г. Итиля, столицы Хазарского каганата

968/969 — поход русов на Итиль, бегство населения в Дербент

985 — совместный поход киевского князя Владимира Святославича и тюрков-огузов против Волжской Булгарии

986 — посольство Волжской Булгарии в Киев с предложением князю Владимиру принять ислам

1006 — заключение между Волжской Булгарией и Русью договора о свободной торговле

1009/1010 — принятие ислама частью печенегов, усобица

1024–1025 — отправка эмиром г. Булгара денег в Бейхак (область Нишапура) на строительство двух мечетей — в Себзеваре и Хосровджерде

1031 — поход русов и алан на Дербент и земли ширваншаха

1032 — разгром русов коалицией Ширвана, Аррана, Дербента и дагестанских племен

1033 — неудачная осада русами и аланами Дербента

1036 — неудачная осада печенегами Киева, начало отхода печенегов на Балканы под натиском тюрков-огузов

1041/1042 — совершение хаджа группой выходцев из Волжской Булгарии, посещение двора аббасидского халифа

1054 — появление половцев у границ русских княжеств

1067 — подчинение Дербента сельджукам

1075 — переход Дербента под прямую власть сельджуков

1117 — поход половецкого хана Аепы на Волжскую Булгарию

1120 — поход ростово-суздальского князя Юрия Владимировича на Волжскую Булгарию

1135–1136 — первое путешествие аль-Гарнати в Волжскую Булгарию и Саксин

1150 — второе путешествие аль-Гарнати в Волжскую Булгарию и Саксин

1164 — поход владими́ро-суздальских и муромских князей на Волжскую Булгарию

1171/1172 — поход владими́ро-суздальских, черниговских и низовских князей в союзе с половецкими силами на Волжскую Булгарию

1183/1184 — объединенный поход владими́ро-суздальских, муромских и рязанских князей на Волжскую Булгарию

1184 — упоминание в древнерусских летописях мусульманских военных инженеров в войске половецкого хана Кончака

1186 — поход владими́ро-суздальских князей на Волжскую Булгарию

1205 — поход владими́ро-суздальских князей на Волжскую Булгарию

1206 — образование Монгольской империи Чингисхана

1219–1220 — суздальско-булгарская война

1221 — основание Нижнего Новгорода

1221 — начало войн монголов с половцами и башкирами

1222 — сельджукский десант в Крыму, поражение объединенных половецко-русских сил

1222–1223 — кавказский поход монгольского отряда, победы над лезгинами, аланами, половцами, отрядами киевских, черниговских, галицких и волынских князей

1224 — победа болгар над монголами

1227 — смерть Чингисхана, официальное образование улусов

1228 — суздальско-булгарский конфликт в землях мордвы

1229 — появление монгольских отрядов у границ Волжской Булгарии

1229–1236 — оборона Саксина и Суммеркента от монголов

1235–1242 — «великий западный поход» монголов

1236–1240 — завоевание Волжской Булгарии монголами

1239 — завоевание Дербента монголами

1243 — поездка владими́ро-суздальского князя Ярослава Всеволодовича в ставку Бату для получения ярлыка на княжение

1244–1247 — поездка легата Римского Папы в г. Каракорум с целью уговорить хагана принять христианство и выступить на войну против мусульман на Ближнем Востоке

1245 — поездка галицко-волынского князя Даниила Романовича в ставку Бату для получения ярлыка на княжение

1246 — поездка владими́ро-суздальского князя Ярослава Всеволодовича в г. Каракорум с выражением покорности монгольскому хагану

1257–1266 — правление Берке в Золотой Орде, первого правителя-мусульманина в истории российской государственности

1261 — учреждение в г. Сарае русской православной епархии

1266–1282 — правление Менгу-Тимура в Золотой Орде

Ок. 1267 — принятие Менгу-Тимуром титула «хан», начало существования Золотой Орды как суверенного государства

1267 — ханский ярлык об освобождении православного духовенства от налогов

1277–1278 — походы Менгу-Тимура и русских князей на Кавказ

1282–1287 — правление хана-мусульманина Туда-Менгу

1287–1299 — «время Ногая», период усобиц в Золотой Орде

1299 — перенос резиденции русского митрополита из Киева во Владимир

1308 — подтверждение ханского ярлыка об освобождении православной церкви от налогов и сборов

1314 — выдача монахам-францисканцам ярлыка на основании представительства в г. Сарае

1313–1341 — правление хана Узбека

1326 — перенос резиденции русского митрополита из Владимира в Москву

1342–1357 — правление хана Джанибека

1347 — выдача ханшей Тайдулой сарайскому епископу грамоты, гарантировавшей невмешательство светских правителей в церковные судебные дела

1359–1380 — «великая замятня», смута в Золотой Орде

1361–1377/1378 — правление Урус-хана в Синей Орде

1362–1380 — существование «Мамаевой Орды»

1380–1395 — правление хана Тохтамыша в Золотой Орде

1395 — поход Тимура в Поволжье, разорение городов Золотой Орды и начало ее политического упадка

1396–1412 — время влияния Идигу (Едигея) в Золотой Орде

1396–1598 — существование Сибирского ханства

- 1428–1468 — существование государства кочевых узбеков
 1438–1552 — существование Казанского ханства
 1440–1634 — существование Ногайской Орды
 1441–1783 — существование Крымского ханства
 1452–1681 — существование Касимовского ханства
 1460 — гибель в сражении у с. Гапцах шейха Джунейда
 1465–1847 — существование Казахского ханства
 1472 — женитьба московского великого князя Ивана III на Зое (Софье) Палеолог, начало формирования новой концепции власти в Москве
 1475 — признание Крымским ханом зависимости от Османского султаната
 1480 — отказ сарайских ханов от попыток вернуть под контроль земли русских княжеств
 1502 — разгром Сарая крымским ханом, конец существования Большой Орды
 1502/1503–1556 — существование Астраханского ханства
 1512–1920 — существование Хивинского ханства
 1547 — провозглашение московского великого князя Ивана IV царем
 1552 — завоевание Иваном IV Казанского ханства
 1552–1556 — восстание поволжских народов против московской власти и христианизаторской политики
 1554–1557 — признания башкирами подданства от Московского царства
 1556 — завоевание Иваном IV Астраханского ханства
 1569 — неудачный османский поход, нацеленный на взятие Астрахани
 1571–1574 — «вторая черемисская война»
 1575–1576 — номинальное царствование в Москве Симеона Бекбулатовича
 1580–1598 — завоевание Сибирского ханства
 1582–1584 — «третья черемисская война»
 1590 — основание Судженского острога
 1593, 18 июня — царская грамота о запрете строительства мечетей в Казани

- 1604–1613 — Смутное время в Московском государстве
- 1628 — указ Михаила Федоровича о запрете мусульманам-землевладельцам иметь крепостных из православных
- 1637–1642 — «Азовское сидение», захват донскими и запорожскими казаками Азова и попытки османов вернуть его
- 1649 — принятие Соборного уложения, где вводилась смертная казнь для мусульман через сожжение за обращение православных в ислам
- 1651–1653 — конфликт Московского царства с Персией на Кавказе
- 1653–1655 — реформы патриарха Никона. Церковный раскол
- 1667–1671 — восстание Степана Разина
- 1672 — первое летописное упоминание московской мечети в Татарской Слободе
- 1676–1681 — война Московского царства с Османской империей
- 1681 — ликвидация Касимовского ханства
- 1686–1700 — российско-османская война, Крымские и Азовские походы
- 1709–1876 — существование Кокандского ханства
- 1710–1713 — российско-османская война
- 1713, 3 ноября — указ Петра I об обязательном крещении всех землевладельцев Казанской и Азовской губерний под угрозой лишения земельных владений
- 1721 — организация Святейшего синода
- 1722–1723 — Персидский поход Петра I
- 1728, 12 сентября — «Наказ губернаторам и воеводам» о запрете обращения христиан и новокрещенцев в ислам
- 1730 — признание российского подданства казахским Малым жузом
- 1731, 23 августа — указ о создании «Комиссии для крещения казанских и нижегородских мусульман и других инородцев»
- 1735 — основание Оренбурга
- 1735–1739 — российско-османская война
- 1736–1740 — восстание Карасакала среди башкир

1740, 11 сентября — указ императрицы Анны Иоанновны о преобразовании «Комиссии для крещения казанских и нижегородских мусульман и других инородцев» в «Контору новокрещеных дел»

1742, 19 ноября — указом императрицы Елизаветы Петровны о разрушении всех мечетей, возведенных «за запретительными указами»

1744, 13 апреля — постановление Сената о разрешении строить мечети в местах, где нет русского и новокрещеного населения

1745 — основание Каргалы («Сеитовской слободы»)

1753–1920 — существование Бухарского эмирата

1755–1756 — восстание Батырши

1755 — отмена правительственного указа об обязанности мусульман нести воинскую повинность за новокрещеных

1764 — закрытие «Конторы новокрещеных дел»

1767 — разрешение императрицы Екатерины II на строительство двух каменных мечетей в Казани

1768–1774 — российско-османская война

1769 — введение татарского класса в Казанской гимназии

1771 — открытие Ахундовского и Апанаевского медресе в Казани

1773, 17 июня — указ Синода о «терпимости всех вероисповеданий»

1773–1775 — Пугачевский бунт

1774 — вхождение осетин в состав Российской империи

1775, 17 марта — императорский манифест «О высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключения мира с Портою Оттоманскою»

1780 — открытие Амирхановского медресе в Новотатарской Слободе

1782, 27 сентября — введение обязательного изучения арабского языка в народных училищах в приграничных с мусульманскими территориями губерниях

1783, 28 января — указ «О дозволении подданным магометанского закона избирать самим у себя ахунов»

- 1783 — падение Крымского ханства
- 1784, 22 февраля — указ «О позволении Князьям и Мурзам Татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства»
- 1785 — образование Кавказской губернии
- 1785–1791 — восстание шейха Мансура
- 1787 — издание первого в России печатного текста Корана на арабском языке
- 1787–1791 — российско-османская война
- 1788, 22 сентября — образование «Духовного собрания Магометанского закона»
- 1789, 20 апреля — указ «Об определении в учрежденное в Уфе Духовное Собрание Магометанского закона Секретаря, Канцелярских и прочих служителей, с произвождением им жалования»
- 1794, 23 января — указ об учреждении в Крыму особого Таврического магометанского духовного правления
- 1796 — российско-персидская война
- 1800, 15 декабря — отмена ограничений на издание мусульманской религиозной литературы
- 1801 — учреждение при Казанской гимназии типографии для печатания книг на арабском языке
- 1803, 23 марта — императорский указ «О пропуске Бухарцов, находящихся в России, в Мекку для поклонения», разрешающий находящимся на территории Российской империи среднеазиатским мусульманам получать паспорта и совершать хадж
- 1804–1813 — российско-персидская война
- 1805, 30 июня — императорский указ «О правилах для Магометанского духовенства Елисаветпольской округи».
- 1806–1812 — российско-османская война
- 1808–1809 — российско-шведская война, присоединение Финляндии к Российской империи. В дальнейшем начало переезда на финские земли части татар и образование татарской общины в Финляндии
- 1810 — присоединение Абхазии к Российской империи. Вхождение в состав России части ингушского народа

1810, 25 июля — манифест «О разделении Государственных дел на особые управления с означением предметов каждому управлению принадлежащих», создание Главного управления духовных дел разных (иностранных) исповеданий

1812—1814 — Отечественная война против наполеоновской Франции, заграничные походы российской армии, участие российских мусульман

1817 — организация Макарьевской ярмарки в Нижнем Новгороде

1817–1864 — Кавказская война

1818 — открытие Азиатского музея в Петербурге

1818 — основание крепости Грозная

1822 — издание «Устава о сибирских киргизах»

1826–1828 — российско-персидская война

1828–1829 — российско-османская война

1831, 28 ноября — сенатский указ «О присяге для Магометан, при допущении их к свидетельству в делах с Христианами, или одних Христиан»

1834–1859 — Имамат шейха Шамиля

1835 — издание университетского устава, предполагающего изучение восточных языков

1836, 15 января — Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О штатах Магометанских: Оренбургского Духовного Соборания и Таврического Духовного Правления»

1846 — переименование «Духовного соборания Магометанского закона» в «Оренбургское Магометанское духовное собрание»

1850, 25 апреля — положение Кабинета министров «О новой форме присяги по судебным делам для Магометан»

1851–1914 — годы жизни Исмаила Гаспринского

1853–1856 — Крымская война

1853 — взятие российскими войсками Ак-Мечети

1854 — открытие Восточного факультета в Петербурге

1857 — издание «Устава духовных дел иностранных исповеданий»

1858–1865 — мухаджирство кавказских народов, исход в Османскую империю

1861–1864 — проповедническая деятельность Кунта-хаджи

1862–1923 — Ваисовское движение

1865 — образование Туркестанского генерал-губернаторства с центром в Ташкенте

1872, 8 апреля — положение об учреждении на Кавказе «Управления духовными делами мусульман Шиитского учения» и «Управления духовными делами мусульман Суннитского учения», оба с центром в Тифлисе

1873 — признание Бухарским эмиратом и Хивинским ханством протектората Российской империи

1877–1878 — российско-османская война

1883 — основание медресе Расулия в г. Троицке

1883–1918 — издание газеты «Терджуман»

1884–1886 — работа комиссии по созданию Туркестанского духовного управления

1890 — основание медресе Хусайнийя в г. Оренбурге

1891 — открытие в Джидде российского консульства

1898 — Андижанское восстание

1905–1907 — первая революция в России

1905, март — петиция от мусульман Чистопольского уезда премьер-министру С. Ю. Витте с требованием проведения реформ

1905, 10–15 апреля — заседание «Улама жэмгыяте» («Общества улемов») в Уфе при ОМДС

1905, 15 августа — Первый съезд мусульман России в Нижнем Новгороде, решение о создании «Иттифак аль-муслимин» («Союз мусульман») как общероссийского объединения мусульманской элиты

1906 г., 13–23 января — Второй съезд мусульман России в Петербурге, создание мусульманской политической партии «Иттифак аль-муслимин»

1906, апрель — июль — работа Государственной думы Первого созыва

1906, 16–21 августа — Третий съезд мусульман России в Нижнем Новгороде

- 1906 — основание медресе Галийя в Уфе
1907 — открытие мечети в г. Харбин
1907, февраль — июнь — работа Государственной думы Второго созыва
1907, ноябрь — 1912, июнь — работа Государственной думы Третьего созыва
1912, ноябрь — 1917, февраль — работа Государственной думы Четвертого созыва
1913, ноябрь — попытка создания партии «Сират аль-Мустаким» («Истинный путь»)
1913 — основание медресе Медрес-Али в с. Старая крепость (совр. Баксан)
1914, 15–25 июня — Четвертый съезд мусульман России в Петербурге
1914–1918 — Первая мировая война
1916–1917 — антицарское восстание в Средней Азии (Туркестанское восстание)
1916–1941 — басмаческое движение в Средней Азии
1917, февраль — революция в России, отречение царя от престола, создание Временного правительства
1917, 1–11 мая — Первый Всероссийский съезд мусульман в Москве
1917, 1–10 мая — Первый съезд горских народов Кавказа во Владикавказе
1917, 21 июля — 2 августа — Второй Всероссийский съезд мусульман в Казани
1917, 22 июля — провозглашение Национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири
1917, 24–25 июля — Первый Крымскотатарский делегатский съезд, создание партии «Милли фирка» («Национальная партия»)
1917, 25 октября (7 ноября) — большевистский переворот в Петрограде, ликвидация Временного правительства
1917, октябрь — 1922, октябрь — Гражданская война

1917, 2 ноября — обнародование «Декларации прав народов России»

1917, 28 ноября — 1919, 20 марта — Башкирская автономия

1917, ноябрь — 1918, январь — Кокандская автономия

1917, 20 ноября — 1918, 11 января — сессия Национального Собрания (Миллет меджлисе) в Уфе

1917, 3 декабря — обращение советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»

1917, 6 декабря — передача «Корана Усмана» большевистским правительством Национальному собранию (Миллет меджлисе) Национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири

1917, декабрь — учреждение Башкирского муфтията

1917, декабрь — 1920 март — Алашская автономия

1918, 6 января — разгон большевиками Учредительного собрания

1918, 17 января — создание большевиками Комиссариата по делам мусульман (Центрального мусульманского комиссариата)

1918, 23 января — декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»

1918, 26 февраля — создание Казанской Советской Республики

1918, 28 апреля — 1920, 28 апреля — Азербайджанская Демократическая Республика

1918, 30 апреля — провозглашение Туркестанской АССР

1919, сентябрь — 1920, март — Северо-Кавказский эмират

1920, апрель — провозглашение Хивинской Народной Советской Республики

1920, 16–20 сентября — Первый Всероссийский съезд мусульманского духовенства (улемов) в Уфе, образование Центрального Духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири (ЦДУМ)

1920, октябрь — провозглашение Бухарской Народной Советской Республики

1922, 30 декабря — провозглашение Союза Советских Социалистических Республик

1923, 10–21 июня — Второй Всероссийский съезд мусульманского духовенства в Уфе

1923, 30 ноября — принятие нового устава ЦДУМ, разработанного НКВД

1923 — создание Духовного управления мусульман «Назарат-и диния» в Ташкенте

1926, 7 июня — 5 июля — Всеимусульманский конгресс (Конгресс мусульман мира) в Мекке с участием советской делегации

1926, 25 октября — 4 ноября — Третий Всероссийский съезд мусульманского духовенства в Уфе

1927 — решение Комиссии Законодательных Предположений при СНК СССР о ликвидации шариатских судов

1928 — реформа алфавита мусульманских народов, введение кириллицы, отказ от арабицы

1929, 14 февраля — резолюция ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы»

1929–1938 — существование Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК

1936 — самоликвидация ДУМ Крыма

1936–1938 — сталинские репрессии, «Дело о заговоре руководителей ЦДУМ»

1942, 15–17 мая — совещание улемов ЦДУМ, призвавшее мусульман СССР к джихаду против немецко-фашистских захватчиков

1943, 15–20 октября — Первый курултай мусульманских улемов, решение о создании Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) с центром в Ташкенте

1944, апрель — создание Духовного управления мусульман Закавказья (ДУМЗАК) с центром в Баку

1944, июнь — создание Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) с центром в Буйнакске

1944, 19 ноября — постановление Совета по делам религиозных культов при СНК СССР «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов»

1944 — депортация чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, турок-месхетинцев (ахыска), аджарских турок-османов, хемшилов, курдов и др.

1945 — хадж группы советских мусульман во главе с Г. Расулевым и Э. Бабаханом

1945 — возобновление работы медресе Мир-и Араб в Бухаре

1948, октябрь — съезд мусульманского духовенства и верующих Европейской части СССР и Сибири, переименование Центрального Духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири (ЦДУМ) в Духовное управление мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС).

1952, сентябрь — отправка первой группы советских студентов в Аль-Азхар

1955 — открытие Ленинградской соборной мечети

1971 — открытие первого в СССР мусульманского высшего учебного заведения, с 1974 г. — Ташкентского исламского института имени Имама Бухари

1979–1989 — Афганская война

1988 — начало работы медресе Исмаилийа в Москве, открытие при Московской Соборной мечети курсов по изучению арабского языка и основ ислама (в 1989 г. преобразованы в медресе)

1989 — празднование 1100-летия принятия ислама в Волжской Булгарии

1989, октябрь — открытие Медресе им. Р. Фахретдина в Уфе

1990, 1 октября — закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях»

1990, 6–8 июня — Пятый съезд Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС)

1990, июнь — образование Исламской партии возрождения (ИПВ), учредительный съезд в Астрахани

1990, 25 октября — закон РСФСР «О свободе вероисповеданий»

1991 — распад СССР

1992, 8–10 ноября — Шестой чрезвычайный съезд Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС), переименование организации в Центральное

духовное управление мусульман России и Европейских стран СНГ (ЦДУМ)

1993 — образование Высшего координационного центра Духовных управлений мусульман России (ВКЦ ДУМ) в Москве

1994–1996 — Первая Чеченская война

1994, январь — создание Духовного управления мусульман Центрально-Европейского региона России (ДУМЦЕР) с центром в Москве

1994, 23 сентября — выход ДУМЦЕР из состава ЦДУМ

1994, 1 ноября — Седьмой внеочередной съезд российских мусульман при ЦДУМ

1995, 17 января — чрезвычайный съезд ЦДУМ России и Европейских стран СНГ

1996, 21 августа — образование Совета муфтиев России

1998, 9 декабря — переименование Духовного управления мусульман Центрально-Европейского региона России (ДУМЦЕР) в Духовное управление мусульман Европейской части России (ДУМЕР)

2000 — переименование ЦДУМ России и Европейских стран СНГ в Центральное духовное управление мусульман России

2014, 21 сентября — переименование Духовного управления мусульман Европейской части России (ДУМЕР) в Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ)

2015, 23 сентября — открытие нового здания Московской соборной мечети

2017, 4 сентября — официальное открытие Болгарской исламской академии

СОДЕРЖАНИЕ

	Введение	3
<i>Глава I.</i>	Распространение ислама на территории России в VII–X вв. Хазарский период	8
<i>Глава II.</i>	Волжская Булгария, Древняя Русь и степные народы Восточной Европы. XI — 30-е годы XIII в. Ислам на Северном Кавказе	27
<i>Глава III.</i>	Ислам в Восточной Европе в XIII–XV вв. Эпоха Золотой Орды	53
<i>Глава IV.</i>	Ислам и Московское царство в XVI–XVII вв.	98
<i>Глава V.</i>	Ислам в империи в XVIII в.: поиск диалога	116
<i>Глава VI.</i>	Российская империя и мусульмане Кавказа, Казахстана и Средней Азии в XIX в.	134
<i>Глава VII.</i>	Развитие мусульманской общественной мысли в Российской империи в XIX в.: джадидисты и кадимисты	152

<i>Глава VIII.</i>	Российская мусульманская общественность в начале XX в.	180
<i>Глава IX.</i>	Образование советского государства и положение мусульман в стране (октябрь 1917 — 1922 г.)	193
<i>Глава X.</i>	Мусульмане в СССР 1922–1991 гг.	214
<i>Глава XI.</i>	Ислам в современной России	252
	Заключение	269
	Список рекомендуемой литературы	276
	Приложение. Важнейшие даты истории ислама в России	279

Дамир Ваисович Мухетдинов

ИСТОРИЯ ИСЛАМА В РОССИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Под общ. ред. *В. В. Трепавлова*
Отв. ред. *В. В. Тишин*
Отв. за выпуск *И. А. Нуриманов*
Корректор *А. А. Конькова*
Верстка *А. А. Паньшин*

Тираж 10 000 экз.

ISBN 978-5-907041-10-3

9 785907 041103 >

ООО «Издательский дом „Медина“»
109382, Москва, проезд Кирова, 12
Тел./факс: 8 (499) 763-13-11

---

www.dumrf.ru www.muslim.ru www.miu.su www.islamrf.ru
www.islamsng.com www.islamrf.org www.muslim-forum.info
www.manuscriptaislamica.ru